

МИХАИЛ ОКУНЬ КЛОНЫ

International

Literary

magazine

K R E

S C H A

T I K

МИХАИЛ
ОКУНЬ

КЛОНЫ

БИБЛІОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗІЯ, ПРОЗА, ПУБЛІЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

Михаил ОКУНЬ

КЛОНЫ

Короткая проза

Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2024

УДК 821.161.1'06(430)-32
О-52

СЕРІЯ «Бібліотека «КРЕЩАТИКА»»
Заснована у 2023 році

Окунь М.

О-52 Клоны / М. Окунь — Друкарський двір Олега Федорова
2024 — 192 с.

ISBN 978-617-8000-26-4

Михаил Окунь родился в 1951 г. в Ленинграде. Поэт, прозаик. С 2002 г. живет в Германии. Автор десяти сборников стихов, трех книг прозы, сборника стихов для детей. Лауреат нескольких литературных премий. Публиковался в журналах и антологиях Бельгии, Германии, России, США, Украины, Финляндии.

Короткая проза, составившая этот сборник, выходила в журнале «Крещатик» в период с 2006 по 2023 гг.

УДК 821.161.1'06(430)-32

УЖЕ ХОРОШО!

От автора

В пятом номере «Невы» за 2004 год прочитал байку о себе Константина Мелихана¹:

48. ОКУНЬ

Я сказал поэту Михаилу Окуню:
— У Ильи Фонякова есть такая фраза: «Тарту дорог как город утрат».
Миша говорит:
— Блестяще!
Я говорю:
— Это палиндром. Справа налево читается так же.
Миша ответил:
— Ну, это легко придумать.

Что ж, палиндром Фонякова помню, а вот сам факт того разговора стёрся из памяти. Но раз Костя утверждает... А другая байка оказалась совсем родной:

47. БЕЛЛА АХМАДУЛИНА

6 июня 1999 года великая русская поэтесса, Мандельштам в юбке, Белла Ахатовна Ахмадулина вышла из метро «Канал Грибоедова» и вместе со своим мужем Мессерером двинулась к Малому залу филармонии им. Глинки, где должна была проходить церемония вручения литературных премий «Северная Пальмира». Ахмадулина была в белом платье и белой же шляпке с вуалью.

Какая-то старуха на Невском с корзиной ландышей крикнула им:
— Счастья вам, счастья!
На что Ахмадулина ответила:
— Но если это свадьба, то я жениху не завидую.

---

¹ Константин Мелихан. «Падающие звезды». «Нева» №№ 4, 5 – 2004.

Эту историю Мелихану рассказал я. Так уж получилось, что шел вплотную за «звездной парой», и Белла Ахатовна, обернувшись, обратила свою реплику ко мне. Против истины Костя, однако, несколько погрешил: ну, не могла Ахмадулина ехать на метро, — вышли мы из автобуса для участников мероприятия под названием «Всемирный конгресс поэтов», проводившегося в юбилейный пушкинский год. Да и направлялись не в филармонию на вручение, а по более прозаическому делу в другое место: на обед в ресторан «Невский», что на углу Невского и Марата.

Но дело, конечно, не в этом. Публикация в «Неве» подвигла меня собрать свои байки о писателях (впрочем, не только о них), расплывённые по разным изданиям и черновым тетрадям, добавив к ним засевшие в памяти, в один «короб». Его содержимое и предлагаю вниманию читателей.

Уже хорошо!

1990 год. Был в Москве в гостях у писателя Славы Пьецуха. Показал только что вышедшую поэтическую книжку — хоть и под одной обложкой с четырьмя другими авторами («братская могила»), хоть и название без моего ведома изменили... Мама Славы начала читать с аннотации: «Родился в Ленинграде...» Взглянула на меня и с чувством сказала: «Уже хорошо!»

Десять «дринков»

Слава Пьецух выехал за границу, кажется, в Марсель — с издателем договор заключать. В первое же утро в гостинице пошел опохмеляться, заказал водку «Stolichnaya». Девушка за стойкой налила ему, как принято на Западе, один «дринк» (двадцать грамм). Слава удивился и попросил добавить. Она добавила еще один «дринк». Слава огорчился и сказал: «Нет уж, сестра, ты налей мне, как положено!» Девушка русский язык навряд ли знала, но Славу поняла. Он выпил свои законные двести граммов и бодро начал трудовой день.

Если учесть, что Хемингуэй считался очень крепким пьяницей, так как мог за вечер выпить в баре аж восемь «дринков» и не валился с ног, то что тут можно добавить?

Галстук

Из-за границы Слава Пьецух привез два примерно одинаковых галстука, но один стоил раз в пять дороже другого. «В чем тут дело?» — любопытствовал я. Слава со знанием дела объяснил: «Видишь эту бирку? — она указывает на то, что вещь очень модная». Действительно, к одному из галстуков впереди на видном месте была пришпандорена какая-то лейбла, которая будто сама напрашивалась, чтобы ее спорили. Позже, подвыпив, Слава признался: «Чуть прямо в магазине ее не срезал — спасибо, продавец остановил».

Серый костюм

Встретились со Славой Пьецухом в вестибюле ЦДЛ. Слава был в двубортном сером с отливом костюме. Внезапно в дверях появилась девушка с бледным лицом и широко раскрытыми черными глазами. Слава спрятался за меня. Когда девушка прошла, я с понимающим видом ухмыльнулся. Слава заметил это и сказал: «Нет, тут всё сложнее. Она, когда видит меня в этом костюме, сразу в обморок падает. От восторга».

Раки

Слава приехал в Петербург, остановился на квартире знакомых у Кузнечного рынка. Вместе со мной в гости туда напросился молодой поэт Леша Ахматов — познакомиться со столичной знаменитостью.

Закуски оказалось совсем мало, и Ахматов вызвался сбежать в магазин. Вместо ординарной «Докторской» притащил с Кузнечного целлофановый пакет, полный живых раков. Славе это очень понравилось — любил он неорди-

нарные поступки. Видимо, это генное — известно, что отец его выстроил в Подмоскowie дом из бутылок (пустых, разумеется).

Когда подвыпили, Ахматов принялся читать свои стихи. Слава устался в окно, на двор-колодец. Я тихо сказал Леше: «Не порти впечатления».

Попугай

Как-то раз затащил Славу Пьецуха во время его приезда в Ленинград на выступление в кафе «Сонеты» неподалеку от Невского. Кафе было молодежное, безалкогольное (шел 1986-й год), с «культурной программой», которую мы и были призваны осуществить. У входа стояла толпа, нас встретили, провели, как сквозь строй. Какая-то девушка схватила меня за руку, умоляюще попросила: «Возьмите меня с собой!» До сих пор жалею, что не сжал эту руку...

Слава с воодушевлением прочел один из своих лучших рассказов — «Попугай», имевший всегдашний успех на публичных чтениях. В ответ — молчание, полное отсутствие реакции. Трезвая молодежь ждала музыки, танцев, а главное, возможности втихаря разлить принесенное с собой.

Настала моя очередь выступать. Я встал, взял у Славы рукопись и объявил:

— Читаю рассказ «Попугай» еще раз!

Первый блин

Мосфильмовский режиссер Валя М. внешность имел вполне тевтонскую и любил, чтобы его называли Вальтером. Хотя в то же время утверждал, что состоит в дальнем родстве со Львом Толстым.

Валя долгое время был вторым режиссером на различных фильмах, но наконец ему дали снять свой фильм. Он оказался неудачным, хотя тема была актуальной — бывший воин-афганец не находит себя в мирной жизни и уходит в преступный мир. И даже лучший друг Вали Слава

Пьецух на худсовете Мосфильма его не поддержал, заявив: «Не понимаю, как такой талантливый человек мог снять такой плохой фильм!»

Солонка

Через некоторое время после досадного провала Валя появился в Питере — опять же вторым режиссером, на этот раз фильма об адмирале Невельском — какие-то сцены балов нужно было доснять во дворцах. Пригласил в гостиницу «Россия». В компании была красивая местная девушка из тех, что всегда трутся около киногрупп.

Наутро Валя позвонил и нетвердым голосом сообщил, что ночь провел в милиции, а сейчас отпущен под подписку. Девушка оказалась несговорчивой и опытной — вызвала ближе к ночи милицию, показала разорванную блузку. «В общем, попытку изнасилования шьют. — Резюмировал Вальтер. — Давай встретимся, выпьем, а то денег совсем нет».

Посидели в незатейливом ресторанчике без специального названия (просто «Вечерний ресторан») на углу Некрасова и Литейного. Валя был в угрюмом настроении. Внезапно ожесточенно развинтил солонку, брезгливо отбросил в сторону колпачок с дырочками, полез за солью пальцами: «Не для того меня цивилизация десять тысяч лет пестовала, чтобы я не имел права руками соль брать!»

Девушка и чемодан водки

Однажды Валя М. отомстил Славе Пьецуху за двуличный отзыв о фильме на худсовете. Позвонил в Ленинград одной девушке, влюбленной в Славу, и сказал, что тот без нее просто погибает и хочет непременно видеть. Бросай всё и приезжай, человека спасти надо! Но и добавил при этом, что в Москве сейчас совсем обалдели с горбачевским «сухим законом», а у вас там в Питере, мол, полегче, недурно бы с собой захватить.

Влюбленная девушка с чемоданом водки явилась в Москву. А Слава Пьецух в этот период, во-первых, был в полной завязке, во-вторых, ни под каким предлогом не мог вырваться из семьи, а в-третьих, выполнял какую-то сверхсрочную работу. То есть не нужны были ему ни девушка, ни водка, и Валя об этих трех пунктах прекрасно знал. И, таким образом, получил под свою опеку огорченную и не пристроенную в Москве девушку, а в свое распоряжение — чемодан ленинградской водки в придачу.

Художник

Как-то раз три дня подряд бражничали в Москве на квартире у одной милой женщины по фамилии Скрябина, редактора издательства «Московский рабочий», и, кстати, внучки одного из ближайших соратников Сталина, — внешнее фамильное сходство прослеживалось весьма явно.

Дом был номенклатурный, располагался на площади Моссовета, вход от хвоста коня Юрия Долгорукого. Внизу, в подъезде, сидел вахтер, и по старой памяти спрашивал иногда, кто к кому идет.

На четвертый день, вывалившись с компанией на лестничную площадку, увидел на двери напротив начищенную медную табличку с витиеватыми буквами: «Художник Налбадян». Я опешил: тот самый! — Сталин, Брежнев... Перед глазами поплыла череда репродукций из старых «Огоньков». Наверное, подумалось, у заслуженного мастера официального портрета обязательно должны быть штуки типа тех, которые когда-то имелись у провинциальных фотографов: вставляешь физиономию в отверстие — и вот уже скачешь в черкеске на вороном коне по горам Кавказа с похищенной красоткой через седло. И я, и я страстно желаю быть запечатленным в строгом френче генералиссимуса или в белом парадном кителе маршала!

Несмотря на уговоры сопровождающих лиц, я позвонил в дверь раз, другой. Художник не открыл.

Как пишутся стихи

Вышли с поэтом Л. из квартиры, где он только что вдрызг разругался из-за пустяка со своей хорошей знакомой. «Зачем ты так?..» — спросил я. «А чего она?..» — ответил он. А потом что-то забормотал себе под нос. Я прислушался: «От обиды ли, от либидо...» «Уже оформляет», — понял я.

Неадекватная реакция

Поэт Т. звонит своей знакомой художнице:

— Аллочка, вроде бы я вчера у Сноховичей набедакурил? Матерился, опрокинул что-то? А то очень смутно...

— Да что ты, Миша, этим людям в общем-то повезло. Вот в прошлый раз, когда мы выпивали в мастерской у Гали и тебя попросили стихи почитать, ты так распалился, что дверь ногой вышиб и мольберт разнес в пух.

— Господи, и этого не помню!..

Повесив трубку, поэт Т. задумался: «Всего-то стихи почитать — и такая неадекватная реакция!»

Псевдоним

Комиссией по работе с молодыми литераторами при Ленинградской писательской организации руководил поэт Вольт Суслов. А вскоре на мероприятиях, проводимых этой комиссией, стала появляться молодая поэтесса Татьяна Вольтская. Юморист Андрей Мурай поинтересовался: «Это не отсюда ли такой псевдоним?» «Нет, — убежденно ответила поэтесса. — Нет!»

Эпиграмма

В подчинении у Вольта Суслова по ведомству молодых литераторов находился поэт Герман Гоппе — названия его

должности не помню, но приходил он каждый день в Дом писателя, сидел в кабинете, курил, поругивал «молодых начинающих», строго уставив в них стеклянный глаз (был он инвалидом Великой Отечественной). А среди молодых своими дарованиями выделялись в то время две поэтессы, две Ирины — Знаменская и Моисеева. А талантливым людям, как известно, позволено несколько больше, чем остальным. Видимо, поэтому в молодежной литераторской среде родилась следующая эпиграмма:

За двух Ирин, на радость всей Европе
Когда-нибудь получит Вольт по Гоппе.

Напряжёнка

О том, что работа с молодыми литераторами в те годы велась весьма интенсивно, свидетельствует частушка, приписываемая Вольту Суслову:

Ты не лезь с любовью, жёнка,
По постели не юли.
Тут такая напряжёнка —
Самого-то за...ли!

Поминки

Гоппе пьяниц недолюбливал, но сам выпить любил. Одним из его постоянных собутыльников был татарский поэт Риза Халид. Однажды Герман Борисович, находясь уже слегка под мухой, поднялся из писательского буфета в свой кабинет, сел за письменный стол и огорченно сказал: «Опять Риза как дереза!»

Уже неизлечимо больной, Гоппе снова захотел увидеть своих бывших подопечных, молодых (и уже не очень) литераторов. Решил устроить посиделки на дому. Приглашал так: «Приходи на мои поминки!»

Хвост редактора

Первая книга поэта Иры Знаменской выходила в «Сов-писе» под редакцией писателя Николая Коняева. Когда книга уже вышла, один доброжелатель заметил в ней любопытную слитность: «коня его хвост». И обратил внимание Коняева на «Коняева хвост». Коля сначала немного напрягся, но потом взял себя в руки и сказал: «Так и было задумано».

Почитатель

Эту историю рассказал мне писатель Николай Шадрунов, ныне уже покойный. В Доме творчества «Малеевка», что под Москвой, он заметил какого-то писателя, стоявшего на четвереньках. При этом тот припал лбом к расколотой мемориальной доске, прислоненной к стенке — словно в молитвенном экстазе. «Какое поклонение, какая любовь! — подумал Коля. — Надо посмотреть, кому адресована эта доска и познакомиться с таким искренним почитателем таланта». Он хотел подойти поближе, но в этот момент писатель, всё так же на четвереньках, отправился к входу в дом. И Коля знакомиться с ним раздумал.

Спусковая доза

— Налей-ка мне сегодня спусковую, — приняв некое важное решение, попросил писатель Б. в литераторском буфете. Это означало, что ему требуется единоразово двести пятьдесят граммов водки — и после этого писатель уверенно уйдет в семи-восьмидневный тяжелый запой.

То есть ежели бы буфетчица Люда остановила свою ручку хотя бы на двухсот, не пропало бы целой недели для литературы. Но этого, увы, не произошло.

Писатель Б. выпил, коротко выдохнул, взгляд его, обычно напряженный, просветлел. Запой благополучно начался.

Не с нами...

В конце восьмидесятых годов в писательской среде Ленинграда стали нарастать раскольнические настроения. На высоких табуретах за стойкой литераторского буфета сидят Илья Фоянков и сын мансийского народа Юван Шесталов, желающий в числе некоторых других отделиться. Шесталов говорит:

— Вот — Пикуль на нашу новую организацию тысячу рублей прислал!

Фоянков, прищурившись, спрашивает:

— Тебе, что ли, прислал?

И всё же откололись. Палиндром Фоянкова «И манси с нами» не стал пророческим.

Летописец

Писатель Константин Мелихан любит записывать за другими. Иногда спрашивает даже разрешение.

Однажды сидели в компании. У меня в разговоре вылетело: «Стоял, как впопанный...» Сам не знаю, почему. Костя тут же вежливо спрашивает:

— Можно записать?

— Пожалуйста! — говорю.

И теперь всё жду, когда этот «впопанный» где-нибудь всплывет.

Швейцарская революция

Хотя и сам сожалею, что многого не записывал, а теперь иногда лишь всплывает в памяти обрывками. Вот в армии сержант из Уфы Гена Афиногенов шипит мне в лицо: «Я тебя сгнию!..» Или у Финляндского мужик спрашивает: «Как добраться до улицы швейцарской революции?» Я поначалу, помнится, опешил (была ли в Швейцарии хоть какая-нибудь революция?). А потом заглянул к нему в бумажку: «ул. Ш. революции» и сообразил — он ищет Шоссе революции. Уже, слава богу, нашей, отечественной.

Увольнительная

Молодая актриса Катька Р. была девицей весьма находчивой. Как-то раз она опоздала на похороны родственницы и пришла на кладбище в ранних сумерках. Пока нашла свежую могилу и скорбно постояла возле нее, стемнело. Ворота оказались уже закрытыми, и Катя, найдя подходящее место, стала перелезать через чугунную ограду.

От кладбищенской церкви поспешно отделилась старушка-служительница и, подскочив, запричитала:

— И что делают, молодежь! И не стыдно?!

Катька, скорчив подходящую мину, сдавленно просипела:

— Тихо, бабка! Тороплюсь я — у меня увольнительная только до первых петухов.

Старуха, крестясь, дунула обратно к храму.

Окладоискатель

Писатель Евгений Звягин внешностью и телосложением напоминает Бальзака. Первую тонкую книжку прозы выпустил поздно, в солидном уже возрасте. Называлась она «Окладоискатель». В литературных кругах ее окрестили «Окладоискатель». Но если говорить об авторе, то работал он, как и положено всякому уважающему себя писателю из андеграунда, оператором газовой котельной, с места на место не бегал, окладом вроде был доволен. Может быть, коллеги учуяли в названии книги нечто подсознательное?

Бацалёв

Московский писатель и редактор Володя Бацалёв однажды, едуци в командировку в Питер, ухитрился попасть в вытрезвитель сначала на Ленинградском вокзале в Москве, а потом по приезде — на Московском вокзале в Ленинграде. Персонал последнего, по отзывам Володи, оказался подобрей, что делает честь нашему городу.

Была у Володи интересная теория, что голову в принципе мыть не надо — через некоторое время засаленная грязь сама скатывается с волос, и таким образом происходит полезное самоочищение. Не взять ли это на заметку различным разработчикам всё новых сортов шампуней?

Умер Володя скоропостижно, во время писательского пробега Москва — Петушки. В собственные Петушки отчалил...

Москва — Петушки

Не знаю, проводятся ли сейчас, в новое время, писательские пробеги (на электричке) по маршруту Венички Москва — Петушки. А в прежние времена были они регулярными, и каждый уважающий себя писатель-участник почитал своим святым долгом до Петушков, подобно Веничке, по известной причине не доехать. Так что в конечном пункте в итоге оказывались лишь примкнувшие к пробегу старушки, студенческая молодежь и плохие писатели.

Хотя пробеги, может быть, и проводятся. Ведь автор «Москвы — Петушков» не мог, думаю, и во сне увидеть, что его герою поставят памятник на Курском!

Вкус водки

В ЦДЛ на встрече москвичей с ленинградцами во второй перестроечный год поэт-метаметареалист Парщиков возмущался: «Почему в ленинградскую делегацию не включен ни один представитель питерского андеграунда?» Но позже, уже в гостиничном номере, отведав привезенной нами водки, подобрел и сказал: «Совсем гайки закрутили — уже полгода водку в рот не брал! Даже вкус забылся». Кто-то из присутствовавших предложил создать совместными усилиями произведение под названием «Вкус водки». Действительно, есть роман советского классика «Вкус хлеба», на театрах шла пьеса «Вкус меда». «Вкус водки» с интересом читался бы людьми, его забывшими.

С помощью Бродского

Молодой поэт Е. переехал на жительство в Америку, разыскал адрес Бродского, послал ему свои стихи. Далее молва утверждает, что нобелевскому лауреату стихи Е. понравились, и он пообещал ему всячески помогать. Писатель И., услышав эту историю, саркастически усмехнулся: «Ну чем Бродский может ему помочь? Стихи за него станет писать, что ли?»

Реклама — шанс

Писатель Владимир Рекшан всегда чем-то недоволен, много сердится. И бросается из крайности в крайность. То бывало, когда писатель в подпитии, не отвяжешься от него, встретив где-нибудь на Невском у «Соломона», пока сто грамм не поставишь. То вдруг становится убежденным анонимным алкоголиком и в городской прессе печатно порицает своих бывших коллег по бутылке. При этом предпочитает дружить исключительно с американскими анонимными алкоголиками и, соответственно, бывать в США на их семинарах. То вспоминает о спортивном прошлом и едет прыгать через планку на ветеранские соревнования не куда-нибудь, а непременно в Венгрию. То срочно добирает рокерской славы, появляясь на сцене с актуальной песней «Гуд бай, империя!» и в трусах. В общем, разносторонняя личность. А с некоторых пор много пишет о Париже и, заметив, что арабы ведут себя там нагло, страшит Запад мусульманской угрозой.

...Если приглядеться, то название популярной питерской газеты объявлений «Реклама-Шанс» как-то перекликается с фамилией писателя. Была бы реклама, а шанс, глядишь, появится.

Кто такой?

Одна знакомая девушка увидела в фойе на концерте группы «Наутилус Помпилиус» Вячеслава Бутусова, и, робея,

попросила у него автограф. В руках у нее была книга писателя Рекшана, легенды (каковой он, во всяком случае, сам себя считает) питерского рока, посвященная как раз теме рок-музыки. Причем с автографом автора. Ее-то она, за неимением ничего другого, и протянула Бутусову.

Тот нисколько не смутился наличием другой подписи и начертал на шмуцтитуле автограф. Девушка ликовала: одна книга — и с двумя автографами великих! А Бутусов, взглянув на обложку, спросил: «А кто такой Рекшан?»

Никак!

Когда поэтессу Надежду Михайловну Полякову спрашивали о каком-нибудь человеке, имя которого на слуху (например, об известном думском политике): «Как Вы к нему относитесь?», она обычно отвечала: «Так же, как и он ко мне». И на недоумённый вопрос собеседника: «А как он к Вам?..» припечатывала: «Никак!»

Турнир

Однажды поэтессы Надежда Полякова и Нонна Слепакова затеяли поэтический турнир — обменивались эпиграммами. Кто победил — не знаю, но одна эпиграмма Слепаковой запомнилась:

Не суй свой инструмент,
Ваятель бестолковый,
Под грозный монумент
Надежды Поляковой.

В Париж

Эту историю рассказала мне поэтесса Наталия Иосифовна Грудина.

Как-то раз крестьянский поэт Михаил Сазонов пришел на прием к Александру Прокофьеву, возглавлявшему ленин-

градскую писательскую организацию, и попросил командировку в Париж: «Задумал я поэму о парижских коммунарах. Надо бы на месте ознакомиться».

Прокофьев вышел из-за письменного стола, приобнял гостя за плечи и, окая, сказал:

— Господь с тобой, Минька, какой Париж? Мы же тебя до соседней деревни-то отпустить не можем, чтобы ты по дороге не набрался, а тут — в Париж!..

Выстрел холостой

Грудинина вела различные литературные объединения. Люди в них приходили разные. Вот бледная, болезненного вида девушка читает сочувственно:

Плохо коммунистам —
Их никто не любит...

А вот крепкий ветеран бодро, без всякой задней мысли заканчивает стихотворение о революции:

И который год уж над Невой
Всё гремит, гремит, гремит «Авроры»
Выстрел холостой!

История одной дружбы

После участия в процессе Бродского в качестве общественного защитника Грудинину отлучили от работы с «литературной молодёжью» (отстранили от руководства ЛИТО, составления сборников молодых авторов и пр.). Хотя всё это не остановило ее от дальнейшего обивания разного рода начальственных порогов с просьбами отпустить «тунеядца» из ссылки.

Кстати, в «Записных книжках» Довлатова где-то сказано, что ее исключили из партии. Прочитав это, она пожалала плечами: «В партии я никогда не состояла».

Вот еще одна история, рассказанная мне Наталией Иосифовной.

Однажды вечером Бродский пришел к ней в гости. В разговоре Грудина пожаловалась, что ее младшая дочь Нюся больна, но врачи с диагнозом затрудняются и поделаться ничего не могут.

После ухода Бродского в тот же вечер на квартире Грудина неожиданно пошли звонки от известных ленинградских медиков с предложением услуг. В итоге один из них взялся помочь и вылечил Нюсю (у нее оказалось какое-то сложное легочное заболевание).

Потом выяснилось, что это Бродский в тот же вечер, ничего не сказав Наталии Иосифовне, стал обзванивать медицинские светила города с просьбой о помощи.

Впоследствии, когда Бродский жил уже в США, они с Грудина переписывались. Наталия Иосифовна говорила, что в своих письмах Иосиф словно пытается оправдать свой отъезд.

Письма эти вместе со всем своим архивом Грудина продала Пушкинскому дому («Триста рублей дали — совсем неплохо!»), разрешив открыть архив только после ее смерти. Так что нынче письма Бродского Грудина могут быть доступны. Наталия Иосифовна ненамного пережила своего «подзащитного».

Мемориальная тоска

Поэты Г. и А. — очень хитрые, предприимчивые ребята, хотя и благородство им не чуждо. Где-то присмотрели они однажды второстепенную медную доску Пушкину и свинтили ее со стены. Хотели сдать в металлолом как цветной металл, но замешкались. А тут подоспел юбилей Пушкина. Поэты Г. и А. торжественно вернули доску государству, поклявшись на томике стихов юбиляра, что обнаружили ее на какой-то свалке. За что удостоились благодарственной заметки в прессе.

Веник

К. — хороший писатель, хотя никто его не читал. Просто знают, что хороший, и всё тут. Выходила когда-то книжечка малым тиражом, но где ее найти? — не в Публичку же тащиться ради писателя К. На волне своей популярности писатель занял редакторскую синекуру в одном солидном издательстве. Там он в основном спал. А однажды собрался после работы в баньку и прихватил с собой дарёный лавровый веник (это не опечатка — не венок, а именно веник, — существуют наряду с березовыми, дубовыми, можжевельными и лавровые). На службе опять заснул, подложив подарок под голову. То есть вышло в буквальном смысле — «почил на лаврах».

История одного плагиата

Юная пятнадцатилетняя красавица из маленького уральского городка с мушкетерским названием Арамиль вдруг стала талантливой поэтессой. Ее стихи начала печатать местная районка, потом областная газета, потом их включили в коллективный сборник юных дарований Екатеринбургa. Встал вопрос о назначении для начинающей звезды губернаторской стипендии и выпуске ее первой книги. Но внезапно все рухнуло.

Причиной стало — и об этом я искренне сожалею — одно моё стихотворение. Его прочитал в подаренной мной книге екатеринбургский поэт Д. и вдруг вспомнил, что уже видел его в коллективном сборнике — под другой фамилией.

Всё оказалось очень просто. Красавица, которая по всем статьям уже была «мисс Арамиль», решила добрать по интеллектуальной части. С этой целью она взяла десятилетней давности подшивку московского журнала «Смена» и настригла оттуда понравившихся ей стихов разных авторов (собственных стихов у нее не было, увы, ни одного). И пошло-поехало. Девушка уже и сама была не рада произведен-

ному эффекту, однако ее литературные кураторы требовали всё новых и новых творений для публикаций. Кончилось дело поездкой корреспондента областной молодежной газеты в Арамиле для встречи с «виновницей торжества» и разоблачительной статьей.

...Я никогда не был в Арамиле и вряд ли буду. Нашел этот город в «Атласе СССР» издания 1963 года — кружочек «менее 10 000 жителей» на реке Исеть (надеюсь, за протекшие годы город покрупнел). Представил себе его дома, мостовые, магазины, какой-нибудь одноэтажный ресторан — не иначе, как с названием «Исеть» ... И, быть может, внезапное прозрение девушки и желание моментально, сразу же воспарить над всем этим. «Свое родство и скучное соседство мы презирать заведомо вольны»¹. А потом, воспарить с помощью стихов, пусть и чужих, — отнюдь не худший способ. Да и, кроме того, лестно мне, что среди приглянувшихся красивой девушке стихов оказалось и моё.

Однофамилец

Поэт Олег Левитан раньше очень досадовал, что его всё время донимают вопросами по поводу знаменитых однофамильцев — художника и диктора. Даже стихотворение разъяснительное написал: в родстве, мол, не состою, сам по себе.

Съездил в Америку, пробыл три месяца, не прижился, вернулся. «Я, — пояснил он, — как инструмент — может быть, флейта, — который только на родине играть и может».

Интересный писатель

Московский прозаик Шавкута на встречу с молодыми литераторами пришел не в духе. Дело в том, что встречу назначили не вечером, как обычно, а утром, и прозаик не

---

¹ Из стихотворения О.Мандельштама «Я не слышал рассказов Оссиана...».

успел опохмелиться. А потому начал разговор с аудиторией следующей фразой: «Вы мне неинтересны — я сам себе интересен!»

Перемена ролей

Писательница Д. — человек неординарный. Во-первых, она бывшая профессиональная стриптизерша. Во-вторых, ее сексуальные наклонности выходят за рамки стандартных. Не подумайте, ничего «розового» тут нет (это, как раз, уже почти стандарт и есть). А имеется как раз «голубое». Еще во времена свободы газетных секс-объявлений Д. давала такие, например: «Стану ласковой сестрой для молодого гея...»

Для этих целей у писательницы-стриптизерши имеется большой набор фаллоимитаторов: различных размеров, на ремнях и без, повторяющих форму предмета и не повторяющих, всех цветов спектра (не усмехайся, читатель, — самому не довелось увидеть, всё со слов). Клиентура у писательницы, надо заметить, была весьма обширная.

Свои качества Д. с успехом использовала и во время гастролей за рубежом, где в большую моду вошли клубы с переменной ролей. Мужички там ходят в передничках и избражают послушных домохозяек, а властные дамы исполняют роль грозных супругов со всеми вытекающими для «домохозяек» последствиями. Гонорары за участие в подобных оргиях значительно превышают заработки стриптизерши средней руки.

Перед последней полугодовой поездкой на гастроли в Японию писательница вдруг решила свою коллекцию раздарить интересующимся, желательно писателям. Непременным условием дарения она поставила «вставление» подарка принимающему его. За короткий срок вся обширная коллекция разошлась по рукам.

Очень и очень жаль, что писательница Д. не пишет произведений на основе своего богатого опыта. Как читались бы ее вещи, проникнутые подлинным знанием предмета (подчеркиваю: «предмета» во всех смыслах) на фоне жалких потуг пожилых сочинителей эротики, знакомых с темой лишь понаслышке!

Жизнь пропета

Кто помнит писателя Аркашку Селезнёва? Огромные глаза за линзами очков, безудержное, судорожное пьянство, распродажа остатков библиотеки отца, профессора медицины. Почти все его рассказы заканчивались смертью какой-нибудь старушки, в основном старушки-матери. Вероятно, здесь оказал влияние тюремный фольклор — Аркашка успел посидеть по какому-то, с нынешней точки зрения, пустяковому поводу, характерному для представителя «золотой молодежи» семидесятых — фарца или валюта. Любил розыгрыши — как-то раз носился по Дому писателя с бумагой якобы из ЮАР о присуждении поэту Геннадию Григорьеву госпремии этой страны по литературе в три тысячи рандов.

Предметами гордости Аркашки были: его портрет работы художника Никиты Зверева, хранящийся на квартире у бывшей жены; толстый свитер, подаренный эмигрировавшим в Америку другом; умение готовить горчичный соус к селедке — делал это действительно замечательно. А с художественной богемой дружил крепко. Во времена нашего приятельствования (начало девяностых) жил на антресолях у вдовы художника Сысоева, так как был бездомен. Вдову называл «бабушка», хотя был постарше ее.

Приставал ко всем с чтением своих стихов, в голосе всегда дрожала слеза. Однажды в Доме актера прилепился с декламацией к подвыпившему Александру Володину, сильно старика растрогал. Сидело в Аркашке некое безумие — для одних отталкивающее, для других симпатичное.

Вот запомнившееся начало одного стихотворения (думаю, неопубликованного), с которым Аркашка обычно вылезал, не дожидаясь приглашения, на сцену во время различных литературных вечеров:

Когда-то, за макушкой лета,
В прощальном караване птиц,
Ты выяснишь, что жизнь пропета,
И нет уже знакомых лиц.

Потом был инсульт, еще один. Потом Селезнёв пропал куда-то...

Диссидент

Когда в начале 90-х годов я вел ЛИТО на заводе «Арсенал» им. Фрунзе у Финляндского вокзала, занятия регулярно посещал рабочий этого завода Борис Миркин. Маленького роста, плотный, в больших очках. Холост в свои почти пятьдесят, встречал его только с мамой-старушкой.

Боря писал длинные стихи (положа руку на сердце, графоманского толка) и от души радовался каждой публикации в заводской многотиражке.

Каково же было моё удивление, когда я узнал, что Боря был «отсидентом» — отсидевшим диссидентом, причем отсидевшим за стихи!

В 1980 году он написал стихотворение о Брежневе — в своем стиле. Мол, ты себе, Леонид Ильич, ежеквартально новую бляху на широкую грудь вешаешь, а магазины пустые, жрать нам нечего. И неосторожно прочел его товарищу по работе — а работал он тогда лаборантом в Военно-Медицинской академии. Товарищ исправно донес. Боре определили четыре (!) года.

Умер Брежнев, в затылок ему умерла еще парочка генсеков, а Боря всё сидел. Да не на высылках пребывал, как будущий нобелевский лауреат, а в лагере, от звонка до звонка.

Дело Миркина, в отличие от его знаменитого соотечественника, никакого резонанса у мировой общественности не получило. Отмотав срок, Боря устроился на завод, писал стихи о перестройке и бережно сохранял многотиражки со своими новыми публикациями.

Увлекательное чтение

Актер Сергей Филиппов был заядлым книгочеем и имел большую, хорошо подобранную библиотеку. Однажды, когда жена актера была в отъезде, они с поэтом Михаилом Дудиным выпивали у Филиппова на квартире, но деньги в самый ответственный момент кончились (Дудин еще не был лауреатом-депутатом, а «король вторых ролей» Филиппов

у начальства в фаворитах никогда не ходил). Недолго думая, раздобыли они где-то тележку, погрузили на нее полное издание Большой Советской энциклопедии (томов под пятьдесят) и свезли его в какой-то «Букинист». А на вырученные средства замечательно продолжили вечер.

Когда вернулась жена Филиппова, она, увидев несколько оголенных полок, ахнула:

— Серёжа, а где же?!

— А-а, — замялся Филиппов, — ты о Большой Советской? Так я ее Мише Дудину дал почитать...

Избранное

На конференции молодых литераторов Северо-Запада в 1987 году критик Дмитрий Молдавский был в числе руководителей одного из поэтических семинаров. Работал он в то время на Ленфильме, был весьма влиятелен.

Во время обсуждения критик откровенно скучал, изредка бросая едкие реплики типа: «Им что верлибр, что верблюд». Но раз, услышав строки одной молодой поэтессы, оживился, заулыбался: «Это надо же!» Строки были следующие:

Лишь охальники да матюжники
Жрут чанахи и гадят в нужники.

Драчун

Однажды в разлив на Пестеля, именовавшемся в писательской среде «Звездочка» за территориальную близость к редакции журнала «Звезда», увидел, как поэт Володя Нестеровский пытается расплатиться за налитые ему сто грамм экземплярами собственной поэтической книжки, изданной за свой счет. Володя был весьма убедителен, однако разливальщица категорически отказывалась от такой формы натурального товарообмена. Видимо, с творчеством поэта она не была знакома.

И вообще поэт очень любил выпить, не брезгуя при этом никакими случайными компаниями. А поскольку его частенько в них поколачивали (а как же иначе? — мог он, к примеру, будучи отвергнутым с навязчивым чтением стихов, начать поносить собутыльников), Володя уверенно заявлял: «Драться я умею!»

Старый шкаф

Когда я работал в Доме писателя литконсультантом, как-то раз начальство поручило разобрать старый стеновой шкаф с бумагами (такая вот литературная консультация!)

Шереметьевский особняк на улице Воинова был подарен правительством ленинградским писателям в незапамятные времена, а потому обширная ниша хранила многолетние залежи. Чего там только не было! — жалею, что ничего из этих вопиющих документов не догадался сохранить.

Помню, например, заявление писателя Валентина Пикуля о предоставлении ему квартиры — написанное, как и всё прочее, выходявшее из-под пера писателя, фиолетовыми чернилами и простой школьной вставочкой. На обычное заявление оно не было похоже — на нескольких страницах Пикуль образно расписывал тесноту своего жилища. Буквально так — он, мол, чтобы добраться до комнаты, вынужден переползать через огромный холм из рукописей в коридоре. Но, вероятно, неординарность документа на членов жилищной комиссии действия не возымела — судя по тому, что вскоре Пикуль перебрался в Ригу.

А вот бумаженция иного рода — на машинке (второй экземпляр), без подписи. Докладная анонима о пьяном поведении в буфете молодого поэта С. Тот, завидев члена правления Виссариона Саянова, закричал ему: «Протри очки, товарищ Саянов! А то не видишь, как рабочих поэтов затирают!»

Нам года — не беда

В буфете Дома писателя поэт С., уже пожилой, узнав от кого-то, что бедолага за соседним столиком прискрёбся из

Парижа на так называемый конгресс соотечественников, нетвердо подошел к нему и, грузно опершись обеими руками о край стола, заявил:

— Ваше высокопревосходительство, товарищ Мацкин! (фамилию поэт С. выбрал произвольно). Ставлю задачу. Требую немедленного принятия правительственной «молнии» следующего содержания. Пишите: «Париж. ВЧК. Полковнику Фурманову. Всех проституток, блядей, белых офицеров и спекулянтов срочно расстрелять. Ульяновленин. Точка».

Плюхнувшись за свой столик и несколько успокоившись, поэт С. проворчал по старой памяти:

— Будут знать, как затирать рабочего поэта!

По заветам Ильича

В школе перед первоклассниками выступала старая перечница, писательница С-ая, с «воспоминаниями об Ильиче». Долго жевала она манную кашу, почерпнутую из детских книжонок. Как вдруг в классе кто-то громко пукнул.

Вместо того, чтобы великодушно не обратить на это внимания и продолжать, большевичка оскорбилась (не за себя, полагаю, — за память о вожде) и строго спросила:

— Кто это сделал?!

Воцарилась, выражаясь литературным штампом, гробовая тишина.

— Кто это сделал?!!

Тишина стояла всё та же — попробуй, сознайся в таком деле.

— Пусть встанет тот, кто это сделал, если он не трус! — в лучших традициях продолжала психологическое давление старая карга. — Ну?!

Не встал никто.

— Не признаётесь, малодушничаете?

И тут С-ая выдала такое, от чего молодая учительница, до того мирно дремавшая на последней парте, чуть с нее не грохнулась:

— А вот Ильич бы признался!

Интеллигентные люди

В Красной гостиной Дома писателя молодая начинающая критикесса делала обзор журнальной поэзии. И произнесла примерно такую фразу: «В стихах Кушнера чувствуется интеллигентность». Поэт Леонид Агеев проворчал со своего места:

— Мы тоже больше десяти книг прочитали!

Менталитет

«...Близок к общеевропейскому менталитету...» — прочитали в рекламном листке нового журнала, присланном к ним в редакцию.

По окончании трудового дня вышли на чёрную ноябрьскую улицу, зашли в кафе, выпили две бутылки коньяку под кофе. Затем зашли в розлив, взяли две бутылки водки, выпили под конфетку.

Вышли на черную ноябрьскую улицу — всё вокруг плывет.

— Как бы в менталитет не угодить, — через силу выдавил один из них.

Маяковский

Двое едут в троллейбусе. В запое, чувствуется, уже не первый день. Один — какого-то помешанного типа: он то безудержно смеется, то с причитаниями плачет. Второй за это угрожает ему мордобоем, после чего первый каждый раз прерывает свои спонтанные реакции и стереотипно бормочет мелким говорком:

— Всё-всё-всё-всё! Молчу! Сло́ва не услышишь...

Через некоторое время картина в точности повторяется.

Так продолжается довольно долго. Однако при переезде Литейного моста придурковатый внезапно удивляет сочув-

ствующую публику. На очередную порцию угроз вместо «всё-всё-всё-всё» он, гордо вскинув голову и осмысленно блеснув взором, отчеканивает:

— Не смей! Я Маяковский! Я сейчас застрелюсь!

Оскоплённое лицо

На обсуждении лениздатовской поэтической кассеты молодых поэтов авторы дружно сетовали, что их будущую нетленку сильно почикали редакторские ножницы. Ответное слово от издательства редактор Михаил К., сам баловавшийся как стихами, так и литературоведением, начал так:

— Конечно, негоже оскоплять творческое лицо автора...

Говно

Писатель-юморист Эдик Дворкин назвал одну из своих книжек «Говно» — для возбуждения, видимо, читательского интереса. Название книжки сильно повредило юмористу при вступлении в Союз писателей. Один из членов приемной комиссии, его приятель, так и сказал: «Лучше б ты ее на комиссию не представлял и вообще подальше засунул! А то С. говорит: «Пусть называет книги как хочет, но зачем же нам говно в союз принимать?! И так полно...»

Всё, однако, в конце концов обошлось, и Эдика со второго или третьего захода приняли. Так что дело не в названии.

Тот, кто пишет!

Автор С. был журналистом, а стал «культовым писателем». Даже нынче собственную передачу на ТВ ведет. Свой первый роман он выпустил под псевдонимом, зато герой его, бесстрашный и вездесущий репортер, носил подлинную фамилию автора. Мне довелось быть редактором этого романа в издательстве «Азбука».

По типу мышления С. — «пылесос». В его текстах объе­шься винегретом из разнообразной информации, которую, впрочем, добросовестному редактору необходимо строго проверять. Иначе, допустим, город в центре Англии, рядом с которым и речушки-то приличной километров на сто не отыщется, может оказаться крупным морским портом. В об­щем, для редакторов — бич божий.

Вскоре автор С. устал от моих придинок, и мы стали общаться посредством переписки на полях его рукописи. Однажды на мой недоуменный вопрос, с чего это его бой­кий репортер вдруг начинает величать себя писателем, я получил вразумляющую отповедь: «Писатель — это тот, кто пишет!» И тут по поводу автора С. я словно прозрел и беспокоить его перестал. А будущее автора С. показало, что выбрал я правильную линию. Действительно — «тот, кто пишет».

Последний из даринцев

Питерский поэт Арсен Мирзаев пишет верлибры, а как литературовед занимается творчеством Хлебникова и Айги. По национальности Арсен даргинец — есть такая немного­численная народность на Кавказе.

Как-то раз Арсен менял паспорт — еще в те времена, когда в «краснокожей книжице» стояла национальность. Раскрыв в паспортном столе свежий документ, он обнару­жил, что в соответствующей графе обозначено «даринец», пропустила рассеянная девушка букву «г». Поэт обратил на это внимание, но строгое начальство ответило на его притя­зания примерно следующее: «Исправления вносить, сам по­нимаешь, нельзя, бланки паспортов на строгом учёте, новый выдать не можем. Какая тебе разница — даргинец, даринец? Ходи так».

Этому совету Арсен и последовал, став последним (но в то же время и первым) из даринцев. Как тут не вспомнить, что, говорят, поэт Михаил Кузмин выправил в паспорте нацио­нальность «ассириец».

Пердуха

Однажды во второй половине 80-х годов Михаил Сергеевич и Раиса Максимовна Горбачевы, побывав на спектакле БДТ, внезапно изъявили желание пройти за кулисы и поговорить с актерами. (Впрочем, после первой пробежки Михаила Сергеевича через рельсы к народу у Московского вокзала и прочего дальнейшего подобные желания уже не были особой неожиданностью. Но тем не менее!). На беседу с высокопоставленной четой пошли четыре человека: главный режиссер Г.А. Товстоногов, парторг Кирилл Лавров, актер Юрий Демич (как потом выяснилось, его непременно захотела видеть Раиса Максимовна) и комсорг, актер Валерий Матвеев, от которого я и услышал эту историю.

В разговоре Раиса Максимовна сказала Демичу, что он их любимый с Михаилом Сергеевичем актер. А сам Михаил Сергеевич вдруг воскликнул: «Ваш спектакль — это просто пердуха, пердуха!» Все остолбенели. Потом, к счастью, выяснилось, что Михаил Сергеевич имел в виду пиршество, так сказать, нематериального, т.е. «пир духа». У всех отлегло.

Детали

Детали важны, детали... Работал в НИИ, проводил там целые дни, какие-то научные отчеты писали. О чем — не помню. Зато помню: послали раз в подвал, в переплетную мастерскую, коленкоровые переплеты для отчетов заказать — переплетчика звали Ицхок Лейзерович. Одна деталь от всего и осталась.

Ни имени ее, ни внешности, хоть убей, не помню. Лишь деталь: доставай, говорит, своего «спелеолога». А ведь действительно, спелеолог! Тем в памяти и осталась...

«О ты, последняя любовь...»

Однажды поэтесса Ирина Одоевцева позвонила писателю начальству и изъявила желание познакомиться-

ся поближе с представителями нового поколения петербургских литераторов. Недавно она вернулась в Петербург из Парижа, получила квартиру на углу Невского и Герцена. Перемещалась она в инвалидном кресле — перелом ноги не срастался. Что и неудивительно — ей было уже за девяносто.

Мы с поэтессой Л. подвернулись под руку референту Горячкину, влетевшему в буфет в срочных поисках юных дарований. Уехав из этого самого буфета пару дней назад с одной новой знакомой, референт объявился на службе лишь сегодня и потому особо ревностно, в соответствии со своей фамилией, взялся исполнять распоряжения руководства. И, хотя мы были уже отнюдь не юны, но в отсутствие более подходящего материала этот человек, внешне напомилавший Александра Блока (за что, думаю, и взяли на должность), уломал-таки нас на визит.

Нам открыла женщина среднего возраста из окружения Одоевцевой, — приживалка, так сказать. Она сообщила, что поэтесса спит, и повела на кухню пить чай.

За чаем она рассказала, что недавно к Ирине Владимировне вызывали кардиолога. А поскольку был он из Военно-Медицинской академии, то и пришел в военно-морской форме. Черное с золотом настолько очаровало Одоевцеву, что она пылко влюбилась в военврача. А когда после его ухода на полу обнаружилась блестящая золотая пуговица с якорем, престарелая поэтесса углядела в этом некий знак. Она потребовала, чтобы пуговицу пришили ей на халат — примерно на то самое место, куда цепляют ордена и медали.

За болтовней прошло часа полтора, но Одоевцева так и не проснулась. Ее вечерний сон плавно перешел в ночной. Сена впадает в Неву.

Напоследок нас провели хотя бы взглянуть на нее. Маленькая старушечка спала на боку, слабо похрапывая. Одряхлевшая муза, птичий комочек. «Отзовись кукушечка, яблочко, змееныш...»¹

---

¹ Первая строка стихотворения Георгия Иванова.

Полезные идеи

За время работы литературным консультантом в Ленинградской писательской организации довелось насмотреться на особый тип ненормальных — «литературных».

Вот степенно входит в кабинет высокий молодой человек правильного телосложения, в аккуратном костюме, с бородой почти окладистой (т.е. чувствуется стремление к этому ее обладателя). Неспешно заводит разговор о том, о сём. По мере развития беседы глаза его всё чаще вспыхивают «тёмным огнем». Вдруг резко заявляет:

— Писатель Аркадий Стругацкий в своих романах высказывает много вредных идей!

(Так-так, пошло-поехало...)

— И что же?

— Эти идеи могут быть взяты на вооружение определёнными силами для искоренения нации!

(Ага, перешел к основному).

— И что?

— Надо запретить ему писать!

(Ну, дела...)

— Каким образом?

— Хорошо, допустим, это действительно невозможно. Пока... *(Важная ремарка)*. Но тогда надо обязать его написать несколько произведений с полезными для общества идеями.

— И кто же определит, какие идеи полезны? Для общества...

— Я. Уже готово. Вот список.

Ха кипопт!

Идучи по Баден-Бадену летом 2004 года, на фронтоне одного дома я увидел огромное полотно, на котором был изображен человек, похожий на Достоевского. Подбородком он упирался в край игорного стола и диким взглядом озираал

беспорядочно разбросанные по ядовито-зеленому сукну фишки. Надпись над его головой, исполненная крупными красными буквами, гласила «Ха кипопт!» «Что это?!» — напрыгся я. А через мгновение понял — то ли от жары, то ли от выпитого накануне, то ли, наконец, от того, что русская буква «У» была изображена на западный манер — «Y», но таким вот образом прочел я название выставки «На курорт!» — о русских, оставивших по себе память в Баден-Бадене.

Известный поэт-модернист Д.А.П., ныне покойный, как-то раз обвинил известного прозаика Б. в том, что тот не прошел в Баден-Бадене тест на великого русского писателя, то есть выиграл в рулетку, а он, Д.А.П., прошел, то есть проиграл. Не исключено, таким образом, на афише следующей выставки появление изображения проигравшегося Д.А.П. Кстати, моя интерпретация названия ему, как модернисту, могла бы прийтись по вкусу.

Очередное знакомство

В редакции «Звезды» познакомился с поэтом Евгением Рейном. Вспомнил, что знакомимся уже раз в третий-четвертый. Говорю ему:

— Мы с вами знакомимся уже не в первый раз.

Рейн, не моргнув глазом, отвечает:

— А я знаю.

Прототипы

На вечере памяти Довлатова в редакции «Звезды» поднимались с воспоминаниями прототипы его героев (экскурсовод Митрофанов из «Заповедника», газетчик Шлиппенбах из «Шофёрских перчаток») и начинали примерно со следующего:

— Всё, конечно, было не так. Я расскажу, как было на самом деле...

Так и не поняли прототипы, что неинтересно нам, как было «на самом деле»...

Не поговорили...

Когда я уезжал в Германию, писатель Михаил Михайлович Панин подарил мне номер журнала «Звезда» со своей новой повестью. Но толком поговорить не успели, закрутились. Приехал через год на побывку, встретились. Он спросил: «Ну что, и с немцами жить можно?» Но опять закрутились, не поговорили. Ну, думаю, в следующий раз обязательно поговорим. А через несколько месяцев открываю свежий номер журнала — его фотография с двумя датами, некролог. Всё, не поговорили...

Только в сентябре 2009 года побывал на его могиле, на «Литераторских мостках».

Aalen, июнь 2005, сентябрь 2008, март 2010

КЛОНЫ

Клоны

В аэропорту Штутгарта прибытие всех рейсов задерживалось от пятнадцати минут до часа. Москва, Цюрих, Вена, Лондон... В итоге на выдаче багажа все пассажиры смешались и выталкивались к встречающим через две двери беспорядочными сгустками или поодиночке.

В один момент обе двери автоматически раздвинулись, и в них одновременно появились два человека. Они были совершенно одинаковыми: плотное телосложение, квадратная голова, рыжий ёжик, тяжелые очки. Возраст — примерно тридцать. Одеты в одинаковые темно-зеленые куртки и коричневые брюки. В левой руке они держали одинаковые кейсы.

Было лишь одно существенное отличие: один был на голову ниже другого, уменьшенная копия. Но точнейшая.

Оба пошли к выходу из аэропорта. Я посмотрел им вслед — одинаковой походкой они удалялись в разные стороны, даже не посмотрев друг на друга. Чтобы уже никогда в этой жизни не соприкоснуться.

Из детства: английский язык, «Сайгон» ...

Ехал остановку по Владимирскому до Невского, пересеживался на 5-й или 7-й троллейбусы, ехал до Дворцовой площади. Дальше шел пешком по набережной до Дома ученых, на занятия английским.

Заниматься начал классе в третьем, еще до того, как иностранный язык пошел в школьной программе (тогда — с пятого класса).

Занятия вела Эмилия Федоровна Калаушина. Сын ее был довольно известным ленинградским художником, дочь —

театральным режиссером, а муж — ученым, и потому жили они неподалеку, на Халтурина, в известном доме Академии наук.

Как-то раз мы проводили там репетицию, так как учебный год всегда заканчивался постановкой отрывка из английской классики, скажем, «Джейн Эйр». Дочь помогала ставить как режиссёр.

Другой такой квартиры повидать не довелось. По периметру большой комнаты шел встроенный двухэтажный стеллаж красного дерева. В одной стене — ниша с огромным зеркалом и полукруглым диванчиком. А поверху, сплошной лентой, — акварели в рамках, подлинники, в том числе Кунджи.

Когда учился уже в седьмом классе, на углу Невского и Владимирского открылась безымянная кафешка, позже ставшая знаменитым «Сайгоном». И повадился я туда на пересадке заглядывать. Хотелось чего-нибудь сладенького — например, «языка» из слоёного теста, посыпанного сахарным песком.

Народ там бывал самый обычный — зайдут, выпьют кофе и уйдут. Но уже начали кучковаться и некие богемные личности. Среди которых, не побоюсь дурных слов, встречались и козлы поганые, причем весьма приставучие. Побайвался их. Клянчили у школьника мелочь — со скрытой угрозой, естественно.

Позже бывал там не раз, но первые впечатления остались самыми сильными. А воспоминаниями о более поздних временах «Сайгона» не отметились лишь самые ленивые.

Мистическое

На Серафимовском кладбище в Петербурге, над могилой, где лежат моя бабушка и ее средняя дочь, моя тётя, которую я не знал (она умерла в 1946 году, в двадцать лет, от туберкулёза), с годами всё опаснее клонился огромный старый тополь. Целил он одновременно и на соседний участок, где в ограде было несколько могил.

Однажды на Пасху мама встретила компанию, пришедшую на соседние могилы, и хотела было договориться с ними о совместном обращении в администрацию кладбища, чтобы дерево спилили.

Но один из молодых людей вызвался самостоятельно ликвидировать угрозу: возьму бензопилу и «кошки», приедем с ребятами, сделаем. И оставил телефон.

Через год поехали на Серафимовское. Смотрю: от тополя остался только высокий пенёк, металлическая ограда соседнего участка в двух местах всмятку, а на самом участке добавилась свежая могила.

Мама говорит: вот этот самый парень, что в ней лежит, и обещал спилить дерево. Позвонила ему осенью, чтобы узнать, как и что, а его мать отвечает: поехал на лето в деревню, там внезапно умер.

Похоронили здесь. А вскоре и тополь рухнул, смял ограду, чуть его могилу не задел. А наш участок совсем не пострадал.

Распиливали ствол на части и вывозили уже кладбищенские рабочие.

Два деда

Мой дед по отцу был старше деда по матери на 23 года (1876 и 1899 гг. рождения), это были люди разных поколений. Примерно в одном возрасте — немногим более сорока лет — они встретили: первый — октябрьский переворот, второй — Великую Отечественную. Младший дед встретил ее уже в лагерях — его посадили в сороковом — там и умер еще до окончания войны. Старший дед благополучно пережил тридцатые, бомбёжки Ленинграда (в их дом №13 по Большой Московской попала бомба, была разрушена лестница, их с верхнего, пятого этажа снимали пожарные), эвакуацию. По возрасту в армию его, понятно, уже не призвали. Умер в 1971 году, не дожив пары месяцев до 95 лет.

Оба были приезжие. Младший — из Тверской губернии, его отдали в «мальчики» в магазин еще до 1917 года. Старший — из Перми, переехал с семьёй в Петроград вскоре после 1917 года. У обоих родилось по четверо детей.

Знакомы они, конечно же, не были, но больше двадцати лет ходили одними петроградскими — ленинградскими улицами...

Ленинградские типажи

1. Математик Ваня

Он жил в большой квартире на улице Достоевского, у Кузнечного рынка. Этот старый петербургский дом прежде, чем стать доходным, был публичным. На полу при входе в вестибюль наличествовал мозаичный фривольный девиз на латыни, заимствованный, вероятно, из лексикона древнеримских лупанариев. На фасаде красовалась мемориальная доска — мол, в этом доме в таких-то годах на партийных сходках бывал В.И. Ульянов (Ленин).

С Ваней нас познакомил писатель Слава Пьецух. Он иногда останавливался у Вани, когда приезжал в Ленинград. Хотя уюта там, естественно, не было.

У Вани была жена, совсем ему не подходящая — светская девушка, работавшая, вроде, на телевидении. В недавнем прошлом — приезжий акулёнок в погоне за пропиской и жилплощадью. Дома она появлялась, как я понял, эпизодически.

Внешность Ваня имел типичную для математика: борода, неприбранность в одежде. Ваня был безработным и запойным.

Впрочем, безобразно пьяным, несущим окоlesiцу, я его никогда не видел. Похоже, с гостями он пил в меру, а запивать по-настоящему предпочитал в одиночку.

И безработным называть Ваню, всё же, было бы несправедливо. Иногда он писал статьи по теоретической математике. Пару специальных журналов на серой газетной бумаге

он мне показывал. Статьи его состояли из нескольких страниц многоэтажных формул, соединенных связками «таким образом», «разумеется», «а именно». К какой области математики всё это относилось, я так и не постиг.

Предки у Вани были знаменитые. По одной линии — хирург Греков, представленный портретом на стене. По другой — известный художник, чуть ли не Куинджи, представленный на другой стенке своими работами.

Ваня утверждал, что на их квартире в подпольные годы бывал Коба (партийная кличка Сталина) — за медицинскими консультациями у сочувствующего большевикам Грекова. Не здесь ли и Старик (партийная кличка Ильича) проводил свои сходки?

Показывал Ваня и записную книжку в сафьяновом переплёте, где черными чернилами стояло отточенное восьмистрочное стихотворение. Ахматова. И почерк, и подпись...

Времена моего знакомства с Ваней относились к концу 80-х — самому началу 90-х годов. Что с ним случилось дальше, не знаю — уж больно лакомым куском была его большая квартира в центре города. Возможно, он и выжил, потому что всегда был осторожен и насторожен. А возможно, акулёнок всё-таки его съел.

2. Эдуард Леонидович Роот

Небольшого роста, сухого телосложения, всегда коротко стриженный. Из немцев. На несколько лет старше меня. Поборник здорового образа жизни. Советовал непременно по утрам пить натошак экстракт подорожника — плантаглюцид.

С детства жил в коммуналке, в известном П-образном доме на Пестеля. Рассказывал, что после войны с ребятами копались в свалках у Михайловского замка, находящегося неподалёку. Из самого интересного — однажды нашел там старинный палаш. После смерти родителей так и жил один

в той же коммуналке. На всё лето непременно снимал дачу где-нибудь у залива. Тогда это было доступно. Оттуда и на работу ездил, там и отпуск проводил.

Когда коммуналки стали откупать и расселять, без сожалений переехал в однокомнатную квартиру куда-то на окраину. Парк рядом, воздух, соседей нет... Был явно из тех людей, которым лучше в одиночестве.

Будучи инженером, подрабатывал настройкой роялей и пианино. Однажды я попросил его посмотреть пианино одной знакомой. Он потом рассказывал — какой-то незнакомой марки оно оказалось, впервые с такой столкнулся. А когда залез внутрь, обнаружил медную табличку с надписью «Root». Встретил однофамильца...

Две женские военные истории

В женском подразделении, где во время войны служила поэтесса Надежда Полякова, одну девушку «взял» себе капитан, но потом ее у него отобрал полковник. Покатился скандал. В итоге дело закончилось выездным трибуналом. Девушку за моральное разложение командного состава — то есть это она их «морально разложила» — приговорили к расстрелу, и расстреляли перед строем. Ей было двадцать лет.

Вторая история не столь трагична. Поэтесса Наталия Грудина в последние месяцы войны служила на Таллинской военно-морской базе. Там же служил ее первый муж. Это была единственная семейная пара в подразделении, а потому каждый вечер к ним заваливалась компания офицеров. Война укатилась уже далеко. Спирта было в достатке, а единственным, что можно было приготовить на закуску для ежедневных застолий, была рыба. В изобилии. И каждый вечер Грудина ее чистила, чистила, чистила...

Потом всю жизнь на рыбу смотреть не могла. Из-за нее, говорила, и с первым мужем развелась.

Крематорий

Когда в начале семидесятых годов в Ленинграде у Пискаревки строили городской крематорий, для монтажа печей

сначала хотели пригласить немцев. Но потом решили, что как-то это, в историческом плане, не того... И заключили контракт с англичанами.

Один «фирмач», как тогда выражались, находился в Ленинграде постоянно. Для удобства ему оборудовали вагончик рядом с местом работы. Часто он в нем и ночевал, не уезжая в гостиницу.

Быстро поняв, что полноценной ночной жизни в Ленинграде нет, он стал ежедневно бухать в этом вагончике с одним подручным работягой. Тот потом ругался: я с утра никакой, а у иностранца похмелье по нулям. Потом выяснилось, что, как у правильного европейского алкоголика, у того был с собой большой запас таблеток от похмелья. У нас тогда обо всех этих алказельтцерах и слыхом не слыхивали.

Сжечь человека весьма непросто. При определённой температуре кости как бы остекленеют и в «прах», удобный для помещения в урну, не превращаются. В другом случае можно сжечь так, что праха вообще не будет, покойник вылетит дымом в трубу. Такой режим для неопознанных трупов имеется, называется «беспраховой».

На открытии крематория, говорят, произошел казус. В присутствии высокой комиссии загрузили пробный неопознанный труп и стали сжигать его в этом самом беспраховом режиме. Почему-то не оказалось тяги (может, англичанин слишком уж накануне перебрал), и дым пошёл на членов комиссии. Потом всё наладили, и крематорий бесперебойно дымит по сию пору.

Африканские студенты в Ленинграде 70-х годов

* * *

Двое заметно подспившихся, с красными белками, вместе с толстой расхристанной девахой — в винном отделе гастронома на углу Литейного и Петра Лаврова. Один крупный, второй щуплый. Вся троица — явно с сильного похмелья.

Здоровый полез за бутылкой без очереди, мужики закричали. Чуть не возникла драка. Девка орала: «Джонни, не надо!..»

* * *

Тихий, спившийся, замотанный в шарф, в ушанке с опущенными ушами при несильном морозце — в пивной палатке на Петроградской, на Максима Горького. Тёрся там постоянно, пил пиво с подогревом. Для местных мужиков был своим.

* * *

По рассказу приятеля — сидел один с ними на ул. Каляева, где пятнадцатисуточников держали. «Мы ему показали, что такое советский застенок!..»

* * *

Парочка — толстый и тощий — в доме отдыха под Зеленогорском. Сначала в столовой питались вдвоем, потом вместо тощего стала ходить девица, которую толстый где-то подцепил. А второй перешел на подножный корм.

Позже кто-то рассказал, что толстый — сын африканского племенного царька, посланный учиться в Ленинград. А тощий как бы тоже студент, но на самом деле слуга толстого, для того и командирован. И тогда в истории с отстранением от питания всё встало на свои места.

Памалайка

Эту историю рассказали в Институте нейрохирургии им. Поленова, где в середине 80-х годов мы проводили клинические испытания нашего прибора для ангиографических исследований.

Пациенту сделали операцию на головном мозге. Вторжения в мозг всегда чреватые неожиданными последствиями, однако в данном случае всё прошло вроде бы нормально.

Через несколько дней забирать прооперированного приехала жена. Собираются. Он говорит:

— Не забудь взять мою памалайку.

— ???

— Что тут непонятного? — памалайку!

Выяснили — «памалайкой» оказалась зубная щетка. У пациента, вроде, в голове порядок, но что-то малость закоротило, и родилась эта самая памалайка.

Мораль: человек искренне сказал «новое слово» — его не поняли, а он в толк не возьмет, почему. И в том его коренное отличие от некоторых писателей, которые (хотя и не будучи прооперированными) говорят «новое слово» именно в расчете на непонимание.

Речка

Одна моя знакомая, жившая в 90-х годах в районе метро «Ладожская», ежедневно с ужасом наблюдала, что к ее пятиэтажке со скоростью десять метров в месяц движется вещевой рынок. Одно ее как-то укрепляло духом — это речка, неглубокая и неширокая, протекавшая метрах в двадцати под ее окнами.

Но, тем не менее, сомнения закрадывались серьезные: вот уже *они* на тот бережок гордо выходят помочиться в воду. По окончании рабочего дня — компании, шашлыки. Мусор — в речку. Вот уже пару-тройку утопленников выловили после неизбежных торговых разборок. Вот ниже этажом поселился некий повар — готовит плов в промышленных масштабах, ставит зимой на саночки гигантский алюминиевый бак, прёт его на рынок — кормить *своих* горячей пищей. В окнах клубится жирный пар круглосуточный, снизу по стене легионы тараканов карабкаются, штурмуют обречённый Карфаген.

Казалось, еще чуть-чуть, и речку форсируют без понтонных переправ, просто завалят хламом. Но нет, не сдалась речка! А позже и рынок упразднили.

Как в шахматах — даже безнадежную партию иногда можно выиграть.

Тост

На одной свадьбе полковник из почетных гостей произнес прочувствованный тост, обращенный к новобрачным — о вреде алкоголя. Закончил он следующей максимой: «Алкоголь разрушает семью!» (именно так, с ударением на первых слогах).

Однако спустя часа полтора армеец вопреки своему тосту первым из присутствующих уже пребывал физиономией в селедке под шубой.

Конфетка с ромом

Эту историю мне когда-то рассказали как реально произошедшую.

Один человек был запойным алкоголиком. Завязал, начал лечиться, исцелился. Бросил работу в кочеварке, поступил токарем на завод, стал передовиком, занимался общественной деятельностью, вступил в партию, стал депутатом райсовета и, наконец, получил героя соцтруда. На этот славный путь у него ушло около двадцати лет.

На банкете, посвященном этому событию, он по ошибке съел конфетку с ромом. После чего обнаружил себя наутро в каком-то угольном подвале, — грязным, с ободранными руками и, естественно, без геройской звезды. Ничего не помнил.

Позже выяснилось, что после роковой конфетки он стал хлестать всё подряд, с банкета пропал. Его понесло в ту кочеварку, где он работал двадцать лет назад. Какой-то геной памятью алкоголика он вспомнил, что там у него с тех еще времен была запрятана маленькая, о которой он обычной неалкогольной памятью давно забыл. И стал рыть уголь голыми руками, пытаясь добраться до нужного места, и добыть заветный малёк...

Чайковский и Бродский

(материал для школьной хрестоматии XXII века)

Известно, что поэт Бродский не любил музыку композитора Чайковского. Как-то раз устроители его чествования

в США, не знавшие этого, исполнили фрагменты из «Лебединого озера», желая сделать Бродскому приятное. Бродский встал и молча покинул зал.

Однако не все знают, что и Чайковский не любил стихи Бродского. Однажды ему предложили длинное стихотворение Бродского в качестве либретто оперы. Чайковский решительно отверг предложение: либретто напишет мой брат Модест — пусть и не в стихах. Эти слова передали Бродскому. Так возникла неприязнь двух великих людей.

Спокойная жизнь

За два дня до опубликования списка нобелевских лауреатов 1986 года Бродский разослал своим друзьям и знакомым телеграмму следующего содержания: «Через два дня спокойная жизнь закончится!» Видимо, поэт был уверен, что вот-вот начнется другая жизнь — хлопотная «представительская» жизнь нобелиата.

Список опубликовали — Бродского там не оказалось (нобелевку он получил в следующем, 1987 году). Одна нью-йоркская знакомая Бродского рассказывала, что с трудом удержалась от отправки ответной телеграммы: «Поздравляю с продолжением спокойной жизни!»

Об одиночестве поэта

Читаю в статье о «молодой поэзии» следующее:

«Их жизнь сегодня бесконечно одинока, точнее, они бесконечно одиноки в своем одиноком ремесле». А речь идет об именах, которые на слуху, — с публикациями в «толстяках», изданными книгами.

Этакое удобное, культивируемое «одиночество»: участие в многочисленных конкурсах и фестивалях, публикации, книги, собственная, уже практически обслуживающая критика... Тут можно, конечно, вернуть про «внутреннее одиночество», но это уже будет общим местом.

Леонид Аронзон (1939–1970), Александр Морев (1934–1979), можно назвать другие имена, — этих талантливых поэтов действительно не замечали, чем, в принципе, доводили до самоубийства. Их одиночество было окончательным, обжалованию не подлежащим.

Кого выбрали?!

На очередную конференцию молодых литераторов Северо-запада 1987 года Лениздат «щедро» выделил в своем плане следующего года две позиции для издания лучших рукописей — одну по поэзии, другую по прозе. Первую позицию неожиданно для себя занял я, и в следующем году вышла моя первая книга стихов «Обращение к дереву». Вторую позицию, по прозе, занял Сергей Янсон, ныне покойный.

Влиятельный писатель Евгений Кутузов, «дядя Женя», инициировавший впоследствии раскол ленинградской писательской организации с целью отделиться от «русскаязычных», как мне потом рассказывали, долго смотрел на фамилии двух счастливых и сокрушенно качал головой: мол, что за фамилии? — Окунь, Янсон... Кого выбрали?!

Литературные штампы

Проямлил что-то о литературных штампах, по поводу присланных на прочтение стихов, в которых зацепиться было не за что. И получил следующий ответ:

«Как появляются штампы? Это же словосочетания, которые используют многие поэты, то есть затертые из-за частого применения? Тогда получается, что разным поэтам раньше можно было использовать эти словосочетания, причем настолько часто, что это стало штампом, а новым поэтам этого делать нельзя, и они должны выдумать что-то свое. Очень несправедливый подход. Ведь во все времена описываются одни и те же чувства и то, что это делается у разных людей одними и теми же словами — в этом нет ничего странного».

Пушкин, Бенедиктов и Кукольник жили в одно время, писали на одном языке и использовали примерно одни и те же «штампы». Причем двое последних были в какие-то периоды даже популярнее у современников, чем Пушкин. Но Пушкин остался Пушкиным, Бенедиктов — поэтом, у которого можно найти замечательные строки (если бы не его словесные «водопады»!), Кукольник — автором текстов двух-трех до сих пор исполняемых романсов на музыку Глинки (что тоже отнюдь неплохо). Так что дело, наверное, не в штампах...

Книге — бой!

В середине 90-х годов в одной из аудиторий Петербургского университета проходила презентация очередного выпуска литературного альманаха «URBI».

Выступление известной авангардистки Н.-Т. состояло из следующей инсталляции. Она принесла с собой какую-то книжку в мягком переплёте (это был, естественно, не презентуемый выпуск — издатели, думаю, обиделись бы, — просто некая безликая «КНИГА»). Эту обреченную книжку перед нею в раскрытом виде держал на вытянутых руках ассистент, а Н.-Т. наносила по ней удары кулаком с целью порвать. Зрелище было странноватое: пожилая дама, типа домохозяйки...

Победить печатное слово авангардистке удалось лишь с третьей попытки. Но виновата была не она — ассистент держал жертву некрепко, и та дважды вырывалась из его рук. Сам же он всё время был начеку и заметно нервничал — как бы и ему не перепало...

Наградой победительнице стали аплодисменты.

Творческий кризис

Когда в 90-х годах еще под руководством М. М. Чулаки Союз писателей Санкт-Петербурга стал коллективным членом ассоциации писательских союзов стран Прибалтики

(нынче употребляют слово «Балтия», но мне оно режет слух), петербургским писателям открылась дорога в международный дом творчества на шведском острове Готланд. Многие успели этим воспользоваться, и не по разу.

По моим наблюдениям, на Готланде писателей нашего города настигала непонятная эпидемия — внезапный творческий кризис. Дело доходило до весьма острых случаев. Например, один автор детективов, бывший труженик таможни, с кем-то там что-то не поделивший, уволенный, и ставший с горя писателем, пробыл в этом несчастливом месте всего три дня. Получив от Союза писателей Швеции положенное денежное довольствие на месячное пребывание в доме творчества и компенсацию стоимости билетов, он немедленно вернулся в Петербург.

Впрочем, детективщика могла сразить и внезапная тоска по родине. В таком случае, выдержанные им три дня можно считать подвигом, а полученную тысячу баксов — совершенно ничтожной компенсацией за это.

«Мастер»

Этот человек ведет в Петербурге лито для молодых писателей. По роду деятельности ему, вероятно, приходится читать книги по теории стихосложения, в коем он, принципиальный недоучка, числит себя докой.

Как-то раз он безапелляционно написал мне, что я понимаю только в бедных классических рифмах (sic!), а к рифме «вралья-февраль» из одного моего стихотворения нагуглил несколько тысяч словосочетаний-аналогов в подтверждение ее расхожести.

Я, честно говоря, не могу взять в толк, почему это его так волнует. Но для интереса раскрыл петербургскую поэтическую антологию «Формация» на его стихотворениях (дай, думаю, взгляну, что же там за откровения), и увидел следующее (выписаны рифмы из двенадцатистрочного сти-

хотворения): *живу//дело//наву//тело; жильё// глазами// мое//годами; пружин// приспособлен// обособлен//жизнь.*

Тут и обсуждать нечего. Разве что добывает «приспособлен-обособлен» — думаю, рифма «ботинки-полуботинки» побогаче будет.

Я знаю, какая беда произошла когда-то с этим человеком. Один известный ленинградский критик, которого он усиленно поил в буфете Дома писателя, назвал его в предисловии первой книжки «мастером». И вскоре погиб под колесами общественного транспорта, не успев взять свои слова обратно. Вот с тех пор он и находится в святом заблуждении, что и действительно является «мастером».

Белла Улановская

Несколько лет назад в редакции «Звезды» мне сказали, что автор, вычитывающий сейчас материал, — муж писательницы Беллы Улановской, а сам материал посвящен ее памяти. Так я узнал о смерти Беллы.

Мы познакомились в 1986-м во время совместной «литературной» поездки в Пустошку, райцентр Псковской области — она, я и писатель Николай Коняев, возглавлявший нашу «делегацию». «Изучали» одну из перестроечных сельскохозяйственных затей — создание агрокомплексов. Из той поездки запомнились безнадежные попытки достать хоть какой-нибудь алкоголь да странная фамилия директора местного совхоза — Поплеухов.

Белла работала научным сотрудником в музее-квартире Достоевского. А специалистом была по Ф. Сологубу. Именно она открыла мне его прозу.

Белла была прекрасным стилистом. А потому проза ее вызывала пристальный интерес одной московской писательницы, с первой книги объявленной живым классиком. Блещет она и по сию пору — больше, правда, в различных телевизионных шоу. А интерес был пристальным настолько, что Белла как-то раз показала мне некоторые прямые заим-

ствования из ее текстов у этой писательницы. Но кто и что пойдет доказывать? — с одной стороны, столичная знаменитость, с другой — малоизвестный представитель ленинградского андеграунда.

Помню, как посмеивалась Белла над стихами другого классика, закончившего одно «перестроечное» стихотворение строкой: «Так ты и с политикой дружен? — и с нею!» Мол, как мужички, когда подвыпьют в компании, — обязательно надо «за политику» потолковать.

По мотивам братьев Grimm

В последний раз на общем собрании Союза писателей Санкт-Петербурга довелось побывать в 2004 году.

На сцену Дома журналиста, где проходило собрание, для выступления вышел критик В.Т. Он был в каком-то неимоверном пуховом свитере чуть ли не по колено, светло-кремовых нежных тонов. В сочетании с длинными седыми волосами и бородой критика это создавало странный эффект.

Ехидный писатель Б., сидевший рядом, шепнул мне на ухо: «Похож на Белоснежку и гнома одновременно...»

«Блажен, кто смолоду был молод...»

Вот иные пииты — за сорок, а то и за пятьдесят, а всё тинэйджерский сленг, на себе — фенечки, в стихах — мулечки. Эпатажат, но осторожненько, с оглядцей. Былые запои охотно вспоминают, грозят миру уходом в новые. Но не уходят, а продолжают тяжкие труды по самопиару. Одна, но пламенная страсть: мелькать, мелькать, мелькать...

В редакции

- Мне бы редактора Датова...
- Они тут все датые. Кого конкретно?

Безмозгис

Редактриса одного крупного столичного издательства написала в своем живом журнале, что ей предложили прочесть на предмет издания рукопись канадского русскоязычного автора по фамилии Безмозгис. На что некий блогер в своих комментариях резонно заметил, что с такой фамилией в современной российской литературе этот автор обречен на успех.

Поэт Николай Оцуп

Странно видеть даты его жизни. Слева — 1894 — что-то безнадежно давнее, восьмёрка, девятка, позапрошлый век... Государь император, десять лет до Русско-японской войны, двадцать — до Первой мировой... Справа — 1958 — опять девятка, восьмёрка, — но это как вчера: вот пошел в первый класс, в новое здание серого кирпича, стоящее в проходном дворе между улицей Правды и Разъезжей. А между этими двумя датами — всего лишь неполных 64 года.

Твёрже по мертвым листьям, по савану первого снега,
Солоноватый привкус поздних осенних дней,
С гиком по звонким камням летит шальная телега,
Трижды прекрасна жизнь в жестокой правде своей.

Это написал молодой человек, двадцати шести лет от роду.

Анаис Нин

Самое верное дело для прозаика — пожизненно вести дневники. Имею в виду, разумеется, писателей, которые «питаются» собственной жизнью, а не тех, кто своими сочинениям никакого отношения к личной судьбе не имеют.

Самый убедительный пример — Анаис Нин. Сто пятьдесят томов (так пишут в биографиях — но, конечно, тетра-

дей) дневников. На склоне бурных лет старушке оставалось только снять тетрадочку с полки — а там и Генри Миллер, и Джун, и черт в ступе, и белка в колесе, — эротический рассказ готов!

Вопросы похмелья

За всю жизнь я знал лишь одного человека, которому чувство похмелья было совсем неведомо. Это был актер Всеволод Ларионов (1928–2000). Свою первую главную роль он сыграл еще подростком в фильме «Пятнадцатилетний капитан».

В фильме «Очи черные» у него была длительная сцена с Марчелло Мастроянни — на палубе парохода. Сева вспоминал: «Я его размазал! Его не было видно». Свидетельствую — мировая знаменитость на фоне Ларионова абсолютно потерялась.

Сева действительно был замечательным, но недооцененным актером. А в плане похмелья — просто счастливым человеком.

Две встречи

В 2007 году, в одном и том же летнем месяце, на одной и той же улице Рубинштейна в Петербурге, я случайно встретился с двумя актерами.

Гоша Куценко выскочил из кафе на углу Невского. Мы столкнулись носом к носу и почему-то поздоровались. Меня частенько принимают за кого-то другого. За ним бежал охранник кафе с блокнотом и ручкой — для получения автографа. Гоша черкнул и быстрым шагом пошел по Рубинштейна. Популярный, узнаваемый...

С Сергеем Бехтеревым встретились в продуктовом магазине. Тоже поздоровались — но в данном случае осмысленно. Он был вял, на вопросы отвечал нехотя. Теперь думаю, что он находился в перманентном запое, и следовало бы ему поставить. Но у нас уже было, и мы с товарищем-

художником заторопились в его мастерскую у Пяти углов (а может быть, стоило бы пригласить с собой и Бехтерева). В следующем году актер умер.

Эти две встречи, прошедшие по касательной, не могли не натолкнуть на размышления о полярности актёрских судеб. Прижизненных и посмертных. Хотя о втором можно будет судить не раньше, как лет через пятьдесят после смерти актеров.

Слово о партии

На первых послеперестроечных актерских капустниках в ленинградском Доме актера торжественно объявляли: «Слово о партии». К роялю выходил актер Аркадий Коваль в черном смокинге и белой манишке, складывал ладошки по-концертному, замирал. Акомпаниатор напряженно глядел ему в рот. Пауза. Аркашка громко произносил: «Ненавижу!» и уходил под бурные аплодисменты.

Носители языка

В Штутгарте на главной площади Шлоссплац один молодой человек изможденного наркоманского вида просил у прохожих мелочь. Если ему отказывали, говорил на ломаном русском, нечетко: «Иди на х...!» Видимо, что-то осталось в памяти от общения с каким-то русскоязычным коллегой.

Через некоторое время увидел его уже в вагоне метро. Занимался он тем же, с той же присказкой. Обратился к группе молодых людей азиатского типа с широкими обветренными «степными» лицами. Те смущенно — очевидно, ничего не поняв по-немецки, — покачали головами. Но, будучи посланными на три буквы, степняки внезапно встрепенулись:

— Ну ты, мудака, фильтруй базар!

Немец понял, что нарвался на «носителей языка», и по-быстрому ретировался.

Китайцы

В поезде Москва — Петербург их полно. Проводница жалуется: белье в туалете стирают. А одна пожилая китайка показала мне, как надо правильно в очереди стоять. Не обращая внимания на меня, ждущего у титана очереди в туалет, прошла вперёд и всем телом прижалась к запертой двери. Первая!

Гостиница «Карелия», что неподалеку от моего дома, ими забита. Утром гуляют в парке небольшими группами, фотографируются с рыбаками на пруду. Те быстро сообразили: повытаскивали старые тельники, обзавелись пятнистой камуфляжной формой, обвешались какими-то бляхами. Ветераны всех Пунических войн! И стали с китайцев дань за съёмку собирать.

«...И действительно смерть придет?»

В 2009 году при взрыве многоквартирного дома в Тульской области погибла старушка 101-го года! Пережила Николая Второго, Керенского, Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнев, Ельцина... Горбачёва перетерпела. А вот Путина с Медведевым не удалось...

Прспект Энергетиков: записки жаркого лета 2010 года

* * *

Рыбаки на пруду Восьмёра в парке рассказывали, что этим летом во время аномальной жары находили много мертвых окровавленных голубей. Это вороны их расклёвывали, но уже мертвых. По версии мужиков, голубь — птица настолько глупая, что когда пересыхала лужица, вокруг которой они паслись, им не хватало ума перелететь нескольких десятков метров к другой. И погибали от жажды...

* * *

Утром подходит мужик. В запое, видимо, уже не первый день, перегар отходит послойно:

- У меня к вам одна просьба!
- Какая? (думаю, стандартно, десятку «в долг»).
- Убейте меня!

* * *

Местная девушка Оксана, увидев у меня швейцарские часы:

- О, у нас на Энергетиков такие вместе с рукой отрывают!

Полосочки

Пошла мода на прически с выбритыми полосками на висках и затылке. Новая прическа для Шарикова:

- Дай папиросочку!
- У тебя голова в полосочку!

В интерьере рюмочной

Часть моего доклада, прочитанного на Довлатовской конференции в 2011 году, была посвящена ленинградским рюмочным. Но то, что увидел в одной исторической рюмочной в Калининском районе, по-настоящему удивило. Лежит там в углу на диване мужичок. Рядом столик на колесиках с чайной чашкой и газеткой, у дивана тапочки, в ногах перед ним тумбочка с телевизором. Спокойно смотрит новости, на посетителей ноль внимания. Живет, видимо...

Шиншилла

В подворотне на Моховой стоит алкаш в домашней одежде и шлёпанцах, а на руках у него шиншилла. Трогательный зверёк — ушки, усики, пушистый хвостик... Но на глазах — мутные голубые бельма.

Владелец говорит: «Она у меня уже лет пятнадцать живет, старая, ослепла». И смотрит выжидательно.

Видимо, такой способ выпрашивать — зверька на плечо и, не переодеваясь, на улицу.

Я ничего не дал. Наверное, зря...

2007–2012

ВТОРОЕ ВЫСШЕЕ

Второе высшее

На рейсе Петербург — Берлин оказался в компании людей, летевших на некую выставку в столицу Германии. Ими был заполнен почти весь самолет. Все они знали друг друга, называли себя питерскими, хотя речь их была типичным «говором». Кроме того, в группе «питерских» летело несколько важных азербайджанцев или дагестанцев (звучали имена Мамед, Али) — в длинных черных пальто, белых рубашках и остроносых «штиблетах», — такой гардероб, вероятно, считается признаком преуспевающего бизнесмена.

Стюардессы сбились с ног, пригоршнями таская двадцатиграммовые бутылочки «Абсолюта». Мужчины предпочитали пить стоя в проходе. Сливая по несколько пузырьков в пластиковый стакан.

Девицы были громогласными, довольными собой, однако внешне весьма ординарными. Фигуры ни кривые, ни ровные, — в общем, усреднённые. Громко переключались через весь салон:

- Светка, давно тебя не видела! Ты где сейчас?
- В Голландии второе высшее делаю!
- Сколько в год максашь?

Я пригляделся к той, которая делает «второе высшее», и подумал: «Господи, зачем оно ей?! Приступала бы сразу к третьему...»

Люди «СИСТЕМЫ»

Рассказывают, что отставной генерал ФСБ (хотя отставными они, говорят, не бывают), назначенный руководить инспекцией по охране памятников в Петербурге, привел с собой аж пять замов. Один алкоголик, второй идиот, а третья ничего делать не в состоянии. То есть не способна

ни к какой осмысленной деятельности. Генерал ей так и говорит: сидите в кабинете, ничего не делайте, и, не дай бог, ничего не подписывайте...

Один писатель рассказывал мне, что нынче литераторов в правительстве Петербурга курирует молодой человек, являющийся сыном небезызвестной деятельницы от юмора, возглавляющей бригаду «смешных людей» на телевидении. Он, по мнению писателя, недоумок природный. Причем настолько, что пристроить его в Москве нигде не удалось, и нашлось ему место лишь в Петербурге.

На различных встречах куратора с «писательской общественностью» участники прикальваются друг над другом: ну, задай ему любой вопрос! — хоть сколько сейчас градусов на улице. И с весёлым нетерпением ждут, когда куратор, собравшись с мыслями, начнет отвечать — напряжётся, лицо разъедется в разные стороны, и он заговорит...

Когда-то, во время оно, оргсекретарь (была такая должность) ленинградской писательской организации, дама с железной выдержкой, прошедшая школу Смольного, на мой вопрос о делах ее взрослого сына неожиданно расслабилась и сказала со вздохом: «Сделал глупость — ушел из системы. А ведь с таким трудом пристроила...»

Да, «СИСТЕМА» не любит, когда ей изменяют. А в России она вечна — во все времена, при любой власти...

По морде от Довлатова

До шестнадцати лет я жил на Большой, а потом на Малой Московской улицах. Большая Московская пересекает Разъезжую, а та метров через пятьдесят впадает в знаменитый петербургский перекресток Пять углов, образуя его вместе с Загородным проспектом и улицами Рубинштейна и Ломоносова.

На Рубинштейна, в доме 23, жил до эмиграции в 1978 году Сергей Довлатов. Таким образом, одними улицами ходили.

Можно что-нибудь сочинить по этому поводу. Как сделал сам Довлатов, вспоминая о своем детстве в Уфе — мол, его, младенца, хотел ущипнуть сам Андрей Платонов, бывший там в эвакуации. Но делать этого не буду. А впрочем...

Однажды в школе, классе в шестом-седьмом, был объявлен сбор макулатуры, и в ее поисках мы обходили окрестные дворы. В каком-то дворе-колодце на Рубинштейна нас отсекли от выхода местные. Сразу стало ясно, что дело плохо, но самый здоровый из нас, Гришка Рожков, пытаясь сохранить хорошую мину, как ни в чем ни бывало сказал им: «Ну что, ребята, есть у вас лишняя макулатурка? Сдавайте, сдавайте...» И немедленно получил по физиономии от рослого парня кавказской внешности. Гришка не ввязался, чем сильно уронил себя в наших глазах. Хотя, по трезвому разумению, поступил он правильно, парень был значительно старше нас. Да и остальные тоже... И с напутствиями «Больше в наш двор не суйтесь!» нас развернули лицом к подворотне и проводили к выходу увесистыми поджопниками.

Несколькими годами спустя я, страдавший в юности от невысокого роста (позже вполне добрал), с жадной завистью высматривал на улице высоких людей. Подходил поближе, примеривался, намного ли я ниже.

Помню длинного, обычно расстегнутого и слегка нетрезвого человека, которого иногда встречал у Пяти углов. Я подходил к нему поближе, старался идти в ногу. Мне казалось, что это тот самый парень, когда-то смазавший по физиономии моего одноклассника Гришку.

Напомню, что рост писателя Довлатова составлял 194 см, и некоторое время он, говорят, занимался боксом.

Ленинградские пельменные семидесятых годов

В самом начале семидесятых годов я работал лаборантом в техникуме морского приборостроения (ул. Чайковского, д. 11), а после работы ездил на вечерние занятия в ЛЭТИ. Заезжать домой не успевал, и поесть заходил в пельменную на Литейном, д. 13. Сейчас там офис какого-то мелкого банка.

Пельменная эта была не простая, «стоячая», а типа кафе — посетители располагались за столиками, официантки принимали заказ. И еще там часто бывало бутылочное пиво, которого в те годы в магазинах днём с огнём не сыскать.

Пельмени были самым дешёвым блюдом. И одна официантка, рыжая (крашеная) старая карга, при заказе пельменей имела обыкновение предупреждать скрипучим голосом, но с доверительной интонацией: «Пельмени магазинные!» Тем самым намекая — мол, не берите эту дрянь, закажите что-нибудь посерьезнее. Но «магазинных» тогда, как и пива, в магазинах и в помине не было, а потому всё равно заказывали в основном пельмени.

Как-то раз услышал, как один молодой человек в ответ на «пельмени магазинные» нетерпеливо сказал: «Тем не менее, Рая, несите!» И к моему удивлению, та вежливо ответила ему: «Хорошо, Иосиф Александрович!»

Напомню — чуть дальше по направлению к Невскому, на другой стороне Литейного, находится знаменитый дом Мурузи, в котором Бродский жил и откуда уехал в 1972 году в эмиграцию.

Из других пельменных помнится одна на Пионерской улице. Там неподалеку жил один мой приятель, с которым мы познакомились, когда лежали в военном госпитале на Суворовском. У него была знакомая пельменщица (т.е. повара, которая их варит), и она выносила нам тарелки через заднюю дверь заведения прямо в прилегающий скверик, где мы распивали портвейн.

Две пельменные были и на Петроградской стороне. Одна напротив метро, на другой стороне Кировского, под арку на лево. Другая — подальше, на ул. Чапаева. Остались в памяти тогдашние цены: пельмени с уксусом (т.е. «без ничего», так как уксус стоял на столиках свободно) — 32 коп., пельмени с маслом или со сметаной — 36 коп. Многие брали двойную порцию. Иногда посетители подбивали пельменщиц на должностное преступление — уговаривали продать пачку.

Вообще-то говоря, некоторые пельменные играли в то время не менее заметную роль, чем распиаренный нынче

«Сайгон». Когда-то один поэт старшего поколения сказал мне: «Кто бормотуху по пельменным не пивал, тот настоящим питерским поэтом считаться никак не может!..»

Прав он был или нет? Нынешние-то всё по фуршетам...

Первое и последнее...

В 1986 году Илья Олегович Фояков «на волне перестройки» начал вести поэтическую студию в Доме писателя им. Маяковского. В нее собрали «продвинутых» молодых поэтов. Тех, кто уже, так сказать, перерос уровень лито. Имевших журнальные публикации, а то и выпустивших вождьеленную первую книжку.

Свежая идея, поначалу воспринятая с энтузиазмом, быстро скисла. Народ ломанулся в студию в ожидании каких-то публикаций, выпуска сборников, хотя бы коллективных. В то время именно они были желанны и «придавали весу» молодому поэту (а отнюдь не участие в многочисленных поэтических фестивалях, как нынче, — собственно, тогда их и не было).

Но дело свелось к стандартным литошным обсуждениям, которые и так навязли на зубах, и многодумным рассуждениям Ильи Олеговича о поэзии.

Кроме того, люди собрались весьма разные, приверженные к различным поэтическим линиям. И потому обсуждения часто перерастали во взаимный обмен колкостями.

Вот поэт Ш., ныне покойный, прочтя стихи о русской природе, о танковой битве у Прохоровки и немного о партии, в заключительном слове порицает «далёких от жизни» авангардистов. На что С., живущий уже много лет в США, подает реплику с места:

— Не всем же, как тебе, для народа валять!..

Вот язвительный Г. на обсуждении поэта А., ученика Кушнера, прочитавшего стихи о своей службе в армии, говорит:

— Ну зачем нам еще один Кушнер?! — теперь в солдатской шинели?

Наш «плюралистичный» руководитель, будучи сугубым традиционалистом, старался раздавать всем сестрам по сергам, но получалось как-то натужно. И довольно скоро студия Фоянкова прекратила свое существование.

Но всё это необходимое предисловие, а вот и сам рассказ.

Еду как-то раз после студии домой. Весенний вечер, стемнело. Настроение благостное (возможно, стихи мои в тот день похвалили).

Как вдруг из дворов выскакивают два человека, которые тащат под мышки третьего. Он избит, видимо, без сознания, голова свешивается, ноги волочатся по земле.

Они подсакивают к только что отошедшему от остановки автобусу — так, что водитель резко забирает влево и тормозит. Тогда эти двое деловито пристраивают свою жертву между передними и задними колёсами автобуса и требуют у водителя, чтобы он двигался дальше. То есть переехал лежащего под колёсами человека.

Судя по обрывкам фраз, это «лица кавказской национальности». Водитель, естественно, не едет. Люди в заполненном автобусе притихают, не понимая, что происходит.

После недолгих препирательств с водителем двое забирают свою жертву и волокут обратно в темноту дворов. Автобус трогается дальше. Все молчат, стараясь не смотреть друг на друга. Никто даже не делает попытки выйти, чтобы позвонить в милицию из автомата. (Никаких мобильных, естественно, еще не было. А нынче позвонили бы? — во всяком случае, сняли бы на телефон и выставили в ютубе точно.)

Из окна уходящего автобуса я вижу, как парочка тащит жертву за руки по асфальту обратно во дворы. Перед поребриком они разгоняются и врубают человека головой в гранитный брус. Автобус тем временем набирает ход.

Что это было? Часом раньше мы рассуждали о тонкостях поэзии, и вот... Всё происходит как некое кажущееся событие, которого реально не было, потому что и быть не могло.

По прошествии почти тридцати лет мне кажется, что я увидел предупреждение из восьмидесятых. Первое и последнее...

Палиндром Геннадия Григорьева

Друзьями, даже приятелями, мы с ним никогда не были. Ну, выпивали иногда в ресторане Дома писателя, — да кто ж с кем тогда не выпивал?

Вот предыстория палиндрома. Шли девяностые годы — время, кроме всего прочего, громких разоблачений. И в газете «Петербургский литератор» опубликовали воспоминания одного эмигранта, бывшего ленинградца. В них он утверждал, что известный детский писатель и прогрессивный деятель В. — кагэбэшный стукач.

Через некоторое время в той же газете появился ответ В. Отпираться он не стал — да, было! Поймали при возвращении из зарубежной поездки с журнальчиками фривольного содержания. Пришлось согласиться сотрудничать, а то выкинули бы из литературы, лишили работы в редакции журнала. Да, отчеты о разговорах на кухонных посиделках «диссидентствующих», в круг которых был вхож, писал. Но при этом старался информировать, так сказать, «по минимуму». Никого не посадил.

Но главное — сам обличитель, бывший в той же тургруппе, ему эти журнальчики перед проходом таможни и подсунул! Мол, не возьмешь ли несколько штук? — а то у меня слишком много. А сам при этом не попался. Таким образом, он и есть подлый провокатор, работавший на КГБ и способствовавший вербовке.

Ну, кто их там разберет... Писатель В. прекрасно существует и по сию пору: тихо, этого не афишируя, живет в Германии, при этом и семинары молодых писателей в Липках ведет, и секцию детской литературы в союзе писателей возглавляет.

Вот Григорьев и отозвался на тогдашнее разоблачение палиндромом. Не знаю, существует ли он в опубликованном виде и сохранился ли вообще — мне он его прочёл вслух: «В тоске сексот В».

В последний раз видел Григорьева незадолго до его смерти. Он стоял на мостике неподалеку от метро «Чёрная речка» и со своей обычной хитроватой ухмылкой продавал кучку подосиновиков.

Уловка №...

Вычитал, что некий писатель Дэвид Кэмерон провел эксперимент: взял рассказ из старого номера знаменитого «Нью-Йоркера» и предложил его под другим именем различным изданиям. Отказали все, в том числе и сам «Нью-Йоркер».

Эк удивил этот тёзка британского премьера! — заметим мы. В советское время некоторые доведённые до крайности соискатели публикаций запрягивали в глубинах своих подборок, отсылаемых в журналы, малоизвестные стихи Ахматовой, Пастернака, Цветаевой. Достигавшийся результат был, понятно, равен нулю. Причем люди, сидевшие в редакциях на «самотёке», частенько оказывались малосведущими и классиков не распознавали.

Бывали, впрочем, исключения. Таковым, например, являлся петербургский критик Толя Пикач, ныне от литературы отошедший. Обнаружив подлог, он потом грустно пенял стихотворцу: «Не надо со мной так...»

Друг Бахыта

На литературном вечере выступавший прочел стихи, посвященные его другу Бахыту К. Затем он рассказал, какие важные темы они с Бахытом обсуждают по скайпу. Затем снова объявил: «А вот еще одно стихотворение, посвященное Бахыту...» И тут одна дама из публики, не выдержав, спросила: «А кто такой Бахыт? — тоже поэт?..»

В печать!

Есть на Москве очень крупные литературные деятели — что ни напишут, всё тотчас издается. Поэзия (или то, что под нею понимается) — пожалуйста, и в «толстяках», и книгами. Проза — аналогично (эх, нет уже «роман-газеты» с ее тиражами, через которую в старые годы у маститых всё

пропускалось). Газетные статьи — отдельным сборником! И колонки, если автор «колумнист» (одна, кстати, из самых идиотских «калек» с английского) — туда же. Блоги в различных сетях? — а мы из них роман слепим. Что бы еще? — может, издать подарочным томом подписи к домашнему фотоальбому? Почему бы и нет...

Актуальная литература без кавычек

Астроном Клеомед о литературном стиле Эпикура:

Всю эту и подобную мерзость он заимствовал, можно думать, из лексикона публичных домов низшего разряда или собраний и сходок женщин на празднике Фесмофорий... Все его слова какие-то стёртые и пресмыкающиеся.

Цицерон о «Записках» Цезаря:

Записки, им сочиненные, заслуживают высшей похвалы: в них есть нагая простота и прелесть, свободные от пышного ораторского облачения. Он хотел только подготовить всё, что нужно для тех, кто пожелает писать историю, но угодил, пожалуй, лишь глупцам, которым хочется разукрасить его рассказ завитушками, разумные же люди после него уже не смеют взяться за перо.

Светоний об Августе:

Любителей старины и любителей манерности он одинаково осуждал за их противоположные крайности и не раз над ними издевался. В особенности он вышучивал своего друга Мецената за его, как он выражался, «напомаженные завитушки», и даже писал на него пародии; но не щадил он и Тиберия, который гонялся иной раз за старинными и обветшалыми словами. Марка Антония он прямо обзывает сумасшедшим, утверждая, будто его писаниям дивиться можно, но понять их нельзя; и потом, высмеивая его безвкусию и непостоянство в выборе слов, продолжает: «Ты и не знаешь, с кого тебе брать пример:

с Анния Цимбра и Верания Флакка, чтобы писать такими словесами, какие Саллюстий Крисп повытаскивал из Катоновых «Начал»? Или с азиатских риторов, чтобы перенести в нашу речь их потоки слов без единой мысли?

Двадцать рублей и меховая шапка

Мама рассказывала о двух необычных случаях, произошедших сразу после войны и связанных с ее отцом, моим дедом, умершим в лагерях ГУЛАГа в 1942 году.

Однажды в дверь квартиры позвонил человек. Он сказал, что несколько лет назад, еще до войны, занял у деда двадцать рублей и теперь хочет их вернуть. Знает при этом, что Ивана Евграфовича (т. е. деда) уже нет в живых.

Он был татарин, видимо, дворник. Старые ленинградцы еще помнят, что в довоенное и первое послевоенное время почти все дворники в городе были татарами. (История практически повторяется — только тогда не было понятия «понаехавшие».)

Его пригласили в комнату. На столе в ней в тот день стоял гроб с телом Веры, сестры матери, умершей от туберкулёза совсем молодой. Но татарин отказался, поспешно отдал деньги и ушел.

Сумма по тем временам была немалой и оказалась очень кстати — предстояли похороны...

И второй случай, также начавшийся со звонка в дверь. Мужчина сказал, что был знаком с дедом, сидел с ним в одном лагере и хочет вернуть семье его меховую шапку. Но сейчас ее у него с собой нет, и он хотел бы зайти еще раз.

Бабушка гостя в дом не пригласила, расспрашивать ни о чем не стала. После ареста деда в 1940 году она жила в постоянном страхе. Даже извещение о его смерти сожгла. Никаких разговоров о лагере слышать не хотела.

Человек пообещал зайти еще раз, но больше не пришел. Возможно, никакой шапки и не было, а бывшему лагернику просто некуда было идти...

Солдат вермахта

Ему 91 год. Он из «выбитого» поколения. Его призвали в девятнадцать, в 1941-м, на русский фронт.

Пять лет он пробыл в плену в Воронеже. Работал, работал, работал... Выжил, вернулся на родину.

Уже три года он лежит почти без движения в своем доме. К нему приходят пять фрау из служб по уходу. Одна бреет, вторая подмывает, третья готовит, четвертая кормит, пятая — не знаю, что. Плюс медсестра. Он старается выполнять их просьбы и указания.

Он всё время молчит, говорить не хочет. Психически он почти здоров. Может быть, за одним маленьким исключением. Время от времени, без всякой связи с действительностью, он повторяет одну и ту же фразу по-русски: «Хлеба дай!..»

О, Русь!..

Иду утром по своему окраинному району. Из окна второго этажа «хрущобы» торчат две улыбающиеся пьяные рожи. В запое, очевидно, не первый день (а возможно, и не первую неделю). Над ними густым облаком — хриплый шансон. Хитровато переглядываются, явно собираются как-то пошутить. Надеюсь, не пульнут обглоданным суповым мослом и не плеснут неизвестной жидкостью, как у нас принято. Что же произойдет?

— Гутен морген! — кричат хором. — Гутен морген!

Петербургские мистики

Борис Иванович был везуч всю жизнь. Например, как-то раз, прочтя в состоянии сильного похмелья стихотворение Александра Блока «В октябре» (там, напомним, есть строка «Лечу, лечу к мальчишке малому...»), он, подобно герою стихотворения, решил совершить полет и выпрыгнул из окна. Но, когда Борису Ивановичу оставался буквально метр до дна

его двора-колодца, с неба слетел огромный орёл, вонзил когти в потертый махровый халат на спине Бориса Иваныча, и аккуратно поставил летуна на ножки. После чего таинственная птица, столь редкая для Петербурга, точкой исчезла в синем небе.

В отличие от свидетелей небывалого происшествия, Борис Иваныч ничуть не удивился. Он пересчитал деньги, бывшие при нем, и понял, что неизвестный орел поставил его перед серьезной дилеммой: наличности хватало либо на четыре бутылки пива, либо на «маленькую». Борис Иваныч выбрал последний вариант — в первую очередь вследствие простоты транспортировки покупки домой.

Постскриптум: записано со слов Бориса Иваныча.

Столько и мнений...

Знакомая художница сказала продавщице в кафе на Невском:

— Что же у вас на ценнике написано «пироженое»? Надо — пирожное.

Та, не моргнув глазом, ответила:

— Сколько людей — столько и мнений!

Достойный ответ

Как-то раз Джордж Форман, на тот момент чемпион мира по боксу в тяжелом весе среди профессионалов, обратился в полицию с жалобой, что уличный грабитель отобрал у него купюру в двадцать долларов.

— И вы не оказали ему сопротивления? — удивились полицейские.

— Я за такую мелкую сумму не боксирую! — отрезал Форман.

Достойный ответ! А мы-то всю жизнь «боксируем» — и бесплатно, и без надежды на успех...

Aalen, февраль 2013 — апрель 2014

УШЕДШАЯ НАТУРА

Чтобы заставить себя заметить, нам пришлось растянуться от Берингова пролива до Одера...

П. Чаадаев

Хуже всего не то, что известное количество людей терпеливо страдает, а то, что огромное количество страдает, не осознавая этого...

М. Лермонтов — Юрию Самарину

Ушедшая натура

Помню в ленинградских ресторанах официантов седовласых и величественных, как английские лорды. Были и такого же типа музыканты в ресторанных оркестрах. Однажды в семидесятых были с отцом в «Метрополе» на Садовой (любил он этот ресторан). Играл оркестр — все в форменном, тёмно-синем с серыми обшлагами. Среди прочих, солидный дядька тряс двумя большими шарами-погремушками. Что-то там латиноамериканское шло.

Отец, уже подвыпивший, хихикнув, сказал: «Это он показывает, какие у него яйца...»

Любил шуточки подобного рода. А еще было у него хобби отнюдь не безобидное: прихватить для коллекции карточку меню. А лучше — пепельницу. Копеечную, стеклянную — но из самого «Метрополя»!

Кобылянцев

В НИИ, где работала мама, в шестидесятых — семидесятых годах был инженер по фамилии Кобылянцев. Седой, высокий, сухой, с крупным костистым лицом, оправдывающим «лошадиную фамилию». Воевал, отставной офицер.

Любимой верхней одеждой Кобылянцева была прорезиненная армейская плащ-палатка. С прорезями для рук и огромным капюшоном. Человек в ней напоминал памятник самому себе.

Во время обеденного перерыва Кобылянцев всегда направлялся не в институтскую столовую, а в ближайший разлив в районе Суворовского проспекта, который он, как и все местные пьющие, называл почему-то «Узбечка». Там он не спеша выпивал два стакана портвейна. А на закуску у него всегда был при себе свернутый из газеты кулёк сушеных сметков (которые идут скорее к пиву). Таков был его ежедневный обед.

И сотрудники, и начальство знали об этой его слабости. Но кто попрекнет ветерана? К тому же после обеда Кобылянцев бывал к коллегам заметно добрее...

Гламур

Сколько помню бабушку по отцу — всё она шила, шила, шила... Огромный дубовый стол, на котором можно было играть в настольный теннис, завален лоскутами разнообразной материи. Черета каких-то «профессорских жён», приходящих на примерку. Непременный панбархат. Когда-то бабушка работала в ателье «Смерть мужьям» на Невском, но пенсию не получала, все документы о стаже сгорели. И всё время была опаска перед соседями по коммуналке — ведь шьёт без патента, могут сообщить «куда следует». Так и увезли ее в 84 года от этого стола в больницу, откуда уже не вернулась.

Был у бабушки американский журнал мод. На развороте, под крупной надписью GLAMOUR, — фотография лежащей в купальнике девушки. Подпись: «Наша фотомодель Джейн Фонда». Первые шаги будущей кинозвезды.

Так еще в конце пятидесятых узнал я это слово, ставшее одним из самых ходовых в нынешней России.

Школьные драки

...Какие замечательные драки один на один бывали в младших классах школы! Помню, подрались с Гришкой

Футерманом прямо на уроке. А когда обоих выгнали из класса, продолжили в пустом коридоре. Чуть друг друга пионерскими галстуками не удавили!

Пожары

Пожары в Доме писателя им. Маяковского в 1993 году были похожи на поджоги. Не все помнят, что несколькими днями раньше основного пожара было «возгорание» в другой части здания, у Мавританской гостиной. Его быстро потушили. А дня три-четыре спустя — пожар уже в другой части здания, в районе Белого зала, который и спалил почти всё внутри.

Сейчас дом восстановлен, но принадлежит частному лицу. Хотя когда-то Шереметьевский особняк был подарен писателям «советским правительством».

Молодая гвардия

Мой двоюродный брат, отбывавший срок с 1969 года по «демократической» 70-й статье (антисоветская агитация и пропаганда), рассказывал, что в лагере в Потье, где он мотал, заканчивал 25-летний срок бургомистр Краснодона, назначенный немцами из местных (впрочем, не факт, что он вышел, могли добавить еще столько же). Так вот, предатель уверял, что всё это было чисто из хулиганских побуждений. А позже — сочинено...

Писательские хроники

На отчетно-выборном собрании

Писательница Э., как всегда, «дала о себе знать». После отчета правления и заявления, что председатель правления Союза писателей Санкт-Петербурга писатель П. вновь выдвигает свою кандидатуру в председатели, вышла к трибуне и задала вопрос:

— Уважаемый Валерий Георгиевич! Зачем вам всё это надо?..

В зале раздался понимающий смех. П. встал и скромно ответил: «Это мое хобби», тем самым пресекая все поползновения к дальнейшей дискуссии. И был в очередной раз переизбран.

В перерыве недавно принятый в СП писатель К., проходя мимо Э., сказал ей: «Вы — скандальная баба!» Видимо, обиделся за председателя П.

Писательницу Э. ошарашило не столько «скандальная», сколько «баба» — такого на собраниях ей слышать еще не доводилось... И она поняла, что «молодой писатель» К. в новом для него творческом союзе вполне освоился. (В скобках надо заметить, что писателю К. за восемьдесят, он является народным артистом РФ и был принят в союз по автобиографической книге.)

Писатель И.

Сколько лет его помню? — с каких-то посиделок в до-пожарном Доме писателя. Всё толковал о гениальных, но малоизвестных французах.

За 25 лет внешность его не изменилась — тот же «ребенок-старичок» (по Нарбуту). Какую-то литпремию получил, куча поклонниц образовалась. В связи с этим стал безостановочным писателем, каюром, — что вижу, то и пою. Потом из ошмётков слепит единый текст, нашпигует именами и цитатами — получится роман страниц на шестьсот. В общем, счастливый человек...

«Словие»

Очередной пиитический сборник молодого человека из нынешней «обоймы». Автор характерен активным вездесуйством, особенно когда дело касается комплиментарных рецензий на «великих» — тут он, как критик, в своем рвении неудержим.

Соответственно, спереди текст его подпёрт предисловием одного из нынешних «живых классиков», сзади — послесловием некой литературоведши. Всё бы ничего, но само «словие», помещенное между ними, никуда не годится...

Литературная биография

Один известный писатель, с недавних пор лауреат госпремии, когда-то наставлял меня, молодого: литературную биографию надо лепить, выстраивать от факта к факту. А я всё мимо ушей пропускал. Думал: само собой образуется. Теперь вижу — прав он был. И на его примере вижу, и на своем...

Умирающий город

Больше всего из уничтоженного в Петербурге при губернаторе В. Матвиенко жаль мне полукруглое одноэтажное здание казарм у Спасо-Преображенского собора. Имелась табличка «Охраняется государством» — от кого? — от самого себя, видимо. Позже на этом месте выросло четырёхэтажное здание финского консульства. И финнам позор, что согласились на такой проект.

«Зенит»

Фирменный магазин «Зенита» на Невском. Крупный парень-дебил с властной матерью, суеотящиеся вокруг продавцы, чующие поживу, — за бешеные деньги собираются накатать с помощью специального автомата номер и фамилию игрока на спину бело-сине-голубой футболки, купленной матерью для сына.

— Кого ты хочешь, Боренька?

— Губоча-а-н, Губоча-а-н... — мычит тот. Слюна пузырчатой сметаной стекает с губ, напоминающих пухлые олады...

«Культурная революция»

Телепередача с таким «китайским» названием. Ведет штатный интеллигент, для которого, на моей памяти, постоянно придумывают какие-то государственные должности. И нынче он некий «советник». Да, швыдчей быть невозможно...

Один из двух оппонентов — бойкая дама, доцент Литинститута, представленная также как писатель(ница?). Тридцать романов! Видимо, разделяет для себя «высокую науку» и жирный приработок к преподавательской зарплате. Причем ваяет под псевдонимом. В чем его смысл, если, думаю, все, вплоть до студентов, знают, кто ты есть? Может быть, он (смысл) в том, что псевдоним звучит «красивей» родной фамилии — по-старинному, по-дворянски?

Дама очень хочет говорить — да так, что даже ведущий культурно прерывает ее и просит не комментировать слова каждого выступающего из массовки. На что она с видимой неохотой соглашается.

Всего понемногу...

Телепередача о питании. Эксперт, пожилой господин, должен, вроде бы, знать, а несет чепуху — мол, все помнят, что продуктовый дефицит в СССР начался лишь в конце восьмидесятых годов. Что за бред! — уже в семидесятые найти пачку пельменей в магазине было за счастье, в пельменных у поварих выклянчивали.

Сошлись, вроде, на том, что есть можно всё, но понемногу. Вспомнился в связи с этим рассказ одного старого вертухая о режиме питания в некоей тайной сталинской тюрьме для особых заключенных — бывших «ответработников». Кормёжка была очень хорошей, но всего издевательски помалу — лепесток курчонка, несколько ломтиков жареной картошки. Чтоб не забывали, подлецы, чего лишились, изменив родине...

Подручные

В нынешней российской журналистике особо умиляют персонажи, успевшие в девяностые — нулевые годы перепродаться по нескольку раз всем, от криминальных авторитетов до Березовского. На какое-то время с экранов исчезли было, но вот опять: ток-шоу, авторские программы... Уверенно толкуют о чем угодно. И, похоже, по-прежнему всерьёз считают себя «властителями дум».

Вспомнился Варлам Шаламов:

Писатели — судьи времени, а журналисты — подручные. Это не только разные уровни мастерства, видения и так далее. Это — разные миры, как ни обманчива кажущаяся близость их друг от друга.

(В. Шаламов. Из переписки с Надеждой Мандельштам.)

Хотя, конечно, других писателей и других журналистов имел в виду Варлам Тихонович...

История стала расхожей...

Из книги И. Фаликова «Борис Рыжий» (ЖЗЛ — малая серия. М., 2015):

С Кушнером отношения, начавшиеся в 1995-м, складывались прекрасно, но в мае 2000 года получилось нехорошо. Рыжий явился в кушнеровский дом под градусом, ему — не понимая ситуации — хлебо-сольно предложили выпить водки, что он и сделал, а потом зарвался, стал фамильярничать (предложил хозяйке дома выйти за него замуж, это шутка), Кушнер по телефону вызвал поэта М. Окуня («Вы курируете Рыжего?»), Окунь и гостящий у него Дозморов приехали, Кушнер спешно проводил их из дому, дав денег на такси, даже с избытком, не зная конъюнктуры цен в таксомоторном бизнесе.

Комментарий:

На самом деле — довольно долго еще сидели у Кушнера, читали стихи. Помню, прочел «Из окна» («К полудню снег засыпал всё, что мог...»). Заговорил о книге Клода Давида о Кафке, но присутствующие разговора не поддержали — видимо, никто ее не читал.

Впрочем, винить некого — сам эту историю запустил, а дальше лишь повторяют и додумывают. Вот первоисточник:

В одиннадцать вечера того же дня звонок от знаменитого и уважаемого поэта К.:

— Миша, это вы курируете Бориса Рыжего? Приезжайте, пожалуйста, за ним...

Сели с Олегом в маршрутку, домчались в пять минут. За столом трое — поэт К., его супруга, критик Н., и Боря. Опасения поэта К. показались мне преувеличенными (видимо, возникли они, так сказать, авансом): сидит Рыжий ровно, улыбается блаженно. Уходя, Боря пообещал хозяину:

— Отобью у вас Ленку!»

(Михаил Окунь. К нам приехал Боря Рыжий. «URBI» вып. 36/38. СПб — Н. Новгород, 2002.)

Из книги И. Фаликова «Борис Рыжий»:

Книжкой своей он (Борис Рыжий — М. О.) и обескуражен, и обрадован одновременно, однако ждет похвал, прессы, разговоров о себе (рецензию В. Шубинского в журнале «Новая русская книга» не принимает, отзыв М.Окуня в журнале «Питерbook плюс» высоко ценит) ...

Комментарий:

Говорили с Борисом по телефону о рецензии Шубинского. Б. Р. сказал примерно так: не понимаю, чем я этому господину так насолил. Ответил: тем, вероятно, что в мирок этих господ ты не укладываешься.

Труп на рельсах и киргиз

В первый день католического рождества ездили в Карлсруэ в гости к внезапно обнаружившимся дальним родственникам. Приехали на два часа позже — не доезжая Штутгарта, в Шондорфе, поезд остановили, объявили, что на станции несчастный случай. Через полчаса доехали до станции, всех высадили, сказали, что доставят до Штутгарта на автобусе.

На рельсах у перрона лежал покойник, укрытый серым непрозрачным полиэтиленом. Только край красной куртки выглядывал наружу. Вот тебе и Рождество...

Автобуса так и не подали, посадили на следующий поезд. В итоге на пересадку в Штутгарте опоздали, пришлось ждать следующего поезда около часа.

В зале ожидания пристал с разговорами киргиз. Лет тридцати, в форме бойцов «низового звена» девяностых годов — черная кожаная куртка, синие спортивные штаны. Сказал, что ночевал на вокзале. Здесь его должны были забрать какие-то земляки, но вот всё не едут. Не говорит ни по-немецки, ни по-английски. Попросил сначала мобильник — позвонить зачем-то в Италию, некоему зятю. Закончилось всё ожидаемой просьбой дать денег (нет, мол, ни копейки).

А как здесь оказался? — Поехал в Литву покупать машину, оттуда перебрался в Германию (машину, естественно, не купив; а куда деньги делись «до копейки», неясно).

Такая вот рождественская история...

Часы как знак свыше

Вез в январе 2015-го наручные часы в Петербург в ремонт — стали останавливаться, хоть и марки «Юнкерс». На Пулковской таможне углядели их на аппарате в чемодане: почему у вас одни часы на руке, а вторые в чемодане?! Открывайте чемодан, доставайте, — мы оценим, дорогие ли, степень изношенности определим, в случае чего — конфискуем.

Посмотрели: дешевые, ремешок затёртый. Простили контрабандиста.

Часовой мастер-армянин сказал: надо микросхему менять. Сколько? — 200 рэ. Дома заглянул в квитанцию — стоит 2000 рэ. Прикинул в евро, звоню ему: они столько и новые не стоили, не надо ремонтировать. Он: ай-вай, это вы стоимость не расслышали, а я уже новую микросхему поставил, сделаю вам скидку, пусть пока у меня полежат, буду смотреть, контролировать, всем гарантию три месяца даю, вам — полгода.

Ну, ладно. Перед отъездом, в конце января, зашел («всё в порядке, ходят, часы отличные!»), забрал. Остановились через несколько дней, в начале февраля, уже в Германии. Здесь «гарантийный срок» и проведут. Лучше бы уж конфисковали...

Пожилые братки

Они появились летом 2015 года после амнистии к 70-летию победы. Всё те же костюмы «Адидас» с тремя полосками, бритые головы, шлёпанцы... Законсервированные тюрьмой замашки их боевой юности — эпатаж на грани конфликта, словарь. Только — плюс двадцать лет.

Вот стоит он на Московском проспекте у станции метро «Фрунзенская» — почти невменяемо пьяный, среди опасно обтекающей его толпы. Никому не нужный осколок девяностых, подготовивших нынешние, десятые...

Он ловит мой взгляд, чуть приободряется, привычно гнет пальцы и с трудом выдавливает:

— Бабу мне подгоняй, Димон!

Июнь 2014 — июль 2015

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Последние известия

Очень не любил, когда дедушка слушал по радио «Последние известия». Радовался, когда они заканчивались. Недоумевал искренне, почему они повторяются вновь и вновь, — ведь были же «последние»!..

Искусственный спутник Земли

Когда в 1957 году запустили первый искусственный спутник Земли, я подумал, что запустили человека, о чем и сказал вслух. Было это в комнате наших родственников, в нашей же коммуналке на Большой Московской улице; мне было шесть лет. Все слушали сообщение по радио.

Взрослые меня высмеяли: этого не может быть! Как там человек может находиться?.. А через каких-то три с половиной года — Гагарин...

Плагиат

В детстве повесть Льва Кассиля «Конduit и Швамбрана» понравилась настолько (хоть и не понимал оба слова в названии), что взялся за труд переписывать книжку от руки. Чтобы все подумали, что это я ее написал...

Сиротство

Сколько помню бабушку по материнской линии, всё она любила есть с маленьких тарелочек, из блюдец. Скажешь ей: «Бабушка, возьми нормальную тарелку!» — «Не надо, и так хорошо...» А когда стал постарше, понял: это деревня в Тверской губернии, десятые годы позапрошлого (уже!) века. Мама ее умерла рано, отец подался в город, ос-

тавив дочку на воспитание родственникам (обосновался в Мариенбурге под Петербургом, где завел другую семью). Это от вьезшегося сиротства — тарелочка маленькая, ем немного, не объедаю!

Старые евреи

По Загородному бредут два старых-старых еврея. Теперь таких уже не встретишь, это был Ленинград семидесятых годов. Повымерли, а новых «старых евреев» в Петербурге больше нет.

Оба в донельзя изношенных зимних пальто. На одном нелепая мутоновая ушанка типа армейской, одно ухо смотрит вверх, другое опущено вниз. На ногах — разбитые валенки с галошами.

Я поравнялся с ними у проходного садика, где в фонтане два бронзовых мальчика дерутся из-за гуся. В нем я обычно прогуливал первый урок, когда на него опаздывал. Школа была неподалёку. Несколько лет назад садик изуродовали одноэтажным сарайчиком азиатского ресторана.

Я прохожу мимо них и слышу, как один каким-то безнадежным голосом спрашивает другого:

— А муж вашей дочери как?

Тот, что в ушанке, таким же голосом отвечает:

— Пяница...

«Как из горящего театра...»

Куда идут они, когда так неспешно проходят по улицам? Где спят они, и если не могут уснуть, что проплывает тогда перед их печальными глазами? О чем они думают, просиживая целыми днями в городских садах, склонив голову на руки, которые словно бы сошлись из разных далей, чтобы спрятаться друг в дружку? Сплетают ли они еще настоящие слова?.. А то, что они говорят, — это еще фразы, или из них всё вырывается уже в полном смятении, как из горящего театра, всё, что в них было зрителем и артистом, слушателем и

героем? Неужели никто не думает о том, что в них есть детство, которое гибнет, и сила, которая увядает, и любовь, которая рушится?

Р. М. Рильке. Из письма.

Блок

28 ноября 2015 года исполнилось 135 лет со дня рождения Блока.

Парголово, Озерки... Унылое сидение в стационарных ресторанчиках. Компания всё та же: Чулков, Женя Иванов, Зоргенфрей. «Ты великий поэт, Саша!..» — «Нет. Я не великий поэт. Великие поэты сгорают в своих стихах и гибнут. А я пью вино и печатаю стихи в «Ниве». По полтиннику за строчку... Поехали в другое место».

Дома — разграфленная толстая книга, кожаный переплёт с золотым обрезом, первоклассные письменные принадлежности. Каллиграфическая фиксация приходящей почты. Каждый час — новый стакан из шкафчика, тщательно протираемый полотенцем, «Нюи» елисеевского разлива №22. Любимая фарфоровая собачка смотрит красными стеклянными глазками. Вечером — куда? — Шувалово, Озерки, Стрельна?

День проходил как всегда:
В сумасшествии тихом...¹

«Вот бы мне этак...»

В Старинном театре, который, как известно, давал пьесы из разных эпох, а может быть, в каком-нибудь другом театре (но не в цирке) шла какая-то антрактная клоунада. Блок с интересом наблюдал грубую перебранку шутов, которые колотили друг друга бычьими пузырями и по-дурацки хохотали при этом. «Вот бы мне этак погаерничать, — обратился ко мне Александр Александрович. — Иногда очень хочется!» Потом, по-

---

¹ Александр Блок. «День проходил как всегда...»

молчал, прибавил: «И безо всяких иносказаний: просто так, колотить пузырьём, и чтобы меня колотили. И кувыркаться».

(Конст. Эрберг. Воспоминания. Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1977 год. Л., 1979.)

Не потерявший отчаяния

Восьмого августа 2015 года в восемь утра не стало Самуила (Саши) Лурье. Нашел в почте его последнее письмо:

<Без темы>

От кого: Самуил Лурье <slavir-kelur@list.ru>

Кому: Mikhail Okun

12 февраля 2014, 5:07

Дорогой Миша!

Большое спасибо за письмо, за память и за доброе слово.

Напишите еще, пожалуйста, про себя. Мне очень интересно, как Вы поживаете и что пишете.

И от фотографии с Литераторских мостков — разумеется, не откажусь.

Спасибо.

Ваш С. Л.

Это он о снимке надгробного памятника героини одного из его последних эссе — Марии Ватсон, сделанном как-то случайно при посещении Литераторских мостков Волковского кладбища в сентябре 2009 года. Предложил ему прислать.

Прекрасно о Лурье написал А. Арьев:

Николай Николаевич Пунин сказал как-то своей жене, Анне Андреевне Ахматовой: «Не теряйте своего отчаяния». Вот эти загадочные слова необыкновенно ценила Анна Андреевна, и потом многим своим молодым друзьям говорила, что они не должны забывать своего отчаяния. И вот, когда я вижу Саню Лурье, я всегда вспоминаю эти слова. И более того, мне кажется, что единственный человек, который действительно за все сорок лет, которые я его знаю, не потерял своего отчаяния, это — Самуил Лурье.

Прекрасные, удивительные...

Всё понимаю, но читаешь ленту в фейсбуке, и как-то уж чрезмерно: «Прекрасный такой-то читал свои чудесные, удивительные стихи...» (На прилагаемом фото — пожилой господин со всеми приметамы возраста. Понимаю, что он «светится внутренним светом», но тем не менее. И в стихах ничего чудесного и удивительного. Ложная многозначительность, словесные водопады под статью Бенедиктову, — но что же в том удивительного?)

Атрофия

Некоторых стихотворцев, на мой взгляд, постигает большая беда, — у них напрочь атрофируются всякие сомнения по поводу ими написанного.

«Автор издательств»

Из многочисленных титулов одной литературной дамы («Член союзов», «Президент конкурсов» и пр., всё это непременно с прописной буквы) меня почему-то более всего тронуло «автор издательств». Со строчной.

Деформация языка

Цитата:

Травма может иметь место, а может — не иметь, и я не могу увидеть ее операторную природу, то есть не могу подействовать травмой как инструментом на поэзию, чтобы продвинуться вглубь, преодолеть коммуникативную поверхность. Разговор о травме напоминает вытесненный историко-биографический подход к толкованию письма, так как разворачивается в свете факта, на этот раз того, который не может быть назван. Мне же важно ответить на вопрос о деформации языка с позиции имманентной истории поэзии.

(«НЛО», 2–2015)

Даже интересно стало, как же автор изъясняется в повседневной жизни? То есть как излагает обыденные желания свои? Неужели та же деформация языка? Или строго разделяет «высокую науку» и низкий быт?

«Лейтмотивная метонимия эсхатологичности»

В Энциклопедическом словаре «Литературный Санкт-Петербург XX век» (2015) статья критика К. На просторе двух абзацев: эсхатологичность, эсхатологический — 4 раза; метонимия, метонимически — 3 раза. Кроме того, апокалиптический, метафорический, теургическое, теологична, культурософской — по разу. Апофеозом: «лейтмотивная метонимия эсхатологичности».

Редакционный отбор

Иногда старый «Новый мир» печатал по одному стихотворению от автора, а не подборкой, как обычно принято. Помню номер 60-х годов, где было напечатано всего одно стихотворение Давида Самойлова «Память». Может быть, давал поэт подборку, а оставили одно? (но какое!..) И в том и состояла строгость редакционного отбора? (Замечу, что так же — по одному стихотворению — печатали и некоторые литературные журналы Серебряного века.)

Пушкинская, 10

Жалобы литературного юноши в фейсбуке на то, что Арт-центр «Пушкинская, 10» — «приговорили». Это в связи с тем, что охранник запретил ему припарковать велосипед у входа.

Для меня Пушкинская, 10 закончилась ровно тогда, когда она стала Лиговкой, 53 — с таинственными бронированными дверями, камерами видеонаблюдения, теми же охранниками...

К сведению господ литераторов

Легенда о Тутивилле (демоине-писце — *М. О.*), отдающая демону право на запись человеческих дел и слов, без сомнения, включена в круг представлений об общей связи дьявола и письма: в одной средневековой легенде Сатана, решив стать писателем, вызвал гнев Бога и был свергнут с небес; с тех пор Сатана диктует смертным произведения, которые он сам бы хотел написать.

(Сад демонов. Словарь инфернальной мифологии. М., 1998.)

В аэропорту

Первое, что услышал по прилете в аэропорт Пулково, когда вошел в зал получения багажа — не «добро пожаловать», или «посетите такие-то достопримечательности Петербурга», или что-либо в том же роде. Нет. Строгий женский голос немного печально сказал: «Прокуратура Российской Федерации предупреждает об ответственности за дачу взятки должностному лицу...»

С другой стороны, оно и понятно: первое должностное лицо, с которым сталкиваешься — таможенник. А потому с предупреждением медлить нельзя...

Один процент

В телепередаче «Познер» директор статистического «Левада-центра» Л. Гудков назвал поразительные данные: в России один процент населения владеет семьюдесятью шестью процентами всех богатств, и это самый «отъявленный» показатель в мире.

Мне кажется, этот зубастый «один процент» не успокоится, пока не доведет свои семьдесят шесть процентов до ста.

Побег из военного госпиталя

В новостях передали: из психиатрического отделения военного госпиталя в Петербурге бежали трое военнослужащих, убив при этом двух медсестер, которые попытались им воспрепятствовать. Видимо, больше некому было...

Лежал я в этом госпитале. Новый, 1970-й год там встречал. Всё, что под рукой было, пошло в ход: флакон одеколону «Дзинтарс», пятидесятиграммовый шкалик коньяку, пара порошков от кашля с кодеином. Всё смешать и без ветки омель...

Выздоровливающие должны были дежурить на приеме новых больных. Особенно не хотели тех, кого в кожно-венерологическое отделение привезли, сопровождать. Боялись что-нибудь «подцепить».

Помню, доставили здорового парня с соответствующей фамилией — Собаковский. Прибыл под конвоем на психиатрическую экспертизу. Когда ему тапки и халат подавал, говорит: хана мне, наверняка нормальным признают, и вышка — я офицера убил!

Сто лет спустя

Огненное крещение народовластия в свободе завершилось на Западе уже окончательно. Там демократия может изменять себе, вырождаться, из льва делаться кошкою, строить на потухшем вулкане удобные лавочки, продавать свое первородство за чечевичную похлёбку мещанства, но соединяться с рабством сознательно, религиозно, не за страх, а за совесть, не может, если бы даже хотела. А в России может.

(Д. Мережковский. Две тайны русской поэзии. 1915 г.)

И через сто лет, увы: в России — может!

Премия «Поэт» 2016 года

Обсуждают премию «Поэт», полученную Наумом Коржавиным. Иронизируя по поводу возраста лауреата (скоро ему 91). Мол, в очередь, сукины дети, доживете до девяноста — и вам дадут. Вот один пиит-критик (или критик-пиит, нынче почти все юноши это дело совмещают) называет старика «прикладным поэтом», помяная по отношению к нему и слова Мандельштама «переводчик готовых смыслов».

Как же охотно прилагают они надерганные цитаты из Мандельштама к кому угодно — только не к себе и не к членам своей «интеллектуальной секты»! И видится мне он, *«голубоглазый, чистенький, с германской вежливостью, аккуратностью приказчика и шубертовской голубой дымкой в глазах»*. (О. Мандельштам. Армия поэтов.)

Беглец

В связи с признанием Германией факта геноцида армян в Османской империи вспомнилось, как в первой половине 60-х годов дважды вместе с мамой снимали комнату и жили под Сочи, в местечке с названием «73-й километр». Ближайший более-менее цивилизованный населенный пункт — поселок Мамайка, а тут — лишь несколько разрозненных домов, прячущихся среди деревьев и зарослей кустарника фундука на склоне горы. Железнодорожная ветка Туапсе — Сочи, проходящая вдоль берега по бетонной эстакаде (по километражу от Туапсе и название этого места). Между эстакадой и морем — узкая полоска галечного пляжа.

Это было поселение армян, бежавших в 1915 году в Россию через Черное море, и их потомков. Собственно, из беглецов, в живых к тому времени оставался один-единственный старик. Вечерами перед закатом он выходил на крошечную площадку на высоком берегу и, опершись на палку, подолгу стоял и смотрел в сторону Турции. И так ежедневно...

Блистательно навсегда!

Увидел объявление о вечере под названием «Настоящее и будущее петербургской поэзии» (так, вроде). И вспомнились слова бывшего ленинградского шахматиста, гроссмейстера Геннадия Сосонко (Голландия), сказанные о шахматах, но вполне применимые и к петербургской поэзии:

...Настоящее неопределенно, будущее тревожно и только прошлое — блистательно навсегда.

Заморозок

Когда-то в восьмидесятых читала она мне это стихотворение, а было мне немногим больше тридцати, и оно проскользило мимо, только «всадник без головы» и запомнился. А тут просматривал предпоследний ленинградский «День поэзии» (1988), перечитал его и всё понял — может быть, потому, что стал вдвое старше...

Наталья Грудина
(1918–1999)

ЗАМОРОЗОК

В блеске инея, в треске веток,
В жажде власти над всем живым
Мчится заморозок рассвета —
Бледный всадник без головы.
Ничего-то ему не надо
В мире слякотном и кривом, —
Опахнуть бы деревья сада
Легким призрачным рукавом,
Испугать бы дыханьем стужи
Самый красный задорный клён,
Да чтоб синий глазочек лужи
Был бы наглухо застеклен.
И ни роздыха, ни отбоя
Той тревоге воздушной нет...
Неужели и нам с тобою
Предстоит и такой рассвет?
Рассмеётся пустое эхо
Над умнейшею суетой,
Кто-то властный придет помехой
Нашей осени золотой.
С тихим звоном взлетит на воздух
Листьев бронзовых кутерьма...
Что ж, прими этот день морозный
И не жмурься. Идет зима.

Ален — Петербург, июль 2015 — июнь 2016

BEST NIAGARA

(Из записных книжек 90-х годов)

Но устали восторги, и слышна неизбежная проза.

Н. С. Лесков

* * *

Суэта, теснота на Сенной! — повсюду вездесущие люди-молекулы с их броуновской толкотней...

* * *

Они стоят, обмениваясь звуками, может быть, словами, но уж никак не мыслями.

* * *

Человек с серым лицом и серыми макаронами под мышкой.

* * *

Один из богов чукчей и коряков (Писвусчын) питается запахом. Вот бы так!

* * *

Критерий отбора кандидатов в депутаты: суметь без запинки выговорить слово «одномандатный».

* * *

В плане политической болтовни — это перпетуум мобиле.

* * *

Корки Ленинские.

* * *

В порыве восторга оратор назвал Кобзона Иосифом Виссарионовичем.

* * *

Ненавязчивый идиотизм телесериала.

* * *

Пошла реклама: это мой дом, это моя машина... «А это — мой телевизор!» — и выключил.

* * *

Научно-популярный фильм на тему венерических заболеваний. Всем миром ловим бледную спирохету.

* * *

Писатель получил литературную премию. Позже решили депремировать.

* * *

По Невскому туда-сюда прогуливается закоренелый разукрашенный старичок по имени Вспышкин.

* * *

Заметил, что дырки от компостера на талончиках имеют свойство зарастать. Полезное наблюдение!

* * *

Надпись на подоконнике в подъезде: «сектор раз».

* * *

Искусствен, как палиндром.

* * *

Патентованное медицинское средство «Домогил».

* * *

Утыканный капельницами, в реанимации вышел на финишную прямую.

* * *

Прописали цинковую мазь. Хорошо, что не цинковый гроб.

* * *

Спишь, как белка в колесе.

* * *

Надежда ушла, веры нет. Остается цепляться за любовь.

* * *

Жаветное шлово.

* * *

И, наконец, электрический стул — после жидкого, кашеобразного, твердого...

* * *

Надпись на заборе, обращенном к кладбищу: «С добрым утром, любимая!»

* * *

Старушка-библиограф говорит в Публичке:
— Не люблю, когда берут Захер-Мазоха... (звучит весьма двусмысленно).

— ???

— Карточки есть — книг нет. Во время блокады его брали читать в Смольный — без возврата, естественно. А карточки остаются, будто книги на месте.

* * *

Best Niagara — надпись на литом чугунном бачке в туалете старой коммуналки.

...Символ 90-х годов — сливной бачок, утверждающий, что он лучший Ниагарский водопад.

«НО СТИХИ НЕ ЛЮДИ...»

*Из литературных дневников
2016-2019 гг.*

Кто «перенесется»?

На Ленфильме собираются снимать новую картину о Бродском. Сообщается, что рабочее название фильма — «Спасти Иосифа». В нем будет рассказываться о том, как группа современных петербургских поэтов перенесется в 1964 год, чтобы не допустить судебного процесса над Бродским.

Комментарий:

Все, кто были общественными защитниками на процессе Бродского — Адмони, Грудинина, Эткинд — уже умерли. А из «современных петербургских поэтов» вижу лишь одно-двух, кто рискуя собственным благополучием, стал бы в это дело ввязываться. Таким образом, будет любопытно посмотреть, кто же «перенесется»...

О российском Пен-клубе

Когда во второй половине 80-х гг. услышал от Славы Пьецуха, с которым в те времена дружил, что в СССР скоро будет свой Пен-центр для, так сказать, «самых-самых», — удивился, но при этом нисколько не засомневался, что всё это превратится в другой «союз писателей» со своими распределительными вентилями, бюрократией, «тайнами мадридского двора», и проч., и проч., и до неизбежного раскола. Что жизнь поэтапно и доказала.

Оден или Фрост?

Известное выражение «Писать стихи без рифмы — всё равно, что играть в теннис без сетки», в русскоязычном интернете упорно приписывается Х. Одну (иногда со ссылкой на Бродского). И в статьях о современной поэзии повторяется опять же в авторстве Одена.

Но вот критик В. Шубинский в фейсбучной полемике со мной приводит на этот счет оригинальную цитату на английском с указанием авторства и датой:

Writing free verse is like playing tennis with the net down.

Robert Frost, address at Milton Academy, Massachusetts (17 May 1935).

Значит, всё-таки Фрост?..

Ося

Забавно со стороны наблюдать, как некоторые пииты из разряда просто графоманов переходят в маститые графоманы. И первый тут признак — начинают через губу рассуждать о поэзии Серебряного века. И, конечно, Мандельштам сразу становится Осей...

Бунин о Набокове

О, это писатель, который всё время набирает высоту и таких, как он, среди молодого поколения мало. Пожалуй, это самый ловкий писатель во всей необъятной русской литературе, но это рыжий в цирке. А я, грешным делом, люблю талантливость даже у клоунов.

(Цит. по: В. Лавров. Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции (1920–1953). М., 1989. С.290.)

Злоба дня

Лишний раз убеждаешься, что Михаил Евграфович — на все случаи жизни:

Ибо хотя старая злоба дня и исчезла, но некоторые признаки убеждают, что, издыхая, она отравила своим ядом новую злобу дня и что, несмотря на изменившиеся формы общественных отношений, сущность их еще остается нетронутой.

(М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина.)

**7 августа 2016 года —
95 лет со дня смерти Блока**

...Вошь победила весь свет, это уже совершившееся дело, и всё теперь будет меняться только в другую сторону, а не в ту, которой жили мы, которую любили мы.

(А. Блок. Дневники. Запись от 18 апреля 1921 г.)

Цветет в Тбилиси алыча...

В утренней телепередаче прорекламировали только что вышедший двухтомник г-на Никонова о его знаменитом дедушке, наркоме «железная задница», тов. Молотове. Называется «Наше дело правое». Сказали, что читать нужно обязательно, привлечено множество архивных документов. Что ж, если вспомнить, что на счету Молотова наибольшее среди членов сталинского политбюро количество подписанных «расстрельных списков» — аж 372...

Были б у других соратников такие же влиятельные и писучие родственники, мы бы, не сомневаюсь, увидели двух-трехтомники о других причастных к «правому делу» — Маленкове, Булганине, Кагановиче и др. (впрочем, возможно они есть, просто я не в курсе). В общем, «цветет в Тбилиси алыча не для Лаврентий Палыча, а для Климент Ефремыча и Вячеслав Михайлыча...»

«Жидкие книги»

В отечественной полиграфии, как я заметил, стало модой издание книг, которые я для себя назвал «жидкими» (от поговорки «Тех же щей, да пожиже влей»). Чтобы натянуть на необходимый объем, текст печатается чрезмерно крупным кеглем, пробелы между строк делаются чуть ли не по сантиметру, поля разгоняют до невозможности. Выглядит смешно. Напечатай такой «том» нормально — получишь в лучшем случае толстенькую брошюрку. Названий издательств не помню, но видел такие книги авторства С. Шаргунова, В. Бочкова, М. Веллера (у последнего еще и с картинками).

Работники...

Узники взяли камни, палки и пошли против работников концлагеря...

Программа «Вести», РТР «Планета», 11.04.2017 — в Международный день освобождения узников фашистских концлагерей.

Фестиваль верлибра

Прочитав в фейсбуке о страстях, кипевших на фестивале верлибра, вспомнил фразу из одного раннего рассказа Валерия Попова (адресовано грубому продавцу): «Слишком ты, парень, горяч для молочного отдела!»

30 мая — день памяти Пастернака

По утверждению Галича, лишь «Литературная газета» откликнулась на смерть Б.Л. Пастернака (1960 г.) коротким некрологом. Вот его текст:

Правление Литературного фонда СССР извещает о смерти писателя, члена Литфонда, Пастернака Бориса Леонидовича, последовавшей 30 мая с.г. на 71-м году жизни после тяжелой, продолжительной болезни, и выражает соболезнование семье покойного.

К 125-летию со дня рождения Цветаевой

Критики и литературоведы закопошились в очередной раз — по поводу Цветаевой. Что ж, хороший повод лишний раз напомнить о себе и похлопать великих по плечу, попенять на «неактуальность».

Мне же не ко времени вспомнилось, как популярны и «актуальны» были у современников Бенедиктов, Куколь-

ник, Катенин... Сейчас новые Бенедиктовы обрушивают словесные водопады на неокрепшие головы. Но как же я был когда-то удивлен, прочитав в интервью Вадима Сергеевича Шефнера, что «магистральную линию» русской поэзии он проводит и через Бенедиктова (там даже было в скобках — видимо, для весомости: «Да, Бенедиктова!»).

Старше Блока...

Мой дед по отцу был четырьмя годами старше Блока, а умер в 1971 году, через пятьдесят лет после Блока, почти в 95.

Трудно мне представить Блока в тридцатых, сороковых и так далее...

Есть умы столь лживые...

У Чаадаева: *«Есть умы столь лживые, что даже истина, высказанная ими, становится ложью».*

Как в точку о наших телевизионных пропагандистах.

300 лет Сумарокову

Сегодня 300 лет со дня рождения Сумарокова¹.

Помнится он постоянным соперничеством с Ломоносовым за звание «первого пииты России» и насмешками над ним Баркова («Первый-то я, Ломоносов второй, а ты, Александр Петрович, только третий!»).

Читать эти оды-глыбы сегодня вряд ли кто возьмет-ся. Впрочем, иногда можно и заглянуть:

Пойте, птички, вы свободу,
Пойте красную погоду;
Но когда бы в рощах сих,
Ах, несносных мук моих
Вы хоть соту часть имели,
Больше б вы не пели.

---

¹ 25.11.1717 по н. ст.

Константин Бальмонт

75 лет назад, 23 декабря 1942 года, в возрасте 75 лет, на территории оккупированной Франции умер Константин Бальмонт.

Отдельные его стихи стали появляться в СССР в различных антологиях в конце 60-х гг. Тогда же в какой-то хрестоматии я и прочел это его стихотворение, приведенное как сугубый образчик символизма:

Я не знаю мудрости годной для других,
Только мимолётности я влагаю в стих.
В каждой мимолётности вижу я миры,
Полные изменчивой радужной игры.

Не кляните, мудрые. Что вам до меня?
Я ведь только облачко, полное огня.
Я ведь только облачко. Видите: плыву.
И зову мечтателей... Вас я не зову!

Новопетропавловка

Показанный по ТВ поселок городского типа с полуразрушенными двухэтажными блочными домами, в которых продолжают жить люди, называется Новопетропавловка. И подумал — как же тогда должна выглядеть Старопетропавловка?..

И хруст денег советских...

И хруст денег советских, полученных за ненужные переводы никому не нужных романов, — тоже знаю.
(З. Гиппиус. Мой лунный друг. 1922 г.)

Штрицель

Вместе с купленной немецкой булкой влетело забытое слово из ленинградских булочных 50–60-х...

Воссоздать атмосферу...

Киношники о фильме «Довлатов»: «Воссоздали атмосферу...» и т.п. А сунься в любую петербургскую коммуналку — найдешь и ленинградские семидесятые, и шестидесятые-пятидесятые, и довоенные, и даже петроградские двадцатые. И «воссоздавать» ничего не надо, всё в подлиннике. Как справила пальто с лисой в сорок лет, так и в восемьдесят его носит...

Висельная гора

Названия окрестных гор и, соответственно, городских районов Алена не вдохновляют: Schimmelberg — «Плесневая гора», Flohberg — «Блошиная гора», и, наконец, Galgenberg — «Висельная гора». То ли дело в Петербурге: Красногвардейский, Калининский, Кировский...

Юбилей поэта-песенника

Илья Резник, в принципе, «ленинградский поэт» — там он родился, там начал писать свои «версы». Его юбилейный вечер на первом канале прошел весьма мило, но мне показалось, что испортило его чтение юбиляром своего стихотворения религиозно-патриотической направленности и вручение ему старшим, что ли, внуком красной тетрадки (или уже книжки, не разобрал) с пьесой собственного сочинения «по мотивам Лопе де Вега», премьеру которой дедушка скоро сможет увидеть.

Согласно объективным данным, орден на 60-летие Резнику давал Ельцин, на 70-ти — Медведев, на 75-ти — Путин, что награждаемого сильно прослезило (есть соответствующее фото). А на 80-летие, выходит, без награды остался...

Последний разговор

20 апреля 2018 года, скончался писатель Евгений Звягин. Говорили с ним по телефону 29 января этого года. В частности, о фотографии Сергея Подгоркове. Мол, уже больше двадцати лет нас фотографирует, а на свои выставки «Портреты писателей» не ставит.

— Наверное, очень строг к своему творчеству, — сказал я.

— Или нас за писателей не считает, — ответил Женя. Сошлись на том, что для нас лучше бы первое.

От Зощенко о верлибрах

Несмотря на понимание бычков и тучек, стишки у Ивана Филипповича были весьма плохие. Надо бы хуже, да не бывает. Единственно подкупало в них полное отсутствие всяких рифм.

— С рифмами я стихотворения не пишу, — признавался Иван Филиппович. — Потому с рифмами с этими одна путаница выходит. И пишется меньше. А плата все равно — один черт, что с рифмой, что и без рифмы.

(М. Зощенко. Крестьянский самородок.)

Со-чувствие

Понимание — именно в смысле со-чувствие (Тютчев: «И нам сочувствие дается...»). Его, конечно, не выклянчишь. Мне кажется комичным, например, что последние книги изд-ва НЛЮ непременно снабжены и предисловием, и послесловием. «Объяснять» хотят и до, и после, читатель должен быть «подготовленным».

Но поможет ли это вызвать со-чувствие?

В этот день...

Обратил внимание, что два из четырех русских лауреата нобелевки — Шолохов и Бродский — родились 24 мая. Исходя из такого процента, надо по этому признаку выставлять. У меня одна кандидатура есть.

Басутоленд Надежды Поляковой

У поэтессы Надежды Поляковой был дом в деревне Басутино (именно не дача, а «родительский дом»), под Боровичами. Я прозвал это место в виду его отдаленности Басутоленд, ей понравилось, так потом и называла — «поехала в свой Басутоленд». Позже дом пришлось продать...

Закон Гей-Люссака

В последнее время наталкиваюсь там-сям на «примочки», которые были в моих рассказах 80-х — 90-х. Например, «Закон Гей-Люссака... — А разве Люссак был гей?» (по ТВ у комика Ветрова, с которым когда-то компанию водил). Или забегаловка под названием «Вечный зов» — в каком-то рассказе нового автора. То ли растаскивают помаленьку из интернета, то ли одинаковые мысли в голову лезут (у меня, правда, лет на 25 пораньше).

«Рейтинг поэтов»

«Рейтинг поэтов» — затея В Контакте — лукава тем, что среди более-менее известных и вполне приемлемых стихотворцев вкраплены откровенные сетевые графоманы. Т.е. они понравились и читателям, и «экспертам». Кстати, моя карьера эксперта там не задалась сразу (чему я весьма рад). Как ни отнекивался, прислали на пробу подборку, по поводу которой я ответил, что никакой оценки, кроме нуля, поставить не могу. На том и закончилось.

И вновь убедился, что графоманы начисто лишены чувства юмора. Читая в обсуждениях «воспоминания» одного такого — «сидели там-то с тем-то» и проч., всё имена известные, не выдержал и написал: «С Пушкиным на дружеской ноге». Явно не признав цитаты, он обиделся: «А Пушкин здесь при чем?!» При всём, милый, при всём...

Бенедиктов: от себя не убежишь...

Гвардейский офицер в отставке — фигура вполне уместная в «хорошем обществе», однако, князь Иван Гагарин, восторженный почитатель поэзии Бенедиктова, отозвался о поэте: «его тщедушная, неприятная, скажу — почти уродливая наружность, привычки военной дисциплины, которых несколько не умерило посещение света, заставляют держать его в отдалении от общества, с которым у него не может быть взаимных симпатий». Светский человек Гагарин почуял в бывшем Измайловском офицере — поповского внука, воспитанника Олонецкой гимназии, почуял то мелкочиновничье и армейское, что Бенедиктов сохранил до конца жизни, несмотря на обширные литературные связи — от суббот Жуковского до салона Штакеншнейдеров в 50-х — 60-х гг., — несмотря на занятия высшей математикой, на знание четырех языков и осведомленность в текущей европейской литературе.

(Л. Гинзбург. Пушкин и Бенедиктов.)

Антиподы?

Давно зная ленинградского тележурналиста по фамилии Правдюк, был крайне удивлен, наткнувшись в социальных сетях на девушку с фамилией Кривдюк.

И вновь о фильме «Довлатов»

После просмотра фильма пришла в голову одна шальная мысль — а радоваться должны были, что в редакции

принимал их главред (так, во всяком случае, по фильму), говорил с ними, чуть ли не извинялся, что не печатают. Кругом сочувствие, редакционные девушки страдают, что не публикуют молодых-талантливых.

А ныне? Несколько лет назад в издательство, с которым в 90-х долго сотрудничал, дальше порога не пустили. Говорят, дискету с текстами через охрану передайте (после чего дал себе торжественное обещание по издательствам больше не ходить).

Или в журнале «Нева» — принимала стихи какая-то старушка (это уже когда старый состав, в том числе зав. отдела поэзии Б. Г. Друян, уволился после смерти главного редактора Никольского) — так она вообще, как мне показалось, не понимает, где и зачем находится. А уж добиться позже внятного ответа было просто невозможно. Так что тем ребятам, считаю, еще повезло...

Память

Всё-таки, странная вещь — память. Мама в свои девяносто помнит, какие прекрасные бриллиантовые серёжки были у поэтессы Надежны Поляковой на каком-то поэтическом вечере в начале 80-х (была на нем, потому что и я там выступал). Но еще удивительнее, что помнит, как Полякова долго, внимательно и ревниво смотрела на восходящую тогда звезду Ирину Знаменскую.

Актуальное

Если раньше просто глушили вечерами «актуальной поэзии», то теперь стали глушить лекциями о чем угодно (кино, театр, литература) — видимо, не менее «актуальными». Причем одни и те же персонажи. Плюс некие «поэтические концерты» по кафе и барам (300, 500, 900 руб. за билет) каких-то совсем уж законченных, но активных безумцев. О, Петербург!

Зоргенфрей

80 лет назад, 21 сентября 1938 г. по делу ленинградских писателей был расстрелян Вильгельм Зоргенфрей. Реабилитирован спустя 20 лет (1958 г.). Стихотворение — как предчувствие:

Горестней сердца прибой и бессильные мысли короче,
Ярче взвивается плащ и тревожнее дробь кастаньет.
Холодом веет от стен, и сквозь плотные пологи ночи
Мерной и тяжелой струей проникает щемящий рассвет.
Скоро зажгут на столах запоздалые низкие свечи,
Дрогнет румынский смычок, оборвется ночная игра.
Плотный блондин в сюртуке, обольщающий

мягкостью речи,

Вынет часы, подойдет и покажет на стрелки: Пора!
Ветер ворвался и треплет атлас твоего покрывала,
В мутном проходе у стен отразят и замкнут зеркала
Тяжесть усталых колонн и тоску опустелого зала,
Боль затуманенных глаз и покорную бледность чела.
Гулко стучит у подъезда, трепещет и рвется машина,
Мутные пятна огней на предутреннем чистом снегу,
К запаху шелка и роз примешается гарь от бензина,
Яростно взвоят рожок и восход заалееет в мозгу.
Будут кружиться навстречу мосты, и пруды, и аллеи.
Ветер засвищет о том, что приснилось, забылось, прошло.
В утреннем свете — спокойнее, чище, бледнее —
Будем смотреть в занесенное снегом стекло.
Что же, не жаль, если за ночь поблекло лицо молодое,
Глубже запали глаза и сомкнулся усмешкою рот, —
Так загадала судьба, чтобы нам в это утро слепое
Мчаться по краю застывших, извилистых вод.
Скоро расступятся ели и станет кругом молчаливо,
Вяло блеснут камыши и придвинется низкая даль,
Берег сорвется вперед — в снеговые поляны залива...
Так загадала судьба. И не страшно. Не нужно. Не жаль.

Профессия такая...

Рецензент десятих годов прошлого века:

«Анна Ахматова мучается не потому, что ее оставил возлюбленный, а потому, что это ее профессия».

Культуртрегер

Плохой поэт плюс плохой критик в одном лице — вот и готов культуртрегер, организатор «литжизни».

Дача показаний

Наткнувшись в сети на название одной из новых поэтических книжек «Дача показаний», вспомнил старый еврейский анекдот.

Звонок в квартиру:

- Зяму можно?
- Нельзя, он на даче.
- Откуда у него взялась дача?
- Он на даче показаний...

Почти по Крылову

В шорт-листе одной литературной премии (где указаны и номинаторы) обнаружил, что один из номинаторов без ложных метаний номинировал сам себя. И никакой Кукушкин ему не потребовался (это я к тому, что, перефразируя известную басню Крылова, фамилия этого номинатора — парная Кукушкину).

Критики, пишущие о критиках...

Оскомина уже от критиков, пишущих о критиках, которые пишут о критиках. Причем набор неизменен, как набор попсы на нынешних кремлёвских концертах.

Метаморфозы

Занятные метаморфозы, все-таки, приходится наблюдать. Критик Ш., в своё время поносивший любимого поэта «Знамени» Р. (не в самом, конечно, «Знамени», а в третьестепенных журнальчиках, откуда он, собственно, и родом), со временем стал любимым критиком «Знамени». Надеюсь, хоть любимым поэтом «Знамени» не станет, хотя подборочку уже просунул (известно, что у нас все критики — одновременно и пииты).

Паровоз Егор Исаев

Н. М. Полякова рассказывала. Стояла на перроне в Ленинграде группа писателей, ждали поезда (какая-то коллективная поездка). Тут паровоз с гудком надвигается. Алесь Адамович говорит: «Егор Исаев идет!»

Бедная Санни...

Как редактор, продиравшийся сквозь рукописи крупных писателей типа мачо Стогоффа и др. («Азбука», 90-е гг.), повидал всякое, но удивляться еще хватает задора. Вот на пример:

«Здоровье Санни ухудшается настолько стремительно, что уже в причинах ее смерти разбираются адвокаты» (из анонса фильма).

Т.е., получается, в первой части предложения бедная Санни еще жива, где-то в середине кончается, и во второй части в причинах этого уже «разбираются адвокаты» (почему-то вместо врачей).

К 100-летию со дня рождения Д. Гранина

Гранин однажды сильно меня удивил. В Доме журналиста на встрече со шведскими писателями (1994 г.) подарил ему свой только что вышедший сборник «Интернат». Обычно такие подношения мэтрам носили чисто ритуальный характер, никто никого не читал.

А он позвонил на следующий день вечером и долго и подробно говорил о стихах этой книги.

Юмор Нагибина

Останавливает он меня однажды на лестнице в Доме писателя между вторым и третьим этажами. Меня, естественно, не знает, но видел, что я там мелькаю, «служу». И его сразу не признал — просто, вижу, вальяжный, уверенный в себе дядька. Спрашивает: «Где гопа сидит?» (на третьем этаже сидело всё писательское начальство). Я несколько растерялся, спрашиваю: «Кто конкретно нужен?». «Ха-ха, — говорит, — Гоппе нужен!» (Герман Борисович Гоппе — поэт, штатный сотрудник в комиссии по работе с молодыми литераторами).

Учебник «Поэзия»

С этой книжкой есть занятное развлечение — подсчитывать количество упоминаний собственного имени. Говорят, коллектив авторов учебника по числу упоминаний самих себя намного опережает коллектив прочих авторов, включая Пушкина, Лермонтова и прочих.

«Но стихи не люди...»

Пушкин — Булгарину. 1 февраля 1824. Одесса.

Вы очень меня обяжете, если поместите в своих листках здесь прилагаемые две пьесы¹. Они были с ошибками напечатаны в «Полярной звезде», отчего в них и нет никакого смысла. Это в людях беда не большая, но стихи не люди.

(Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 16 т. М., 1937–1939; т. 13, с. 85.)

Aalen, май 2019

---

¹ «Элегия» и «Нереида».

ПОСЛАНИЕ ПОТОМКАМ

Литературные и другие заметки

Потомства не страшись — его ты не увидишь!

Граф Хвостов

Потерпите, братики! Всего вдоволь будет!

М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города.

Послание потомкам

В одной из передач «Городок» 2009 г. (я их пересматриваю, и оказывается, что многое в свое время пропустил) есть сюжет, где строительные рабочие при сносе здания находят капсулу с посланием потомкам: «Вы живете в счастливом будущем, не знаете голода, нищеты, вам неизвестно, что такое деньги...» Прибегает прораб, орет на них, читает послание, пишет ответ «Пошли вы на ...!», сует его в капсулу, командует: «Закапывайте! Это наш ответ предкам».

Этот сюжет напомнил мне, что в вестибюле основного здания завода «Россия» на Свердловской набережной, где я трудился с 1979 по 1982 г., в колонне была замурована капсула с посланием комсомольцев 1967 г. комсомольцам 2017 г., к столетнему юбилею «великого октября». Примерно в 2007–2008 гг. здание было снесено, хотя и числилось оно памятником промышленной архитектуры. А куда девалась капсула — неизвестно. Послания потомки так и не дождались...

Щербина и Головнин

В России министров культуры и просвещения как-то традиционно недолюбливают. Вот и с недавно снятым, «крупным историком» и деятельным бизнесменом, была та же история.

А вот что написал поэт Н. Ф. Щербина (1821–1869) по поводу своего ровесника А. В. Головнина (1821–1886), ставшего в 1861 г. министром народного просвещения:

УРОД

Идеи с формой сочетанье
Явилось стройно и вполне,
Как в артистическом созданьи
В уродливом Головнине.
Терситом, Яго, Квазимодо —
Ну, как его б ты ни назвал.
В своей сатире на урода, —
Ему всё выйdet мадригал.

Строго говоря, Щербина тоже был не красавец, но министра приложил. У Головнина же внешность довольно современного типа. Лично мне она весьма напоминает прилизанный облик еще одного «крупного историка» и по совместительству внука наркома по прозвищу «железная задница», товарища Молотова.

Бродский, 80-летие со дня рождения

С годами всё больше меня трогает, что та власть, по которой многие нынче ностальгируют, не разрешила ему приехать ни на похороны матери, ни отца.

Две вороны тут, во дворе у меня за домом в Саут-Хадли. Довольно большие, величиной почти с воронов; и, подъезжая к дому или покидая его, первое, что я вижу, это их. Здесь они появились поодиночке: первая — два года назад, когда умерла мать, вторая — в прошлом году, сразу после смерти отца. Во всяком случае, именно так я заметил их присутствие. Теперь всегда они показывают-

ся или взлетают вместе и слишком бесшумны для ворон. Стараюсь не смотреть на них; по крайней мере, стараюсь за ними не следить...

(И. Бродский. Полторы комнаты. 1985 г. Пер. Дм. Чекалова)

Как он работает?

Наталия Грудина, бывшая вместе с Эткингом и Адмони в числе трех общественных защитников от союза писателей на процессе Бродского, рассказывала мне, что на вопрос судьи «Вы видели, как он работает?» — ответила: «Нет. Но и как Шолохов работает, я не видела».

Таким образом, она в своем ответе невольно объединила прошлого и будущего нобелевских лауреатов от России.

«И Томлинсон взглянул назад...»

В стихотворении Р. Киплинга «Томлинсон» о человеке, которого не приняли ни в рай, ни в ад, и отправили обратно в жизнь, есть такие строки:

И Томлинсон взглянул назад и увидел в ночи
Звезды, замученной в аду, кровавые лучи.
И Томлинсон взглянул вперед и увидел сквозь бред
Звезды, замученной в аду, молочно-белый свет...

Один научный сайт пишет:

«Для астрономов эти строки Редьярда Киплинга из стихотворения “Томлинсон”, написанного в 1891 году, — не что иное, как превосходная поэтическая иллюстрация эффекта “красного смещения” света звёзд. Поэт также правильно указал направление — назад; ведь именно при удалении от звезды её свет начинает казаться красным. Либо Киплинг был хорошо знаком с работами австрийского физика Кристиана Доплера (автора известного эффекта), либо обладал поистине выдающейся интуицией».

Притянута, на мой взгляд. Не знаю, читал ли Киплинг работы Доплера (1803–1853), без которых современная физика не обходится. «Красное смещение» — электромагнитное излучение увеличивает длину волны (свет, в частности, становится красным), частота и энергия при этом уменьшаются. Противоположное, но аналогичное по своей природе явление — «синее смещение». И тогда свет при движении к другой звезде («взглянул вперед») должен бы становиться синим, а не «молочно-белым». Думаю, Киплингу нужна была не «поэтическая иллюстрация», а именно страшные, «кровавые лучи».

«Жизнь обгоняет мечту»

Предутренный сон, путаный, неприятный. Конечный эпизод. Еду в автобусе где-то на окраине Петербурга, что-то типа ГДР (Гражданка дальше Ручьёв). Касса допотопного вида, надо крутить ручку, а внутри под колпаком из оргстекла тянется лента. Думаю: сейчас, вроде, уже 50 рублей билет — это что же, купюру надо складывать и в щель для монет совать?

Однако, подходит кондукторша, и кроме билета, дает еще какую-то бумажонку. «Что это?» — спрашиваю. «А ты будто не знаешь?» — грубовато отвечает и показывает в окно.

Там тянется девятиэтажка. У низкого окна первого этажа на улице толпится кучка мужиков, один вдруг начинает сползать вниз по стенке. А в автобусе два тихих мужичка хитро поглядывают на меня. «Да что же это?» — спрашиваю у них. «Это купон. Кто покупает билет, сейчас дают купон на 200 грамм водки» — отвечают. «А у вас есть?» — «Да, — показывают, — сейчас выходим. Вон, только что разлив проехали» — и показывают назад, на толпу у девятиэтажки. И как бы с некоторой надеждой смотрят, чтобы я им свой купон отдал. «Ничего себе, — думаю, — прямо из окна наливают». И, памятуя обо всех предыдущих неприятностях этого сна, решаю: «Всё, надоело! Тоже выйду, выпью!» Но тут проснулся...

Парефразируя Довлатова — сон обгоняет мечту.

Из цикла «Придуманные цитаты»

* * *

У бабушки Тиримкюль полдеревни арестовали. Вы, говорят, белобурятам способствовали, самому барону Унгерну кумыс подносили.

В. Рокотов. Сокровища степного барона. Л., Детгиз, 1956.

* * *

Дурным алкоголем испортил желудок в студенческие лета, уже в шестидесятые годы я обратился к известному московскому гастроэнтерологу проф. Зимину, и он порекомендовал мне ехать на воды в Трускавец.

Конст. Бобровский. Путь дворянина в Советской России. Рукопись.

* * *

Как вспоминает сын Толстого Сергей, отца всегда выводила из себя невозмутимая манера поведения Чехова. Все заготовленные колкости натыкались на стену снисходительного отшучивания. Когда Чехов уезжал, Толстой цедил сквозь зубы:

— Какое там непотвительство зло... Вот этими руками давил бы!

З. Абашидзе. Неприукрашено о классиках. М., Классика, 1988.

* * *

Владимир сидел за пустым обеденным столом и прикладывал медный пятак к скуле. Товарищ его, сидящий напротив, увещевал:

— Басков переулочек наш, Володя, но зачем же на Лиговку соваться? Там свои ребята... Это вне зоны нашего влияния.

Владимир вскинул взгляд, в упор посмотрел на говорящего, лицо его приобрело жёсткое выражение. Увесистый пятак звякнул о стол.

— Дай срок, Давид! Всё нашим будет!

И. Корочкин. Молодой Ильич в Петербурге. Серия «Наши лидеры» М., ИКСМО, 2015.

Усмешки истории

115 лет назад, 10 мая (по н. ст.) 1905 г. в Шлиссельбургской крепости был повешен член боевой организации эсеров Иван Каляев. Усмешка истории: на суде в апреле того же года, вынесшем смертный приговор, его защищали присяжные поверенные с фамилиями Жданов и Мандельштам.

Он всерьёз желал всенародного счастья: «Я твердо верю в это — я вижу грядущую свободу возрожденной к новой жизни трудовой, народной России» (из речи на суде).

В день казни в Шлиссельбургскую крепость поступила телеграмма — выяснить, не подаст ли Каляев прошения на высочайшее имя о помиловании. Комендант около часа уговаривал Каляева написать такое прошение, но тот отказался.

Позже поступила еще одна телеграмма, от великой княгини Елизаветы Федоровны, супруги убитого Каляевым великого князя Сергея. В ней она настаивала, чтобы прошение было написано, и ручалась, что оно будет удовлетворено. Комендант не захотел второй раз идти к Каляеву, и отправил к нему ротмистра Парфёнова. Каляев ответил ему: «Вы поймите меня. Всю свою жизнь и душу я посвятил служению революционному делу, мой террористический акт был результатом этой работы. Вы мне предлагаете подать прошение о помиловании, т.е. попросить прощение за содеянное, т.е. раскаяться. На мой взгляд, этим актом я уничтожу весь смысл моего террористического выступления и обращу его из идейного в обыкновенное уголовное убийство, а потому бросим всякий разговор о помиловании».

И еще одна усмешка истории. С 1923 по 1991 гг. имя Каляева в северной столице носила Захарьевская улица. По иронии судьбы там одно время находилось заведение для отсидки «пятнадцатисуточников» — осуждённых народным судом на 10 или чаще 15 суток за мелкое хулиганство. В народе так и укоренилось — «отвезли на Каляева...», «отсидел на Каляева...» Думается, свободолюбивому Ивану Платоновичу такое вряд ли понравилось бы...

«На комодe — бегемот...»

Вся ирония Паоло Трубецкого (1866–1938), автора памятника Александру III, как проходила мимо большинства современников, так, похоже, и проходит мимо потомков. А ведь он этим памятником как бы показал путь России — от летящего Медного всадника до Александра III с его «Европа может подождать, пока русский царь удит рыбу».

После установки монумента на Знаменской площади в народе пошли гулять куплеты:

На Знаменской — комод,
На комодe — бегемот,
На бегемоте — идиот.

Или:

Третья дикая игрушка
Для российского холопа.
Был Царь-колокол, Царь-пушка,
А теперь еще — царь-жопа.

Чуковский, однако, рассказывал, что Репин, присутствовавший на торжественном открытии памятника, когда увидел его, закричал: «Верно! Верно! Толстозадый солдатфон! Тут он весь, тут и всё его царствование!»

К 150-летию со дня рождения А. И. Куприна

Кто возразит, что Куприн — «истинно русский» человек с его пьянством, бурными загулами, безрассудством... В общем, если истина в вине, сколько ж истин в Куприне? Но вот отрывок из его малоизвестного очерка «Немножко Финляндии»:

Назад мы возвращались поздно ночью. Около одиннадцати часов поезд остановился на станции Антреа, и мы вышли закусить. Длинный стол был уставлен

горячими кушаньями и холодными закусками. Тут была свежая лососина, жареная форель, холодный ростбиф, какая-то дичь, маленькие, очень вкусные биточки и тому подобное. Все это было необычайно чисто, аппетитно и нарядно. И тут же по краям стола возвышались горками маленькие тарелки, лежали грудками ножи и вилки и стояли корзиночки с хлебом. Каждый подходил, выбирал, что ему нравилось, закусывал, сколько ему хотелось, затем подходил к буфету и по собственной доброй воле платил за ужин ровно одну марку (тридцать семь копеек). Никакого надзора, никакого недоверия. Наши русские сердца, так глубоко привыкшие к паспорту, участку, принудительному попечению старшего дворника, ко всеобщему мошенничеству и подозрительности, были совершенно подавлены этой широкой взаимной верой.

Но когда мы возвратились в вагон, то нас ждала прелестная картина в истинно русском жанре. Дело в том, что с нами ехали два подрядчика по каменным работам. Всем известен этот тип кулака из Мещовского уезда Калужской губернии: широкая, лоснящаяся, скуластая красная морда, рыжие волосы, вьющиеся изпод картуза, реденькая бороденка, плутоватый взгляд, набожность на пятиалтынный, горячий патриотизм и презрение ко всему нерусскому — словом, хорошо знакомое истинно русское лицо. Надо было послушать, как они издевались над бедными финнами. — Вот дурачье так дурачье. Ведь этакие болваны, черт их знает! Да ведь я, ежели подсчитать, на три рубля на семь гривен съел у них, у подлецов... Эх, сволочь! Мало их бьют, сукиных сынов! Одно слово — чухонцы. А другой подхватил, давясь от смеха: — А я... нарочно стакан кокнул, а потом взял в рыбину и плюнул. — Так их и надо, сволочей! Распустили анафем! Их надо во как держать!»

Да, не любил Александр Иванович российского кулачка...
Остается добавить, что Антреа — ныне г. Каменногорск
Выборгского района Ленинградской области.

Плач по Европе

Страшные вещи вижу в ленте фейсбука: «Европу сливают...», «Кто спасет Европу?!», «Европу уже не спасти...»

Сайт «Военное обозрение», повествуя о распаде Римской империи на Восточную и Западную, не забывает всхлипнуть:

«Население также деградировало. Военная служба перестала быть основой римского общества. Римляне перестали быть народом-воином. «Коренные» римляне даже не хотели самовоспроизводиться. Жизнь ради удовольствий не оставляет место детям. Империю накрыл демографический кризис. В этом отношении нынешняя европейская цивилизация похожа на павшую Римскую империю».

Оставим в стороне стиль. Насчет «деградации» вопросов нет, сравнивать хотя бы производительность труда в Европе и богоспасаемой стране не будем. Как и достоинства вольнонаемной армии и принудительно-призывной.

Византийский историк Марцеллин Комит писал в своей хронике 447 года: «Аттила почти всю Европу стер в пыль». Прошло больше пятнадцати веков. Где Европа? — на месте. Где гунны?..

Российская телепропаганда

Важная особенность современной российской пропаганды: как только они перестают упоминать в сводках какую-либо страну — значит, в данный момент ничего плохого о ней не скажешь.

Всё-таки, микроскопический геббельс, сидящий в новостях, очень прямолинеен (как, впрочем, ему и положено). Вот, например, сюжет о пожаре на складе боеприпасов под Рязанью: всё под контролем, никакой угрозы местным жителям нет. И сразу же — пожар в жилом небоскребе в Южной Корее, потушить не удается.

Молоток

На днях услышал высказывание высокопоставленного российского чиновника по поводу интернета — на каком-то,

что ли, форуме, или где там они тусуются. Мол, интернет это полезная вещь — обучение и прочее, но в то же время это и зло — сеет рознь, подстрекает. И никто на эту глупость не отреагировал. Т.е. уподобился он ребенку, попавшему молотком по пальцу, и обижающемуся на молоток.

«Уровень легитимности»

Интересное определение сегодня услышал по ТВ: «российский политический класс». По Марксу-Энгельсу-Ленину, такого класса не припомню. Даже «рабоче-крестьянская интеллигенция» — и та была всего лишь «прослойкой».

Обнаружилось и еще одно новое понятие — «уровень легитимности». Раньше думал, что легитимность как свежесть осетрины по Воланду — либо да, либо нет. Но вот что говорит российский сенатор, обладатель замечательной коллекции наручных часов: в 1993 г. за новую конституцию проголосовали 33 млн. человек, вчера почти вдвое больше. «Уровень легитимности» вырос...

«Сильнее “Фауста” Гёте...»

Картина художника Яр-Кравченко: Горький на квартире читает высоким гостям (Сталин, Ворошилов, Молотов) сказку в стихах «Девушка и смерть» (октябрь 1931 г.). Именно по окончании этого чтения т. Сталин произнесет фразу, часть которой станет ходовым выражением: «Эта штука сильнее “Фауста” Гёте — любовь побеждает смерть».

Ремарк

Получасовое интервью Ремарка, передача «Профиль» 1962 года, немецкое телевидение. Интервьюер (Фридрих Люфт) сходу начинает о русских изданиях.

Я прочел «Три товарища» в 12–13 лет, нашел книгу у бабушки на антресолях. Начал читать и уже не оторвался. Потом даже расписывал действие романа по дням.

Помню этот том — в картонной обложке (именно, не коленкор и т.п.), на которой четыре лица, расположенные вертикально — три товарища смотрят на Патрицию, она внизу. Издание, кажется, 1963 года...

Кошка из Дома писателя

Вспомнил, что перед этой кошкой был виноват. Она, подобно некоторым писателям, была очень плодovита, хотя и в другом смысле. А потому у наших домписовских дам была постоянная головная боль — с пристройством ее очередного потомства в «хорошие руки». Кошку, гуляющую по кабинетам, начальство еще терпело, но не с выводком котят.

Однажды меня и попросили приманить ее в Мавританскую гостиную, где сидели мы, референты-литконсультанты, чтобы рассталась она хоть на минуту с последним котенком из очередного приплода. Его она от себя не отпускала, небезосновательно чуя недоброе. Не помню, как я это осуществил, но кошка потеряла бдительность, забежала в Мавританскую, котенка забрали и кому-то отдали.

Месяц в Петербурге

Все удивительно вежливы — машины пропускают даже вне переходов, граждане двери придерживают, продавцы, кондукторы, таксисты, часовщик и проч. Город-сказка.

А первенство у тех, которые шаверму делают. (Кстати, у замечательного поэта Саши Леонтьева в одном стихотворении рефреном идет примерно так: «как в Москве — так шаурма, в Питере — шаверма». Так вот, неподалеку от дома вывеска: «Шаурма-Шаверма» — для надежности, видимо.)

Единственный сбой — в одном ларьке. Девушка «кавказской национальности» по смартфону на своём родном говорит, вторая ей в рот смотрит. Подергал шкаф с пивом-водами — не открылся. Девушка прервала свой разговор и говорит с глубоким упреком: «Вы даже холодильник открыть не можете!...» Стало стыдно, ушел.

Ночной звонок

Звонок в час ночи. Представляется официанткой ресторана и говорит:

— Тут у нас один человек забыл телефон, последний звонок с него был на ваш номер. Не подскажете, кто бы это мог быть?

— Догадываюсь, — говорю, — такой-то должен был сегодня у вас на банкете пировать. Но адреса его я не знаю, а телефон у вас...

— Спасибо. А еще он тут забыл девушку Машу, она сейчас спит за столом.

— Нет, девушку Машу не знаю, ничем не могу помочь...

А ведь в прежние веселые годы ночной звонок был верным началом какого-нибудь приключения. Впрочем, и этот мог бы стать — сорваться в ночь, спасти девушку Машу! Но нет, давят годы, давят...

Бариста

Как быстро прижилось это в Петербурге! Еще зимой не было слышно, а уже летом девушки и юноши за стойками кофеен — баристы!

О, знали бы это слово завсегда! «Сайгона» 60–70-х! Оно бы их, несомненно, порадовало. О, знала бы тогдашняя тётя Валя, сушащая использованный молотый кофе и снова и снова пускающая его в ход, что она — бариста! («Мне двойной!» в этой ситуации звучало наивно — да хоть пятерной!)

Бесцеллер

Как-то потихоньку некоторые слова оказываются узаконенными в новых значениях. С легкой руки одной поэтессы «солдатками» стали называть девушек-военнослужащих армии Израиля. А протестующие в США вдруг стали «протестантами» независимо от их вероисповедания.

Не впервые встречаю написание «Напалеон». Видимо, для некоторых он от глагола «напал».

А в одной аннотации встретила замечательная интерпретация слова «бестселлер» — бесцеллер. Умри, Денис, лучше не скажешь!

Теперь и в рюмочных...

Когда-то на вечере памяти Довлатова в Доме писателя, вскоре после его смерти, вышел один пьяненький друг, сел на стул посреди сцены, оглядел зал и сказал:

— Да, было время... Мы с Сережей таились по кабакам...

Нынче в Петербурге пошла новая тенденция от продвинутых «культуртрегеров» — так сказать, «официальное», с предварительным уведомлением, чтение стихов... в рюмочных. То есть теперь и там не затаишься.

Реквием

Закрылась историческая безымянная разливушка на Тухачевского, 5. Существовала с 80-гг. Разлив шел без наценки. Разливали Наташа и Рая.

Это был своеобразный клуб, постоянные посетители хорошо знали друг друга. Одно время этот клуб даже превратился в шахматный, когда появился энтузиаст и завел шахматную доску.

Как минимум три человека умерли прямо там, на месте, в т. ч. и шахматист. Вешали самодельные некрологи, собирали на похороны.

Мелькала она там-сям и в моих рассказах:

«Неподалеку от дома он заглянул в знакомый дешевый разлив, заказал двести граммов водки и полстакана томатного. Потом решил добавить еще сотку. Расплачиваясь у стойки, неожиданно для себя спросил буфетчицу Раю: как, по ее мнению, лучше — темнеет дорога или чернеет?

— А как, бля, в контексте? — выкрикнул из-за соседнего столика незнакомый эрудит.

Рая уклончиво улыбнулась и ответила:
— По мне — пусть лучше светлая будет...» (рассказ «Чернеет дорога...», 2014).

Бывал там и с различными литераторами, приезжавшими в гости. Например, с Борисом Рыжим и Олегом Дозмо-
ровым в 2000 году.

Серёжа

Сидел у мамы в голове в ее последние годы какой-то неизменный персонаж по имени Серёжа. Чуть что — спроси у Серёжи, Серёжа знает. Даже как-то к этому Серёже начал ревновать.

Последнее на моей памяти упоминание Серёжи — перед маминым днем рождения 12 января 2020 г. «Купи мне крымского вина, мускат прасковейский, — Не знаю, продается ли такой сейчас. — А ты у Серёжи спроси, он точно знает, он тебе поможет».

Возможно, этот самый Серёжа и был с нею в ее последние минуты, пока я делал предотъездные звонки в соседней комнате, вечером 5-го февраля, в день смерти. Куда он теперь делся? — поговорили бы...

Победитель

В закутке у входа в «Пятерочку» на Тухачевского тёрлись два бомжа — мужчина и женщина. Сотрудница магазина, собиравшая пустые пластмассовые корзинки, стала их гнать. Я вступился: «Куда ж вы их на мороз гоните?» (стоял январь). Она пробормотала что-то типа «поработали бы здесь сами, нанюхались бы...», но от них отстала и, собрав корзинки, ушла. Бомжи были явно довольны тем, что их оставили в покое, хотя бы на время. Когда я был уже у дверей, мужчина вдруг сказал мне:

— Я не привык проигрывать!

Откидная картонка

Я родился в 1951 году. Дворян в Ленинграде уже не было, но евреи еще оставались.

В классном журнале была откидная картонка, на которой обозначалась национальность учеников. У меня стояло «еврей».

Как заполнялась эта картонка, если сведений о национальности у родителей не запрашивали? Видимо, человек, делавший это, был опытен, и в моем случае решил, что фамилия все же с уклоном «туда». Эту картонку, как я понял, раньше меня изучили два мальчика из антисемитских семей — Песков и Новиков. Позже мама сказала, чтобы исправили на «русский». Во избежание...

Как же я был позже удивлен, когда один мальчик из другого класса, постарше, на общих обедах продленного дня демонстративно распевал еврейские песенки и кидался словечками типа «мишугене» и «азохн вей».

Гопники

Есть версия, что гопники появились не после 1917 года как жители Государственных общежитий пролетариата, а лет на 20 раньше, как подопечные Городского общества призора, учрежденного в конце 19 века и помещавшегося в здании нынешней гостиницы «Октябрьская», т.е. у Московского вокзала, на Лиговке. Там они и обитали, отсюда лиговские гопники и пошли. Есть замечательное фото Карла Буллы начала 20 века — хулиганы Петербурга. Типажи там еще те...

Замечательные писатели

Вспомнилась перестроечная передача на ленинградском ТВ (возможно, в популярном «Пятом колесе») — поэт В. Кривулин и прозаик М. Берг заходят в книжные магазины и спрашивают, есть ли в продаже их книги. Отрицательный ответ ожидаем, поскольку ничего и не издавалось. Зритель как бы должен ужаснуться — такие замечательные авторы, а их не печатают.

Прошли девяностые, нулевые, десятые, начались двадцатые... Издатели нового поколения публиковать замечательных писателей по-прежнему не кидаются. Как, впрочем, и других авторов «неподцензурной литературы». Передачу можно было бы повторить с тем же эффектом.

В коллекцию фамилий

Всмяткин.

Трамвайные арки

Повторяющийся сон: будто еду на трамвае через какие-то проходные дворы и арки...

И вдруг в сети обнаруживаются фотографии — оказывается, были когда-то в двадцатых годах ныне несуществующие арки для проезда трамваев с 1-ой Советской улицы сквозь гостиницу «Октябрьская» на Лиговский проспект. Электрического провода там, разумеется, не было, трамваи были паровые. Так что слова С. Кирсанова «Сон не жизнь. / (Снилось, и забыл)» из его стихотворения «Строки со скобками» не совсем сошлись...

Везде

В связи с поисками ближайшего городского туалета вспомнилась одна байка из старых времен.

Косыгин прибыл в Польшу с официальным визитом. Среди прочих была у него встреча с «творческой интеллигенцией». С высоким гостем на банкете посадили почетных людей, рядом сидел пожилой классик польской литературы Ярослав Ивашкевич. Его мы помним хотя бы по стихотворению «Февраль»: «сердце билось, сильно билось, и устало / всё шепчу я: мама, мама, что ж так мало...» Косыгин во время банкета наклонился к нему и спросил — мол, где тут можно по-маленькому? Ивашкевич встал, вытянулся и ответил: «Вам — везде!»

Чучело

Есть такая старая московская байка. В одной коммуналке проживал художник-пропойца. За стенкой у него жил (в отдельной квартире, по другой лестнице) сын профессора Збарского, бальзамировавшего Ленина. Когда художник впадал в запой, он долбал в стену и орал: «Сволочи вы! Твой батя из нашего Ильича чучелу сделал!»

Парафраз

Я ничего не имел бы против «поэзии будущего», если не заставляли бы нас слушать и читать ее в настоящем. (*Парафраз записи П. А. Вяземского из «Старой записной книжки». Там о музыке.*)

150 лет со дня рождения И. А. Бунина

«В 1945 году Бунин получил советское гражданство и приступил к решению практических вопросов для переезда в Москву. А помешал этому, по словам Веры Николаевны, нелепый случай, какой-то злой рок. Вскоре после войны в Париже побывал Константин Симонов... Направляясь к Симонову в консульство СССР, он (Иван Алексеевич) рассчитывал найти понимание, дружеское участие, а столкнулся с жестким, бездушным обращением. «На что вы истратили лучшие годы? На борьбу с нами?» — такими словами был встречен Бунин. Словно мальчишку отчитал нобелевского лауреата Симонов. Надо знать характер Ивана Алексеевича, рассказывала Вера Николаевна. Тут же на глазах Симонова он разорвал свой советский паспорт...»

(Из воспоминаний Б. Батраева. Этот человек во второй половине 50-х гг. занимался возвращением литературного архива писателя в СССР, всячески при этом обхаживая В. Н. Бунина. Состоял он на должности атташе по вопросам культуры при посольстве в Париже, однако это было, как водится, прикрытием. Был он сотрудником Первого управления НКГБ СССР, как тогда называлась внешняя разведка. О чем Вера Николаевна, естественно, не знала.)

«За победу над Германией»

21 октября 2020 г. умер небезызвестный священник Дмитрий Смирнов. Мне он запомнился не своими высказываниями, а тем, что носил на рясе среди прочих многочисленных наград медаль «За победу над Германией». Будучи при этом 1951 года рождения.

Был в Ленинграде такой поэт — Юрий Шестаков, утверждавший, что он «единственный в Ленинграде» ученик А. Тарковского. У него было стихотворение «У Прохоровки» о знаменитой танковой битве времен ВОВ. Юра гордился тем, что оно уже больше двух десятков раз перепечатано в различных изданиях, включая районки Курской области. Кроме того, он говорил, что его отец воевал под Прохоровкой, а тем самым, воевал как бы и он, и стоял вопрос — родиться ему или не родиться. Одна поэтесса, известная своей язвительностью, сказала мне как-то раз: интересно, в какой же части тела своего бати он находился?..

Сносная жизнь

Вспоминая своих умерших — мать, отца, бабушек, дедушек (точнее, одного дедушку, второго не знал, он умер в лагере в 1942 г.) — всё-таки, дожили они до более-менее сносной жизни. Ну, не платили одной бабушке пенсию (сгорели все документы при попадании авиабомбы в дом по Большой Московской, 13) — ничего, перебивалась шитьём на заказ. Ну, не дали маме медицинской кровати в ее последний год — так ведь приняли решение выделить, уже хорошо, а обещанного три года ждут. И т.д.

Как тут лишний раз не вспомнить слова Лермонтова, сказанные им в разговоре с Юрием Самариним: «Хуже всего не то, что известное количество людей терпеливо страдает, а то, что огромное количество страдает, не осознавая того».

Книга мертвых

Смерть в октябре 2020 г. двух петербургских писателей — Владимира Шпакова и Михаила Янова подтолкнула

к печальному занятию — подвергнуть «ревизии» адресно-телефонный справочник «Писатели Санкт-Петербурга». Оказалось — минус 16 за последнее время! Кого-то знал лучше, кого-то хуже. Пожалел, что кому-то не собрался написать о книгах, просто написать...

Среди последних — критик Анатолий Николаевич Пикач (1940–2014). Не общались с 90-х. Когда-то давал мне рекомендацию в союз писателей, написал предисловие к сборнику стихов «Интернат».

Талант Пикача как тонкого литературного критика признавали практически все, даже язвительный Виктор Топоров. С конца 90-х Толя совершенно отошел от литературной и какой-либо общественной деятельности. Возможно, почувствовал, что настали другие времена. Возможно, другое...

Жил он в известном писательском доме по Малой Посадской, 8 (там жили Д. Гранин, М. Дудин, Е. Шварц). Получил квартиру, которую до своей смерти в 1987 г. занимал Л. Пантелеев, один из соавторов знаменитой «Республики ШКИД».

Место бойкое — рядом метро «Горьковская», ларёчные ряды. Если Толе удавалось ускользнуть из-под опеки близких, он мог без денег пойти ночью к ларькам и, заложив паспорт, получить бутылку.

О его литературной эрудиции говорит такой факт. Когда он работал на самотёке в одном журнале, повадился некий «автор» присылать ему малоизвестные стихи классиков «второго ряда», выдавая их за свои. Провести Пикача ему не удалось ни разу. А Толя попросил его больше этого не делать. Мол, не надо со мной так...

В 90-х Толя по договоренности с одним издателем, нашим общим знакомым, составлял антологию одного стихотворения русских поэтов всех времен. Работа сложнейшая. Для ее выполнения издатель завез ему множество поэтических сборников, которых у Толи не было в домашней библиотеке. Антология так и не вышла, но, вероятно, где-то сохранились следы работы над ней. Кому как не ему было заниматься таким изданием.

Без лишнего хвастовства — я знаю, что в антологию было включено одно моё стихотворение. Толя считал, что оно должно непременно быть в любой обзорной антологии. Привожу его. Выбор Анатолия Пикача.

СЛАБОУМНЫЙ

Листва желта, и через парк нешумный
Я, не замедлив шага, не пройду.
Здесь интернат, и парень слабоумный
Подкармливает уток на пруду.

О, как он рад их суете утиной!
Полуприсев, горбушку теребя,
То захлебнется резким смехом длинным,
То забормочет что-то про себя.

Так одинок! — но никого не надо:
На белом свете лучше одному...
Весь мир его — чугунная ограда,
А за оградой мир — что он ему?!

Вверху Господь, от скверны мир не спасший,
Внизу счастливец — двух не свяжет слов.
И может статья, ум его угасший
Превыше изошренных, злых умов.

1987

«Двухтомником Бонка...»

На 97 году жизни скончалась Н. А. Бонк. Сайт Литературного института пишет:

Сегодня, 21 ноября 2020 г., на 97-ом году жизни от нас ушла человек-легенда, автор знаменитой методики преподавания иностранных языков, выдающийся лингвист, профессор Литературного института Наталья Александровна Бонк (1924–2020).

А мне вспомнилось стихотворение Б. Рыжего:

* * *

Михаилу Окуню

На фоне граненых стаканов
рубаху рвануть что есть сил...
Наколка — «Георгий Иванов» —
на Вашем плече, Михаил.

Вам грустно, а мне одиноко.
Нам кажут плохое кино.
Ах, Мишенька, с профилем Блока
на сердце живу я давно.

Аптека, фонарь, незнакомка —
не вытравить этот пейзаж
Гомером, двухтомником Бонка..
Пойдемте, наш выход на пляж.

1999

По свидетельству М. Кудимовой, процесс изучения так полвека и назывался — Бонк, и склонялся как субъект мужского рода.

Живой Блок

Последняя из четырех круглых дат литературной осени 2020 г. — после 150-летия Куприна и Бунина и 140-летия А. Белого — это 140-летие со дня рождения Блока.

Толпы народу, транспарант с лозунгом, марширующая солдатская колонна, увешанный людьми трамвай, словно тоже пробирающийся сквозь толпу... И — человек в фуражке, глядящий в объектив.

Эти кадры кинохроники, обнаруженные в Красногорском архиве в 1988 г. при подготовке фильма о Блоке для студии «Леннаучфильм», хочется пересматривать. Эксперты-криминалисты подтвердили, что неизвестный оператор выхватил из толпы не случайное лицо. Невероятно, но это —

Александр Блок. Хроника датирована февралем — мартом 1917 г. «Музыка революции», надежды... Скоро наступит горькое разочарование: «Чего нельзя отнять у большевиков, это их исключительной способности вытравлять быт и уничтожать отдельных людей».

* * *

В кинохронике случайной —
Блок в фуражке, среди толпы.
Он бросает взгляд печальный,
Улыбается слегка,
Видя нас издалека.
И ему вполне понятен
Через век любой дебил.
Знает: мы до дна испили
Чашу, что он пригубил.

2017

Май 2019 — ноябрь 2020

ХУЛИГАН ГРИБАНОВ

Девять коротких эссе

Хулиган Грибанов

В пятом классе меня пропесочили в школьной стенгазете. Не в классной, а именно в школьной, висящей на главной лестнице, мимо не проскочишь. Кто знаком с внутренним устройством особняка А. Ф. Миллера, что на углу Большой и Малой Московских улиц в Петербурге, где по сию пору располагается 300-я школа, меня поймет. В центральной, так сказать, прессе. Да еще и целый фельетон посвятили.

Пропечатали меня, строго говоря, за дело. А именно за то, что даю обидные прозвища одноклассникам (насколько они были точны, говорит тот факт, что прилипали здорово — надеюсь, хотя бы не пошли «и в род, и в потомство»).

Я помню три таких прозвища. Мопсик для Женьки Чистякова (ну что там, похож был), Несушка для толстенькой аккуратненькой отличницы Лены Цейтлиной (на вид — вылитая пухлая курочка), и Хулиган Грибанов для попавшего в наш класс Грибанова, действительно хулигана и двоечника, оставленного на второй год. Было еще что-то для наглого здоровяка Гришки Рожкова, всему классу понравилось. Но в точности не помню...

О происхождении прозвища для Грибанова стоит сказать особо. Шел 1963 год. Повсюду трубили об испанском коммунисте Хулиане Гримау, попавшем в руки охранки франкистского режима в Испании. Диктатор Франко задумал его казнить.

Газета «Правда» постоянно давала материалы о ходе дела. Прогрессивная международная общественность протестовала. Впрочем, не только прогрессивная. За пламенного борца просили у Франко папа Иоанн XXIII и президент США Кеннеди. Но каудильо всё же не внял, хотя помилованием мог бы показать, что режим его не такой уж «людоедский». Хулиана Гримау казнили.

Много позже, читая о тех событиях, я понял, что упорство Франко было не столь уж бесосновательным. В 1935 г. 24-летний Гримау начинает работать в полиции Барселоны как представитель «левых республиканцев», а в 1936 г. вступает в компартию. И борется он не столько с уголовниками, сколько с «врагами народа». Будучи убежденным сталинистом, он выявляет троцкистов и агентов «пятой колонны» в рядах Интербригад, громит ПОУМ — марксистскую партию антисталинского направления.

К началу 1938 г. в Испании появляются сотни тюрем под названием «чекас» (аналогия ясна). Гримау один из тех, кто отправляет туда людей. И там они попросту пропадают. Речь идет о смертельных пытках и бессудных расстрелах. Гримау приобретает репутацию «кровожадного убийцы». Всё это, конечно, Франко прекрасно знал.

Наделив нашего Грибанова такой кличкой (которая, помнится, ему даже понравилась), я будто предугадал, что позже «Хулиган Гримау» войдет в перечень самых отъявленных «идеологических опечаток» советской прессы — вместе с «Марксизмом де Садам» и «оберштурмбанфюрером СССР».

Остряки

Начало 60-х. Это было время остроумных молодых людей, не лезущих за словом в карман. Остряки. Технократы, любимцы НИИ. Пример для подражания одного пятиклассника...

Токсово, Кавголово, горнолыжный слалом. В электричках они всегда стояли в тамбуре, обсуждая достоинства фирменных лыж и ботинок. Каста. Элита. На горах они лениво замирали, опираясь на палки. Изредка «слаломали» вниз метров на 15–20 и снова неспешно поднимались на точку.

Зимние отпуска — непременно Теберда, Домбай, Терскол. Летние — Черноморское побережье Кавказа, но не в домах отдыха или в частном секторе, а палатки неподалеку от моря (все помнят фильм «Три плюс два»).

Из этой среды, как из питательной почвы, вырос КВН. Не тот, который сейчас. Но кто ж тогда предполагал, что молодой инженер Масляков, приданный в качестве соведущего опытной дикторше Светлане Жильцовой, организует из всего этого собственное предприятие с пожизненной рентой? Помнится стишок одной из команд того времени: «Мужичок-маслячок, приталенный бочок, стрижена головка...»

Их юмор был не заготовленный — ситуационный.

Я хорошо помню одного из них. Аркашка Дружинин, старший пионервожатый. В него был влюблен весь наш лагерь. Все ждали, когда он откроет рот и уже заранее начинали прихахатывать.

Позже я встретил его, когда пришел работать в НИИ, от которого был тот ведомственный пионерлагерь. Начались 80-е.

Это был уже довольно потертый жизнью человек. Начальство не знало, куда его пристроить. Как инженер он давно дисквалифицировался (что началось, видимо, гораздо раньше, не зря же его отпускали на целое лето работать в пионерлагере). Вот и был он постоянным «освобожденным» — по профсоюзной линии. По комсомольской было уже поздно.

Однажды я заговорил с ним, напомнил о тех веселых днях. Он узнал меня, но разговор этот воспринял довольно вяло. Не слишком-то хотелось ему толковать с бывшим пионером, свидетелем времен его полета и блеска.

Прошло еще 40 лет. Пятикласснику уже под 70. Где они, эти остроумцы, сейчас? В основном — понятно, где. Время их никогда не повторится...

Белая дача

«Белая дача» — мрачноватый финский дом с башней, мыза, примерно в получасе ходьбы от станции Заходское Выборгского направления (до 1948 г. посёлок носил финское название Лоунатйоки). Стоит особняком в лесу. Построен около 1908 г.

В 60-х его арендовал ленинградский ЦНИИ «Гранит», где работала мама (в разные времена институт носил различные названия, а тогда был номерным «ящиком»). Выезд детей сотрудников группами на зимние и весенние каникулы. Летом — сдача комнат сотрудникам с детьми. Так что довелось там пожить и зимой, и летом.

Природа замечательна — сосновые грибные боры, озёра, речки с форелью, налимчиками и раковинами-жемчужницами. Из подросткового опыта: форель хорошо ловилась на ночные «поставушки» — полметра лески, прикрепленной к рогульке, тяжелое грузило, крючок с пучком дождевых червей. Втыкаешь оснащённую рогульку вечером под берег, а наутро бежишь проверять.

Как-то раз пошел проверять вечером, а когда возвращался, навстречу по дороге шли туристы с поезда, на Красноперское озеро, с рюкзаками и палатками. Я гордо нес крупную форель на виду. Вдруг один парень сказал своим: «А давайте-ка, отберем рыбину у этого рыбачка!..» А я-то ждал слов удивления и восхищения моей удачей.

В лесу можно было наткнуться на лёдники — подвалы из гранитных, грубо отёсанных глыб, — всё, что осталось от домов.

Натыкался там и на полукруглую парадную лестницу, ведущую в пустоту. Как потом вычитал, эта лестница осталась от особняка петербургского банкира Биенковского. Его жена по имени Тереза-Елизавета жила там до 1939 г.

Это была уже независимая Финляндия. На своих дачах, территориально оказавшись за границей, нищенствовали доживающие свой век петербургские аристократы, интеллигенты и прочие «бывшие».

В начале декабря 1939-го, услышав канонаду (нападение СССР на Финляндию), старуха-банкирша в возрасте за восемьдесят, встав на лыжи, попыталась уйти в финский тыл, но ее поймали. А позже использовали в пропагандистских целях, заставив написать статью «Большое спасибо Красной Армии» (с подзаголовком «Письмо финской крестьянки»).

Поселок Лоунатйоки переживал свой расцвет с начала позапрошлого века и до 17–19 гг. прошлого. Здесь были особняки и виллы петербургской элиты, православная церковь, санаторий, колбасный заводик, летний театр, где играли заезжие труппы. Ходили даже конка и свой паровичок с вагонами. Были хорошие дороги, сохранившиеся еще в 60-х гг.

Впрочем, с начала этого века пошла «новая волна» — боры вырубаются, строятся загородные «замки» уже для новой «элиты».

Бывай, смуглявая...

Был такой белорусский пиит — Аркадий Кулешов (1914–1978). Народный поэт Белорусской ССР, дважды лауреат сталинских премий, и т.д. и т.п. О его переводе на белорусский язык «Медного всадника» язвительный Михаил Дудин пошутил: «У тебя, Аркаша, лучше, чем у Пушкина получилось...»

Несмотря на то, что Кулешов написал множество «правильных» стихов и поэм, на то время актуальных, остался он в памяти потомков стихотворением «Алеся», которое написал лет в 15–16. Зазвучало оно всенародно после переложения на музыку и исполнения «Песнярами». Повествует о несбывшейся, естественно, юношеской любви.

Эта «любовь» будущего народного поэта была года на 2–3 старше него. Однажды, когда Кулешову было уже за 60, а песня стала суперпопулярной, какой-то телеканал решил устроить «встречу сквозь года». Разыскали Алеся, работавшую где-то в глубинке на почте. По бедовому замыслу телевизионщиков, Кулешов должен был стоять в очереди и внезапно появиться в окошке перед бывшей возлюбленной. Ее не предупреждали, — как бы розыгрыш, довольно, надо заметить, жёсткий.

Кулешов согласился было, но в решающий момент, когда до окошка оставалось совсем немного, сбежал. Сказал потом, что не может вместо юношеской любви увидеть незнакомую старушку. «Встреча сквозь года» не состоялась...

Слоган

В 90-х годах я сдружился с новой, быстро ставшей популярной в Петербурге, а ныне уже несуществующей газетой «Час Пик». А точнее, с одной журналисткой этой газеты. Тем более, снимала она жильё на проспекте Энергетиков, через несколько домов от меня. Даже упомянул ее в рассказе «Наша родина — проспект Энергетиков».

Давал ей свои материалы, и они неизменно появлялись на страницах газеты. Звал на различные литературные мероприятия, до которых был тогда охоч. Она, как любительница фуршетов, приходила и потом давала информацию об этих тусовках.

В то время были в чести длинные заголовки с бойким уклоном. Например, после посещения какого-то вечера японской поэзии, возвращенной на местном гумусе, журналистка дала своему материалу такой заголовок: «По Москве ходят танки, а мы читаем танки». Шел 1993 год.

На этом энтузиазме я и предложил редакции стихотворный слоган для какой-нибудь глубинной полосы. На злобу, так сказать, дня:

Ждали — свежая волна!
Пригляделись — из говна...

Внезапно они буквально загорелись: дадим на первую полосу в ближайший номер! Но потом благоразумие всё же взяло верх, горячие головы охолонули, и слоган на страницах «Часа Пик» так и не появился. Ни на первой, ни на какой-либо другой полосе.

А жаль. Все последующие годы, по моему разумению, он актуальности не терял...

Следователь

В середине 90-х годов вызвали меня к следователю по делу о газете «Невский глашатай», в которой я тогда работал. Помню, это было на Лиговке, недалеко от Московского вокзала.

К делу было притянута и российское телевидение в его петербургской ипостаси. Его (дело) видимо посчитали настолько важным, что пригласили следственную группу из Пскова, т.к. на наших городских пинкертонов якобы могло быть оказано «давление».

И вот сидит передо мной молодой круглоголовый паренек с усиками. Внешне похож на одного актера второго плана, изображавшего следователей в советских фильмах о милиции. Однако до тех образцовых персонажей ему явно далеко...

Вид у него был сильно похмельный. Под правым глазом красовался свежий синяк (видимо, кто-то ему накануне навесил с левой руки). В одежде тоже легкий беспорядок. Вырвался, видимо, из дому, большой город, то да сё...

Он сидит передо мной (вернее, я перед ним), правая рука у него локтем на столе, ладошка прикрывает фингал. Изображает задумчивость над бумагами. Я отвечаю на его вялые вопросы. Но по обстоятельствам дела «показать» ничего не могу — не принимал, не передавал...

И появляется у меня мысль — ведь это я в своем нормальном, не похмельном виде, не битый, должен бы сидеть здесь в качестве следователя. А он в своем нынешнем облике как раз и есть готовый подозреваемый... (Но, конечно, не по экономическому делу, а по какой-нибудь бытовой «хулиганке».)

В общем, помучались часок, подписал я ему протокол, и разошлись.

90-летие «претендента»

23 марта 2021 г. исполнилось 90 лет со дня рождения Виктора Корчного (1931–2016). Для меня он входит в тройку великих неудачников, которые чуть-чуть не стали чемпионами мира по шахматам (первые два места, конечно, занимают австриец Шлехтер и Давид Бронштейн).

В 1978 г., во время матча с Карповым, советская пресса называла Корчного обезличенно — «претендент» (до недавнего времени существовал у нас и еще один обезличенный — «блогер»).

В Ленинградском Дворце пионеров 13-летний Витя записался сразу в три кружка — литературный, музыкальный и шахматный. Победили шахматы, где не важны дефекты речи при мелодекламации и наличие собственного пианино дома.

Интересен эпизод о встрече Корчного в Америке со Светланой Аллилуевой из его книги «Шахматы без пощады».

Однажды, зимой 1980-81 года мне позвонила дочка Сталина, Светлана Аллилуева, и пригласила к себе. Как ей удалось найти мои координаты — не знаю; вероятно, у нас оказались общие знакомые. Дочь Сталина жила в то время в окрестностях Нью-Йорка. Я приехал на поезде. От станции она подвезла меня к себе домой на машине. (...) Светлана испытывала страшный гнет ответственности за преступления, совершенные Иосифом Джугашвили-Сталиным. Вот пример: «У меня много друзей в Западной Германии», — говорит она. «Ну, поезжайте туда, повстречайтесь с ними». «Но как я могу?» «Что вы, — говорю я, — ведь это сейчас самая демократическая страна в мире!» «Да, но ведь она разделена!» «Ну и что?» «А кто в этом виноват?!»

Пришла из школы дочь Светланы. Она сидела тихо и не обращала никакого внимания на наш русский говор. Мать общалась с ней по-английски, притом, что английский язык Светланы был не слишком богат и фонетически не очень чист. Почему она не учила дочь русскому языку? Из опасения, что и на внуку падет проклятие за злодеяния ее деда? Нет, нелегкая доля выпала наследникам тирана XX века...»

Мой институтский одногруппник Леня Беляев, кандидат в мастера, вращавшийся в шахматных кругах, рассказал мне байку, родившуюся во время матча в Багио. Когда счет был 5:2 в пользу Карпова, председатель шахматной федерации СССР космонавт Севастьянов полетел на Филиппины поздравлять победителя (матч шел до шести побед без учета ничьих). Лететь надо было с длительными пересадками. На первой, где-то во Владивостоке, ему сообщили, что счет стал 5:3. Когда приехал в Манилу, счет стал 5:4. Пока добрался до Багио — 5:5...

Корчной играл до последних дней. Получал приглашения и выезжал на турниры из маленького швейцарского городка Волен, где провел последние годы жизни и где его хорошо знали. Он так и не наигрался...

Гроссмейстер и пианист, или наоборот?

Как-то раз играл в шахматы по интернету с одним немцем, и он спросил: «Вы знаете гроссмейстера Д.? — он русский, чемпионом Германии был...» — «Нет, — написал, — знаю «старых мастеров» — Спасского, Корчного, Тайманова...»

Марк Тайманов (1926–2016) был профессиональным концертирующим пианистом. Собственно, и в шахматы попал случайно, зайдя от нечего делать в шахматную секцию Ленинградского Дворца пионеров после занятий музыкой. Видимо, в отличие от Корчного, у него дома было пианино.

После его поражения 0:6 в претендентском матче от Фишера (последнему приписывают слова «Я ему доказал, что он только пианист», а Тайманов впоследствии выпустил книгу «Я был жертвой Фишера») неприятности у него только начались. По возвращении у Тайманова изъяли на таможне книгу Солженицына. Говорят, знакомый начальник таможни сказал ему доверительно: «Марк Евгеньевич, да если б вы у Фишера выиграли, я бы вам полное собрание Солженицына сам до машины донес!»

Начались проработки — и на идеологическом, и на шахматном фронтах. Мог лишиться стипендии, быть исключенным отовсюду, и т. п. Спас его, отчасти, Бент Ларсен, также проигравший Фишеру 0:6...

Есть анекдот, приписываемый Ростроповичу.

— Вы знаете, у Солженицына большие неприятности...

— ???

— У него на таможне нашли книгу Тайманова «Защита Нимцовича»!

Роковая дата

Мама умерла 5 февраля 2020 г., день в день на 25 годовщину смерти отца, умершего 5 февраля 1995 г. Умерла вечером, помянув его вместе со мной днем, съев последний в своей жизни мандарин и отказавшись от глотка коньяку.

А недавно, пересматривая бумаги об ее отце, моем деду, Иване Евграфовиче Травкине, обнаружил в прокурорском ответе на запрос о нем, что был он арестован 5 февраля 1940 г. В декабре того же года осужден, и в 1942 г. умер в лагерях, в Коми.

С этой даты — 5 февраля — и пошли все беды их семьи. Бабушка осталась одна с четырьмя детьми на руках, денег не хватало. Пришлось переехать в меньшую квартиру. Снять на лето дачу в Мариенгофе, как в прошлые годы, стало уже не по карману. Маму с младшим братом Веней в начале каникул в 1941 г. отправили к родственнику в Калининскую область. Но тот вскоре после начала войны выставил их из дому, отправив к другим родственникам за несколько десятков километров.

Так начались их скитания по оккупированным территориям, брат пропал без вести. Всё это она описала в своих «Воспоминаниях о войне», опубликованных в журнале «Звезда» уже после ее смерти (№1 за 2021 г.). Ее средняя сестра Вера умерла через год после окончания войны от туберкулеза, приобретенного в эвакуации.

Вот так — пятым февраля началось, им же ровно через 80 лет и закончилось. Осталось только ждать — проявит ли себя вновь эта дата...

2020 — июнь 2021

**ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ
ПИСАТЕЛЯ**

*Литературные записки
2021 года*

3 марта — Всемирный день писателя

В этот день хочется вспомнить один литературный анекдот.

Писатель попадает в ад. Его вводят в огромную, уходящую за горизонт залу, уставленную письменными столами, за которыми сидят писатели. Между столов расхаживают черти с плетками и хлещут их: «Писать, еще писать! Больше, быстрее!»

— Но дайте хоть одним глазком взглянуть на рай для писателей! — взмолился несчастный.

Хорошо. Его вводят в другую залу, где всё то же самое — писатели, черти с плетками...

— Но в чем же разница?!

— Этих мы публикуем...

Об одном стихотворении Г. Семенова

* * *

Тебе не вспоминается? — взгляни:
На луговину льется свет вечерний,
И тени всё длинней и непомерней,
И то, что за спиной, уже в тени.

Озарены спокойствием холмы,
И мимо отдыхающего стога
Настолько никуда лежит дорога,
Что двое на дороге — это мы.

Начало 1970-х гг.

Когда перечитывал это стихотворение ленинградского поэта Глеба Семенова, всегда представлял себе одну не-

большую долину с речкой и недалгим лесом на холмах, на выходе из деревни Малая Пачковка, что у Псково-Печорского монастыря. И даже не слишком удивился, когда значительно позже узнал от дочери поэта Лидии Семеновой, что именно там оно и было написано!

Их семья ездила на лето в эту деревеньку. Видимо, город Печоры Псковской области и его окрестности был популярным местом у группы ленинградцев. И моя мама сняла там дачу впервые летом 1977 г. Я тогда приезжал к ней ненадолго. А летом следующего года мы были там уже вместе. Позже было еще несколько приездов — 1980, 1983, 1987. Остались воспоминания. «Настолько никуда лежит дорога...»

Сейчас та луговина вряд ли существует в прежнем виде — насколько знаю, в 90-х это место отдали под дачные участки.

Каждому возрасту — свои стихи

Всё-таки, каждому возрасту — свои стихи. Комично, когда глубоко пожилой человек начинает стихотворение так: «Ты не закрываешь глаза от моего прикосновения...» Не знаю, к кому он прикасается, но чего он, однако, ждет? «Восторгов юных в каждом жесте»? (цитирую И. Знаменскую). Тютчев, возразите вы, но Тютчев все же умер в 69, по нынешним временам еще хоть куда...

Язвительный Фёдор Иванович

По прочтении иронических высказываний Тютчева, собранных в сборнике «Русский исторический анекдот. От Петра I до Александра III» (Сост. Е. Курганов. СПб., 2017), как например:

«Пойду Жуковского убью». (Чтобы, как Дантеса, выслали за границу);

«Всякие попытки к политическим выступлениям в России равносильны стараниям высекаль огонь из куска мыла...»;

«Я испытываю не Heimweh, а Herausweh» (Не тоску по родине, а тоску по отъезду);

мне уже кажется, что хрестоматийное четверостишие «Умом Россию не понять...», постоянно цитируемое в урапатриотическом смысле, стоит рассмотреть совсем в ином ключе, ироническом...

Пласты смыслов

Призывают в «новойшей поэзии» чем-то восхищаться, чему-то изумляться, видеть «глубинные пласты смыслов». Но, увы, не восхищает, не изумляет, «пласты» из глубин не являются. Что-то мне надо с собой делать...

Премия «Неистовый Виссарион»

Недавно учрежденная премия для критиков, «как сейчас называют эту странную профессию» (Н. Я. Мандельштам. Воспоминания.).

Только, думаю, в нынешней России с ее так называемым «литературным экспертным сообществом» может быть придумана такая штука, когда номинатор на премию является одновременно и номинантом, и два интересанта из «общества взаимного восторга» в ходе формирования премиального листа благополучно обмениваются этими ярлычками, а дальше идет по незабвенному дедушке Крылову: «За что же, не боясь греха, кукушка хвалит петуха...»

Не удивлюсь, если те же номинанты-номинаторы являются и членами жюри. Да, неистов в своем премиальном рвении нынешний Виссарион...

К 650-летию Куликовской битвы в 2030 г.

Постановили сие мероприятие праздновать.

Интересно, что Куликовская битва — это, прибегая к футбольной терминологии, скорее матч двух клубных ко-

манд с прикупленными игроками, чем встреча сборных России и Татаро-Монголии. Татарские князьки участвовали за обе команды, литовцы тоже, какие-то немцы были, генуэзцы за Мамаю, князь Олег Рязанский со своей дружиной тоже на стороне Мамаю (не терпел он московитов).

Когда спустя пару лет Тохтамыш занял и сжег Москву (Мамаю к тому времени уже удавили, поражений в Орде не прощали), Дмитрий Донской заблаговременно из Москвы эвакуировался.

Надеюсь, закон об оскорблении ветеранов Куликовской битвы пока не принят.

Три Антихриста по Нострадамусу

Солнечное затмение 10 июня, «ореольное», прошло почти незамеченным. А вот с затмением в июле 1999 г., предсказанным (точнее, вычисленным) Нострадамусом, носилась изрядно. Кто-то пустил, что предсказан конец света.

На этой волне я для заработка взялся составлять отрывной календарь на 1999 год для одного издательства, названия которого не помню, находившегося на Петроградской. В 90-х брался за любую литературную подёнку, имеваемую ныне «фрилансом». В основном это были еженедельные материалы для популярного тогда еженедельника «Калейдоскоп» и его тематических приложений.

Календарь был посвящен в основном Нострадамусу, но также и другим прорицателям. В одном предсказании какого-то русского старца фигурировал, в частности, некий Горшечник, который будет править Россией в начале XXI века. А году в 2001-м появилась фотография Путина, ваяющего глиняный горшок на гончарном круге, во время посещения какого-то центра народных ремёсел. Вот и не верь старцам после этого...

Антихристов же по Нострадамусу было трое. Первым он называл Нерона, вторым, по всем признакам, был Наполеон. А вот третий...

Это был, как ни странно, не Гитлер (у Нострадамуса — Гистер, уроженец берегов реки Истр, т.е. Дуная, Гитлер был родом из Австрии). И не «грозный северный правитель» (Сталин).

Третий Антихрист по Нострадамусу должен был родиться в 1980 году, анаграмма его имени — Мабус. Таким образом, ему сейчас немногим за 40, и пора бы ему уже себя проявить...

Сон в Пасхальную ночь

Пережидаю дождь у входа в метро на площади Восстания. Подходит писатель Володя Шпаков. Ходили, разговаривали, договорились сегодня пойти на какой-то литературный вечер. Вдруг стукнуло — говорю ему: «Володя, но ты же в прошлом году умер...» Как-то он засмутился, говорит — брось, не слушай... И стал прощаться. Говорю: «Не торопись, давай еще походить». Но стал задумываться — может быть, я один его вижу?

Зашли в какое-то кафе. Он пошел в туалет. Тётка знакомая, местная, стоит, фикус протирает. Спрашиваю: «Вы Володю Шпакова сейчас видели?» «Да, — говорит, — но я слышала, что он умер». У меня отлегло — значит, не один я его вижу.

Вдруг он выскакивает, портфель под мышкой, бежит к выходу. Кричу: «Володя, подожди, а попрощаться?» «Пока-пока», — говорит, и исчез в дверях. Вроде как услышал, что проверяю его, и обиделся...

Четверо

В связи со смертью Александра Ерёмченко (21.06.2021) подумалось вдруг, что всех четверых, с кем определенно познакомился на встречах в Москве, в поездке так называемой «делегации молодых ленинградских литераторов» в 1986 г. (именно «определенно», московского литературного народу на тех вечерах было густо), уже нет на свете.

Слава Пьецух (с которым по-настоящему сдружился), любивший изображать из себя русского барина.

Пригов со своим дежурным напряженным оскалом, при каждом удобном случае читавший «Хоть русские и поприятней, а всё ж татары поприятней...»

Парщиков, облаченный кубанским казаком, — в коротком приталенном полушубке и круглой шапке-кубанке (хотя шел еще октябрь).

Ерёменко, казавшийся бестелесным...

Гонорарный ресурс

Из московских литературных ведомств в 70–80-х гг. присылали не только внутреннюю рецензию на рукопись от внештатного рецензента, но и подробное редакционное заключение на нескольких страницах, «аргументированно» подтверждавшее его выводы. Сначала я не понимал, зачем, но позже кто-то просветил — гонорарный ресурс вырабатывают.

В Ленинграде, вероятно, крутились не те деньги, т.к. могли ограничиться кратким: «Мелкотемно, зарисовочно, эскизно. Ваши стихи нам не подошли».

Поэт-бомж

Годовщина со дня смерти поэта-бомжа Александра Тинякова (1886–1934). Даже точная дата его смерти — 17 августа 1934 г. — была установлена сравнительно недавно. Вот что пишет об этом В. Варжапетян, исследователь творчества поэта:

Обошел тех, кто помнил Тинякова (речь идет о конце 80-х гг. — *М. О.*). Даже объявление дал в газете питерских писателей «Литератор»: отзовитесь, знающие что-нибудь о поэте А. И. Тинякове (13 ноября 1886–?). И откликнулись. Сотрудница ЗАГСа Куйбышевского района Ленинграда Кораблева разыскала запись акта о смер-

ти Александра Ивановича Тинякова: умер 17 августа 1934 года в больнице «Памяти жертв Революции». Огромное спасибо ей!

(В. Варжапетян. Хождение за Тиняковым. К 130-летию со дня рождения «Смердякова русской поэзии». «Независимая газета» от 10.11.2016.)

Я помню это объявление в популярной тогда газете, ныне уже не существующей (позже она называлась «Петербургский литератор»). В 80-х гг. я впервые заинтересовался Тиняковым и перечитал все три его прижизненных сборника в Публичке: «Navis Nigra», М., 1912; «Треугольник», Пб, 1922; «Ego sum, qui sum» / «Аз есмь сущий» /, Л., 1924, 1925. В купленной позже книге стихов Тинякова из серии «Поэты свинцового века» (Красноярск, 2001) в подбор даны все стихотворения из этих его сборников, за исключением, почему-то, стихотворения «В амбаре» из «Navis Nigra». Выписал его, привожу здесь. Не знаю, напечатано ли оно где-либо еще, кроме прижизненного сборника поэта. Я, во всяком случае, не обнаружил.

В АМБАРЕ

Под нами золотые зёрна,
В углах мышей смиренный писк,
А в наших душах непокорно
Возносит похоть жгучий диск.

Нам близок ад и близко небо,
Восторг наш хлещет за предел
И дерзко вдавлен в груды хлеба
Единый слиток наших тел!

Октябрь 1906 г.

К 75-летию постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград»

Весь фейсбук забит фотографиями Мариэтты Шагинян (уже старенькой) и якобы ее резкими словами, сказанными на пленуме Союза писателей, где осуждали Ахматову и Зо-

щенко: «Вот вы все когда-нибудь сдохнете, и о вас сразу забудут, а их будут помнить всегда. А теперь я отключаю свой слуховой аппарат, и можете мне возражать».

Не знаю, кто это сочиняет. В 1946 г. это была активная 58-летняя тётка, всюю делавшая литературную карьеру, восхваляя Сталина, Ленина и пр. (через 5 лет она получит сталинскую премию, позже ленинскую). Не знаю также, в каком возрасте она оглохла, но думаю, попозже. И верю словам о ней Гайто Газданова:

...Конечно, всегда будут такие авторы, как Марьетта Шагинян, которая начала с того, что писала стихи:

В эту ночь от Каспия до Нила
Девы нет, меня благоуханней,

а кончила книжкой в честь Берия, и тем, что всю ночь читала Ленина.

Серия «Литпамятники»

В моей домашней библиотеке в Петербурге есть всего две книги из серии «Литпамятники». Историю появления обеих хорошо помню.

Сонеты Мицкевича купил у похмельного интеллигентного алкаша неподалёку от дома, на Шоссе Революции. Торговались, просил он 15 руб., дал 10, что было немало по тому времени и для подобной сделки. Мама, помнится, дома пристыдила, что не дал ему, сколько он просил. Но надо заметить, что если б не я, шансов продать (и, соответственно, опохмелиться) у него в этом конкретном месте не было никаких. А доехать до книжных точек в центре у него, очевидно, сил не имелось.

История приобретения тома «Книги отражений» Иннокентия Анненского — полуворовская. Обнаружил книгу в научной библиотеке завода «Россия», где в КБ работал с 1979

по 1982 г. (здание это на Свердловской набережной снесли в нулевых, хотя числилось оно «памятником промышленной архитектуры»). Когда увольнялся, подписывая обходной в библиотеке, соврал — мол, пропала книга. Дали список технической литературы, которую можно купить на замену. Купил пару каких-то книг на ту же сумму. Никак не хотелось с Анненским расставаться...

85-летие А.С. Кушнера

На 85-летие Кушнера в сети, естественно, появилось много его стихов, а я всё ждал, проскочат ли три моих любимых. Два появилось: «Придешь домой, шурша плащом...» и «В отчаянье или в беде, в беде...» А третьего не было, потому даю его здесь:

* * *

И пыльная дымка, и даль в ореоле
Вечернего солнца, и роща в тумане.
Художник так тихо работает в поле,
Что мышь полевую находит в кармане.

Увы, ее тельце смешно и убого.
И, вынув брезгливо ее из кармана,
Он прячет улыбку. За Господа Бога
Быть принятым все-таки лестно и странно.

Он думает: если бы в серенькой куртке,
Потертой, измазанной масляной краской,
Он сунулся б тоже, сметливый и юркий,
В широкий карман за теплом и за лаской, —

Взовьются ли, вздрогнут, его обнаружа?
Придушат, пригреют? Отпустят на волю?
За кротость, за вид хлопотливо-тщедушный,
За преданность этому пыльному полю?

(Почему во второй строке у меня упрямо лезет «ёжик в тумане»?) Конечно, поздравил поэта. Он ответил:

«Дорогой Миша, спасибо!
Я тоже желаю вам всего самого лучшего, в том числе — стихов,
Ваш А. Кушнер».

Вообще, эту черту — просто «отвечать» — теперь редко встретишь. О чем я и написал несколько лет назад это стихотворение:

* * *

Александрю Кушнеру

Меня удивило поэта письмо.
Конечно, и содержанье,
Но даже не столько оно само,
Как факт «живого» посланья.

Кто нынче напишет, на почту снесет,
Достаточно марок наклеив?
(В чужую страну, дойдет — не дойдет,
Россия — Минсвязь — Лорелея...)

А всё ж добралось, не пропало, и вот
Конверт с Эрмитажем ярким!
И ящик почтовый, разинув рот,
Дивится такому подарку.

21 сентября 1938 г.

Этот день был особо «урожайным» для НКВД на литературном поле. По «Ленинградскому писательскому делу» были расстреляны В. Зоргенфрей, Б. Лившиц, Ю. Юркун, В. Стенич, С. Дагаев, П. Калитин. Родственникам казненных сообщили об их осуждении на «10 лет заключения в дальних лагерях без права переписки».

Памяти «Дня поэзии»

32 года назад, в 1989 г., тиражом 50 тыс. экземпляров (!) в Ленинграде вышел последний альманах «День поэзии. Ленинград. 1989». Это был первый и последний «День поэзии», куда попали два моих стихотворения. Одним из составителей был поэт Леонид Агеев (помню, звонил он, что-то согласовывал).

В прежние годы в альманах «нечлены» СП практически не попадали. В этот последний вагон успели заскочить (также по первому и последнему разу) несколько «несоюзных» поэтов — В. Кривулин, П. Барскова...

По поводу альманахов этих ходили разные шуточки, типа «Ты на “Дне поэзии”?» или «Лучшее из худшего», но всё же попасть туда считалось весьма престижным.

В последние годы в Петербурге выходят различные сборники, по направленности дублирующие «День поэзии». Например, «Петербургская поэтическая формация», 2008; «Собрание сочинений», 2012; «Паровозъ», 2019. Но ежегодного поэтического альманаха нет, и возродить его, даже если бы у кого-то появилось такое жгучее желание, на мой взгляд, нет смысла. «День поэзии» навсегда остался там — в Ленинграде шестидесятых — семидесятых — восьмидесятых...

Прекрасно!!!

Когда в 80-х годах я состоял в Клубе молодого литератора при Ленинградской писательской организации СП СССР, одной из моих «общественных нагрузок» был обзвон части членов союза (по справочнику) с сообщением о продуктивном наборе, каковым примерно раз в месяц стали ленинградских писателей снабжать.

Дело было ужасно муторным — приходя домой с работы, я обычно куда-то ужасно торопился. У меня было не-

сколько красивых знакомых девушек, которые мне очень нравились и требовали внимания, дважды в неделю — бассейн, несколько раз в месяц — баскетбол, плюс молодежные литературные вечера в Доме писателя и прочее. Но главное — быстро отделаться от большинства писателей было не так-то просто. Въедливыми литературными голосами они требовали перечислить состав набора, а потом начинали мне пенять на его скудость. Как будто я его составляю и им выдаю, а потому ответствен за отсутствие гречки. Долго раздумывали, иногда рассуждая вслух — брать-не брать. Особо придирчивые обещали на меня куда-нибудь пожаловаться.

И только один писатель в этом отношении мне безоговорочно нравился — Владимир Владимирович Кунин (Фейнберг), автор «Хроники пикирующего бомбардировщика», в конце 80-х прогремевший «Интердевочкой». Заслышав мой голос, он сразу кричал: «Прекрасно!!!» и брал «не глядя».

Он умер в Мюнхене 10 лет назад.

Писательская иерархия

В 1990 г. из ведущего инженера ЦНИИ «Гранит» я сделался литконсультантом в Ленинградской писательской организации — сменил место работы.

Как-то раз мы готовили к общему писательскому собранию витрину с новыми книгами ленинградских писателей. Я выложил сборник стихов Леонтия Шишко, потом к нему еще один, и даже, вроде бы, и третий. Стихотворец он был, конечно, далеко не первого ряда, но приобрел известность стихотворением «Клен» («Там, где клен шумит над речной волной...»), ставшим текстом популярной песни.

Многоопытная Людмила Борисовна из отдела пропаганды художественной литературы скептически оглядела

плоды моих трудов, покачала головой, оставила на витрине только один сборник Шишко и задвинула его подальше. А мне дала стопку других: «Вот этих в первый ряд!..»

Так я в довольно уже зрелом возрасте начал постигать азы писательской иерархии...

Новая жизнь эпиграммы

Пушкинская эпиграмма на Николая I в нынешнее, коронавирусное время обрела новое звучание, причем не только для России:

В России нет закона, есть столб, а на столбе корона.

«Приращение смысла», так сказать...

Политура

Когда в 1970 г. я демобилизовался из армии, стал чуть ли не ежедневно ездить в гости к Боре Воронину, с которым познакомился и сдружился в военном госпитале на Суворовском. Ехать с Охты было не близко — он жил в дальнем углу Петроградской стороны, на Пионерской улице. 20-й трамвай тащился чуть ли не час. Но там я обрел новую компанию, которая меня приняла. Ведь после демобилизации я оказался в вакууме.

Там был один человек — не скажу, что в ближнем круге, но знакомец. Это был некто очень маленького роста, неопределенного возраста — ему можно было дать и 20, и 50. Вылезая из своей берлоги, он брал в хозмаге 200-граммовый пузырек политуры и четвертинку формового в булочной (на портвейн, а тем более на водку, денег у него не было, а политура стоила копеек 20–30, хлеб — 4 коп.).

Никого и ничего не было ему нужно. Идя домой, он радостно сигналил нам с другой стороны улицы — мол, всё в порядке, всё взято, и поспешал к себе.

Почему-то в последнее время я частенько вспоминаю этого человека, хотя лица его совершенно не помню. Может быть, в свете всего произошедшего в последующие 50 лет, так и надо было?

2021

СЕКЦИЯ ПОЭЗИИ

Что поэту хорошо, то филологу смерть

* * *

И в сердце растрava.
И дождик с утра.
Откуда бы, право,
Такая хандра?

О дождик желанный,
Твой шорох — предлог
Душе бесталанной
Всплакнуть под шумок.

Откуда ж кручина
И сердца вдовство?
Хандра без причины
И ни от чего.

Хандра ниоткуда,
Но та и хандра,
Когда не от худа
И не от добра.

Это известный перевод Пастернака стихотворения Верлена. Стихотворение это переводили неоднократно (Брюсов, Ф. Сологуб, Гелескул и др.), но Пастернак, очевидно, не стал ломать голову над подстрочным переводом («Плачется в моем сердце, / Как дождь идет над городом. / Что это за томление...» и т. д., М. Варденг), а просто написал собственное стихотворение на тему, и вышло прекрасно.

Недавно в фейсбуке редактора толстого московского журнала этот перевод обсуждался. Одна дама привела доводы, что во второй строке последнего четверостишия имеется явная опечатка, которая всегда казалась ей полной бессмыслицей. А недавно благодаря одной из первых публикаций обнаружен правильный вариант: «На то и хандра...»

Спорить я не стал (там народ всё филологический, учёный), но для меня в этом варианте стихотворение теряет очень многое. Ведь именно так: «Но та и хандра, / Когда не от худа / И не от добра.» Что и находит свои резоны в предыдущей строфе — «Хандра без причины / И ни от чего...»

Если у Пастернака и было «На то и хандра...», а позже он ушел от этого варианта, то сделал это абсолютно правильно. Что поэту хорошо, то филологу смерть.

«Важнейшее отличие»

Совершенно комические утверждения встречаешь в статьях новых критиков (они же и поэты, как нынче водится). Тут даже что-либо и комментировать затруднительно:

Важнейшее отличие силлабо-тоники от верлибра в том, что она гораздо дальше отстоит от естественного, обыденного языка. Никто не говорит в рифму и соблюдая размер в обычной жизни. Традиционная поэтика — маркер того, что всё происходящее в произведении не настоящее, что автор отделён от лирического героя, что созданный мир — простая игра разума (даже если сам автор считает иначе).

(Из статьи с сайта «Современная литература», 16.11.2021).

Следуя этой логике, пиши, в конце концов, прозу, на верлибрические столбики не порубленную, — будешь еще ближе к «естественному, обыденному языку». А лучше не пиши ничего, а зайди в разливаху и прими грамм 300 — вот тогда и окунёшься с головой в «обычную жизнь», хлебнешь «настоящего».

Бетономешалка

Краем глаза, без каких-либо побудительных мотивов наблюдаю за движениями в «актуальной поэзии». Всё же, без постоянной накачки «выступления-статья-интервью», а по новому времени также ЗУМы, в этом

цеку быть не может. Это как машина для доставки бетона на стройку — цистерна должна постоянно вращаться, иначе содержимое окаменеет и станет непригодным к употреблению.

Стихотворная правка

У меня хранятся пожелтевшие машинописные страницы моих старых стихов с карандашными пометками поэтов, из жизни ушедших. Вот их варианты строк, вопросительные и восклицательные знаки, предлагаемые эпитеты... Стихотворная правка.

Всегда хотелось, чтобы ее, кроме восклицательных знаков, было поменьше. Соглашался ли со всеми поправками? — нет, конечно. Но и позиции «ни запятой моей не тронь» не было. Зато бывали и озарения — как же я сам этого не увидел? Ведь именно так гораздо лучше!

Нынче, думаю, стихотворная правка ушла в прошлое. Ну, действительно, до каких таких более точных, единственных слов можно докапываться в длиннющих столбиках, занудно излагающих какой-нибудь жизненный казус? Что тут править? Зачем?

Нет, не останется у них пожелтевших страниц с пометками давно ушедших поэтов...

«Ну разве это поэт?»

Между нами говоря, я не понимаю, что о Лермонтове так много говорят, в сущности, он был препустой малый, плохой офицер и поэт неважный. В то время мы все писали такие стихи. Я жил с Лермонтовым в одной квартире, я видел не раз, как он писал. Сидит, сидит, изгрызет множество перьев, наломает карандашей и напишет несколько строк. Ну разве это поэт?

(Цит. по: В. Михайлов. «Михаил Лермонтов. Один меж небом и землей»).

Это Александр Арнольди, сослуживец Лермонтова по Гродненскому лейб-гусарскому полку, пишет через 40 лет по-

сле смерти поэта в своих воспоминаниях, будучи уже стариком, отставным генералом. И ведь, похоже, действительно так думал. И перьев не изгрызали, и карандашей не ломали...

О поэтических прозрениях

В брошюре «Молодым поэтам», изданной небольшим тиражом в 1981 г., Е. Долматовский приводит отрывок из стихотворения Блока «Моей матери», написанного 4 декабря 1904 г. (стихотворений с таким названием Блок написал несколько — но дата важна не только по этой причине):

...Мы провидели светлые цели
В отдаленных краях лабиринта.
Нам казалось — мы кратко блуждали,
Нет, мы прожили долгие жизни,
Возвратились — и нас не узнали
И не встретили в милой отчизне.
И никто не спросил о Планете,
Где мы близились к юности вечной...

Долматовский вспоминает, что украинский академик М. Пасечник увидел в этом стихотворении «поэтическое изложение теории относительности, открытой и сформулированной Эйнштейном лишь через год после Блока».

Действительно, внимательный читатель может усмотреть в этих строках одно из следствий теории: время для человека, движущегося со скоростью света — например, на межпланетном корабле, — течет «медленнее», поэтому возвратившиеся на Землю космонавты будут выглядеть моложе своих одногодков. А работа Эйнштейна «К электродинамике движущихся тел», где были впервые изложены принципы специальной теории относительности, была опубликована в 1905 г.

И далее Долматовский говорит о существовании целого ряда прозрений в мировой поэзии, когда поэты опережали научные открытия. Называет имена Гёте, Верхарна; напоминает, что термин «атомная бомба» впервые ввел А. Белый в 1921 г.

Этот ряд я бы дополнил еще одним примером. Французский поэт Жерар де Нерваль (1808–1855) в одном из со-

нетов цикла «Христос в Гефсиманском саду» дает поразительные строки (речь в сонете идет о скитаниях во Вселенной в поисках «бессмертного духа»):

Глаза Всевышнего искал я — лишь глазница,
Дыра бездонная, в которой мрак таится,
Была там: ночь глядит на мир из той дыры.

И странной радугой обвита мгла провала,
Преддверье хаоса, небытия начало,
Спираль, съедающая время и миры.
(Пер. М. Кудинова)

«Дыра бездонная» Нерваля в своем поэтическом описании удивительно сходна с загадочными черными дырами, областями пространства-времени, засасывающими всё вокруг, включая свет. А современная теория астрофизических черных дыр была разработана лишь в XX веке.

«Уходит поезд в Магадан!»

Стихотворение Бориса Рыжего, написанное в 1999 г.:

* * *

В обширном здании вокзала
с полуночи и до утра
гармошка тихая играла:
«та-ра-ра-ра-ра-ра-ра».

За бесконечную разлуку,
за невозможное прости,
за искалеченную руку,
за черт-те что в конце пути —

нечетные играли пальцы,
седую голову трясло.
Круглоголовые китайцы
тащили мимо барахло.

Тургруппы чинно проходили,
несли узбеки арбузы...
Не поймешь, выходило,
здесь ни монеты, ни слезы.

Зачем же, дурень и бездельник,
играешь неизвестно что?
Живи без курева и денег
в одетом наголо пальто.

Надрывы музыки и слезы
не выноси на первый план —
на юг уходят паровозы.
«Уходит поезд в Магадан!»

Вот картинка, многими десятилетиями бывшая и остающаяся типичной для любого вокзала любого города необъятной страны. Разве что теперь уже не играют, а просто просят милостыню. Умельцы, видать, перевелись.

А я еще помню, как слепой с гармошкой, бродивший по электричкам колпинского «рабочего» направления, неизменно говорил, слышав звон мелочи: «Вот и я, граждане, так же сыпал фашистов из пулемета и автомата, как вы мне теперь сыплете!»

Итак, поэт встретил своего инвалида — с трясущейся седой головой, с искалеченной рукой. Но обращается к нему не слишком-то уважительно: «Зачем же, дурень и бездельник, играешь неизвестно что?..» Действительно, зачем?..

Затем, чтобы, увидев эту картину, поэт пропустил бы ее через свое сердце и душу, и посланием оставил нам. Чтобы и мы сопереживали этой «непарадной» судьбе, услышали «надрывы музыки» и увидели слезы, вынесенные «на первый план». Чтобы, наконец, запечатлели упрямое «Уходит поезд в Магадан!»

Упорно вдалбливает вокзальный калека детям разных народов, спешащим по своим делам, что есть на Руси такой город, который не вычеркнешь из памяти, какой бы распрекрасной ни сделалась жизнь. И всегда останется в ней место и для «бесконечной разлуки», и для «невозможного прости».

А поэт и пожизненно, и посмертно остается с теми, кого поезд навечно уносит в Магадан. Другого пути он для себя не видел...

СОДЕРЖАНИЕ

УЖЕ ХОРОШО!

От автора	7
Уже хорошо!	8
Десять «дринков»	8
Галстук.....	9
Серый костюм	9
Раки.....	9
Попугай.....	10
Первый блин.....	10
Солонка.....	11
Девушка и чемодан водки.....	11
Художник.....	12
Как пишутся стихи	13
Неадекватная реакция	13
Псевдоним.....	13
Эпиграмма.....	13
Напряжёнка.....	14
Поминки.....	14
Хвост редактора.....	15
Почитатель.....	15
Спусксовая доза.....	15
Не с нами	16
Летописец.....	16
Швейцарская революция.....	16
Увольнительная	17
Окладоискатель	17
Бацалёв	17
Москва — Петушки	18
Вкус водки.....	18
С помощью Бродского	19
Реклама — шанс.....	19
Кто такой?.....	19
Никак!	20
Турнир.....	20
В Париж	20
Выстрел холостой.....	21
История одной дружбы	21
Мемориальная тоска.....	22

Веник	23
История одного плагиата.....	23
Однофамилец	24
Интересный писатель	24
Перемена ролей	25
Жизнь пропета	26
Диссидент.....	27
Увлекательное чтение	27
Избранное	28
Драчун.....	28
Старый шкаф.....	29
Нам года — не беда.....	29
По заветам Ильича	30
Интеллигентные люди	31
Менталитет	31
Маяковский.....	31
Оскоплённое лицо	32
Говно.....	32
Тот, кто пишет!.....	32
Последний из даринцев.....	33
Пердуха.....	34
Детали	34
«О ты, последняя любовь...».....	34
Полезные идеи	36
Ха кипопт!.....	36
Очередное знакомство.....	37
Прототипы.....	37
Не поговорили.....	38

КЛОНЫ

Клоны	41
Из детства: английский язык, «Сайгон» ..	41
Мистическое	42
Два деда.....	43
Ленинградские типажи	44
Две женские военные истории.....	46
Крематорий.....	46
Африканские студенты в Ленинграде70-х годов ..	47
Памалайка	48
Речка	49
Тост.....	50
Конфетка с ромом.....	50
Чайковский и Бродский	50
Спокойная жизнь	51
Об одиночестве поэта.....	51

Кого выбрали?!	52
Литературные штампы	52
Книге — бой!	53
Творческий кризис	53
«Мастер»	54
Белла Улановская	55
По мотивам братьев Гримм	56
«Блажен, кто смолоду был молод...»	56
В редакции	56
Безмозгис	57
Поэт Николай Оцуп	57
Анаис Нин	57
Вопросы похмелья	58
Две встречи	58
Слово о партии	59
Носители языка	59
Китайцы	60
«...И действительно смерть придет?»	60
Проспект Энергетиков: записки жаркого лета 2010 года	60
Полосочки	61
В интерьере рюмочной	61
Шиншилла	61

ВТОРОЕ ВЫСШЕЕ

Второе высшее	65
Люди «СИСТЕМЫ»	65
По морде от Довлатова	66
Ленинградские пельменные семидесятых годов	67
Первое и последнее	69
Палиндром Геннадия Григорьева	71
Уловка №...	72
Друг Бахыта	72
В печать!	72
Актуальная литература без кавычек	73
Двадцать рублей и меховая шапка	74
Солдат вермахта	75
О, Русь!	75
Петербургские мистики	75
Столько и мнений	76
Достойный ответ	76

УШЕДШАЯ НАТУРА

Ушедшая натура	79
Кобылянцев	79
Гламур	80
Школьные драки	80

Пожары	81
Молодая гвардия.....	81
Писательские хроники.....	81
Умирующий город	83
«Зенит»	83
«Культурная революция»	84
Всего понемногу.....	84
Подручные	85
История стала расхожей.....	85
Труп на рельсах и киргиз.....	87
Часы как знак свыше.....	87
Пожилые братки.....	88

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Последние известия	91
Искусственный спутник Земли.....	91
Плагиат	91
Сиротство	91
Старые евреи	92
«Как из горящего театра...»	92
Блок	93
«Вот бы мне этак...».....	93
Не потерявший отчаяния.....	94
Прекрасные, удивительные.....	95
Атрофия.....	95
«Автор издательств».....	95
Деформация языка.....	95
«Лейтмотивная метонимия	96
эсхатологичности».....	96
Редакционный отбор	96
Пушкинская, 10	96
К сведению господ литераторов	97
В аэропорту	97
Один процент	97
Побег из военного госпиталя.....	97
Сто лет спустя	98
Премия «Поэт» 2016 года	98
Беглец.....	99
Блистательно навсегда!	99
Заморожок.....	100
BEST NIAGARA.....	103

«НО СТИХИ НЕ ЛЮДИ...»

Кто «перенесется»?.....	109
О российском Пен-клубе	109

Оден или Фрост?	109
Ося	110
Бунин о Набокове.....	110
Злоба дня.....	110
7 августа 2016 года — 95 лет со дня смерти Блока	111
Цветет в Тбилиси алыча.. ..	111
«Жидкие книги»	111
Работники.....	112
Фестиваль верлибра.....	112
30 мая — день памяти Пастернака	112
К 125-летию со дня рождения Цветаевой.....	112
Старше Блока.....	113
Есть умы столь лживые.....	113
300 лет Сумарокову	113
Константин Бальмонт.....	114
Новопетропавловка.....	114
И хруст денег советских.....	114
Штрицель	114
Воссоздать атмосферу.....	115
Висельная гора.....	115
Юбилей поэта-песенника	115
Последний разговор.....	116
От Зощенко о верлибрах	116
Со-чувствие	116
В этот день.....	117
Басутоленд Надежды Поляковой.....	117
Закон Гей-Люссака.....	117
«Рейтинг поэтов».....	117
Бенедиктов: от себя не убежишь.. ..	118
Антиподы?	118
И вновь о фильме «Довлатов»	118
Память.....	119
Актуальное.....	119
Зоргенфрей.....	120
Профессия такая.....	121
Культуртрегер	121
Дача показаний	121
Почти по Крылову	121
Критики, пишущие о критиках.....	122
Метаморфозы.....	122
Паровоз Егор Исаев.....	122
Бедная Санни.....	122
К 100-летию со дня рождения Д. Гранина	123

Юмор Нагибина.....	123
Учебник «Поэзия».....	123
«Но стихи не люди...».....	124

ПОСЛАНИЕ ПОТОМКАМ

Послание потомкам	127
Щербина и Головнин	127
Бродский, 80-летие со дня рождения.....	128
Как он работает?.....	129
«И Томлинсон взглянул назад...».....	129
«Жизнь обгоняет мечту»	130
Из цикла «Придуманые цитаты».....	131
Усмешки истории.....	132
«На комодe — бегемот...».....	133
К 150-летию со дня рождения А. И. Куприна	133
Плач по Европе	135
Российская телепропаганда.....	135
Молоток.....	135
«Уровень легитимности»	136
«Сильнее "Фауста" Гёте...».....	136
Ремарк.....	136
Кошка из Дома писателя.....	137
Месяц в Петербурге	137
Ночной звонок.....	138
Бариста	138
Бесцеллер	138
Теперь и в рюмочных.. ..	139
Реквием	139
Серёжа	140
Победитель.....	140
Откидная картонка.....	140
Гопники	141
Замечательные писатели	141
В коллекцию фамилий.....	142
Трамвайные арки.....	142
Везде.....	142
Чучело	143
Парафраз.....	143
150 лет со дня рождения И. А. Бунина.....	143
«За победу над Германией».....	144
Сносная жизнь	144
Книга мертвых	144
«Двухтомником Бонка...»	146
Живой Блок.....	147

ХУЛИГАН ГРИБАНОВ

Хулиган Грибанов.....	151
Остряки.....	152
Белая дача.....	153
Бывай, смуглявая... ..	155
Слоган.....	156
Следователь.....	156
90-летие «претендента».....	157
Гроссмейстер и пианист, или наоборот?	159
Роковая дата.....	160

ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ ПИСАТЕЛЯ

3 марта — Всемирный день писателя.....	163
Об одном стихотворении Г. Семенова.....	163
Каждому возрасту — свои стихи.....	164
Язвительный Фёдор Иванович.....	164
Пласты смыслов.....	165
Премия «Неистовый Виссарион»	165
К 650-летию Куликовской битвы в 2030 г.	165
Три Антихриста по Нострадамусу.....	166
Сон в Пасхальную ночь.....	167
Четверо.....	167
Гонорарный ресурс.....	168
Поэт-бомж.....	168
К 75-летию постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград»	169
Серия «Литпамятники».....	170
85-летие А.С. Кушнера.....	171
21 сентября 1938 г.	172
Памяти «Дня поэзии»	173
Прекрасно!!!	173
Писательская иерархия.....	174
Новая жизнь эпиграммы.....	175
Политура.....	175

СЕКЦИЯ ПОЭЗИИ

Что поэту хорошо, то филологу смерть.....	179
«Важнейшее отличие».....	180
Бетономешалка.....	180
Стихотворная правка.....	181
«Ну разве это поэзия?».....	181
О поэтических прозрениях.....	182
«Уходит поезд в Магадан!»	183

Літературно-художнє видання

СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»

Заснована у 2023 році

Михаил Окунь

КЛОНЫ

(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка
Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60x84 1/16. Наклад 200 прим. Зам. № 0264
Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 11
Гарнітура «Cambria».
Підписано до друку 26.06.2024 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

МИХАИЛ ОКУНЬ родился в 1951 г. в Ленинграде. Поэт, прозаик. С 2002 г. живет в Германии. Автор десяти сборников стихов, трех книг прозы, сборника стихов для детей. Лауреат нескольких литературных премий. Публиковался в журналах и антологиях Бельгии, Германии, России, США, Украины, Финляндии. Короткая проза, составившая этот сборник, выходила в журнале «Крещатик» в период с 2006 по 2023 гг.

ДРУКАРЕВСКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

9 786178 000264